

ISSN 2079-1003
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 2(7) 2012

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 2 (7) 2012

Established in 2009
Published twice a year

Editor-in-Chief

Anna Dybo

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

Editorial Board

Galina Blagova, Valentin Gusev, Polina Dambueva, Ariadna Kuznecova, Oleg Mudrak, Sergey Myznikov, Irina Nikolaeva (Great Britain),
Fanuza Nurieva, Grigoriy Pyurbeev, Martine Robbeets (Belgium/Germany), Irina Selyutina, Roza Tadinova, Zarema Ekba

Advisory Board

Vladimir Alpatov, Alexandr Anikin, Rinat Ahmeťyanov, Marianne Bakró-Nagy (Hungary), Václav Blažek (Czech Republic),
Nikolay Egorov, Marcel Erdal (Germany), Talmas Garipov, Firdaus Hisamitdinova, László Honti (Hungary), Igor Kormushin,
Igor Kyzlasov, Johanna Laakso (Austria), Kenesbay Musaev, Dmitriy Nasilov, Irina Nevskaya (Germany), Timothy Riese (Austria),
Klaus Schönig (Germany), Natalia Shirobokova, Elena Skribnik (Germany), Piotr Slepcev, Marek Stachowski (Poland)

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2012

Co-published with:

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 2 (7) 2012

Основан в 2009 г.
Выходит два раза в год

Главный редактор
А. В. Дыбо
Институт языкознания РАН

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская

Редакционная коллегия

Г. Ф. Благова, В. Ю. Гусев, П. П. Дамбуева, А. И. Кузнецова, О. А. Мудрак, С. А. Мызников, И. Николаева (Великобритания),
Ф. Ш. Нуриева, Г. Ц. Пюрбеев, М. Роббеетс (Бельгия/Германия), И. Я. Селютина, Р. А. Тадинова, З. Н. Экба

Редакционный совет

В. М. Алпатов, А. Е. Аникин, Р. Г. Ахметьянов, М. Бакро-Надь (Венгрия), В. Блажек (Чехия), Т. М. Гарипов, Н. И. Егоров,
И. В. Кормушин, И. Л. Кызласов, Й. Лааксо (Австрия), К. М. Мусаев, Д. М. Насилов, И. А. Невская (Германия),
Т. Ризе (Австрия), Е. К. Скрибник (Германия), П. А. Слепцов, М. Стаховски (Польша), Ф. Г. Хисамитдинова,
Л. Хонти (Венгрия), К. Шониг (Германия), Н. Н. Широбокова, М. Эрдал (Германия)

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2012

Совместно с

CONTENTS

No 2 (7) 2012

Tamara Esenova, Galina Esenova. <i>Eedzhin cə</i> as a precedent phenomenon in the Kalmyk linguoculture.....	7
Alevtina Kamitova, Leonid Ivshin. The peculiarities of the Udmurt translation of Gospel according to St. John at the beginning of the XIX century	14
The editors' comment on the article by Alevtina Kamitova and Leonid Ivshin	25
Egor Kashkin. Categorization of surface texture in the Western Khanty dialects: comparative and typological research	26
Maria Klyucheva. On the origins of the Russian games' terms: <i>salo, salki, maslo</i>	39
Igor Kyzlasov, Sergey Narylkov. The runiform (runic) inscription on the mountain pass Charykh-Pil (Khakassia).....	52
Julia Normanskaya. Stress in Proto-Samoyedic and its external correspondences. II. External correspondences of the Selkup word accent in the Northern Samoyedic and Finno-Ugric languages.....	59
Irina Pchelovodova. The cartographical method of study on the Udmurt aerophones (terminological aspect)	82
Nadezhda Sereedar. The sentence models with the verbs of speech in Tuvan	89

ON THE HISTORY OF SCIENCE

Galina Blagova. Lazar Z. Budagov, Nikolay I. Ilminski and the questions of non-systemic succession in Turkology. I. Lazar Z. Budagov: the problem of succession in the history of the Turkic theoretical lexicography.....	101
Ariadna Kuznetsova. The genre diversity of the folklore texts from Lyudmila A. Varkovitskaya's materials with the background of everyday vocabulary and proverb sayings (On the 100th anniversary).....	110
Ariadna Kuznetsova. The historical ambiguity: one Grigorovski or two Grigorovskis?	120

PERSONALIA

On the 85th anniversary of Galina F. Blagova	123
Ninel Z. Gadzhieva	131
Style sheet.....	135
How to subscribe	138

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2 (7) 2012

Т. С. Есенова, Г. Б. Есенова. <i>Ээжин цэ</i> как прецедентный феномен лингвокультуры калмыков	7
А. В. Камитова, Л. М. Ившин. Особенности перевода «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык в начале XIX века	14
Примечание от редколлегии к статье А. В. Камитовой, Л. М. Ившина	25
Е. В. Кашкин. Категоризация фактуры поверхностей в западных говорах хантыйского языка: сопоставительно-типологическое исследование	26
М. А. Ключева. О происхождении русских игровых терминов: <i>сало, салки, масло</i>	39
И. Л. Кызласов, С. Г. Нарылков. Руническая надпись на перевале Чарых-Пиль (Хакасия)	52
Ю. В. Норманская. Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. II. Внешние соответствия селькупского разноместного ударения в северно-самодийских и финно-угорских языках	59
И. В. Пчеловодова. Картографический метод исследования удмуртских аэрофонов (терминологический аспект)	82
Н. Ч. Серээдар. Модели предложений с глаголами речи в тувинском языке	89

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Г. Ф. Благова. Л. З. Будагов, Н. И. Ильминский и вопросы несистемной преемственности в тюркологии. I. Лазарь Захарович Будагов: проблема преемственности в истории тюркской теоретической лексикографии	101
А. И. Кузнецова. Жанровое разнообразие фольклорных произведений в записях Л. А. Варковицкой на фоне обыденной лексики и поговорок (К 100-летию со дня рождения)	110
А. И. Кузнецова. Исторический казус: сколько Григоровских — один или два?	120

ПЕРСОНАЛИИ

Галине Федоровне Благовой — 85 лет	123
Нинель Зейналовна Гаджиева (декабрь 1926 — октябрь 1991)	131
Требования к оформлению статей	135
Как подписаться	138

Ээжин ца как прецедентный феномен лингвокультуры калмыков

Гастрономия калмыков, которая складывалась под влиянием скотоводческого вида хозяйственной деятельности и кочевого образа жизни, является интересным объектом лингвокультурологического исследования. Однако специальных работ, направленных на изучение традиционной пищи калмыков в интересующем нас аспекте, недостаточно. Между тем лингвокультурологическое исследование всего того, что составляет неповторимую самобытность народа, является важной научной проблемой. Настоящая работа посвящена чаю — главному напитку калмыков, входящему в концептосферу *цахан идэ* 'белое яство'.

Национальный напиток калмыков широко известен в России под названием «калмыцкий чай». Его употребляют в разных регионах страны, в особенности на юге России: «Во многих астраханских селах гостя встречают именно калмыцким чаем, он очень полезен и что немаловажно — питателен. В голодные времена этот чай заменял жителям степей и первое, и второе, и третье блюда» [Интернет-ресурс 1].

Первое упоминание о калмыцком чае в русской художественной литературе связано с именем А. С. Пушкина. В своем «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» он так описывает свои впечатления от калмыцкого чая, который, судя по отрывку, ему не понравился: «На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось завтракать. Котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, курия табак. Я сел подле нее. “Как тебя зовут?” — “Сколько тебе лет?” — “Десять и восемь”. — “Что ты шьешь?” — “Портка”. — “Кому?” — “Себя”. Она подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылятины; я был и тому рад...» [Пушкин 1960: 1].

Калмыцкий чай является уникальным продуктом, так как сочетает в себе и вкус, и пользу: поднимает жизненный тонус, обеспечивает приток сил и энергии. Диетологи рекомендуют использовать калмыцкий чай как средство для похудения, ведь его основа — зеленый чай. Неоценимую пользу калмыцкого чая могут почувствовать кормящие матери, так как данный продукт способствует лактации. Этот напиток «прогоняет» хмель, а две-три чашки, выпитые за день, помогают справиться с такими заболеваниями, как авитаминоз, сахарный диабет и нарушение обмена веществ [Интернет-ресурс 2]. Полезные свойства калмыцкого чая определяются его ингредиентами: зеленым чаем, солью, молоком, мускатным орехом, лавровым листом, маслом и водой.

Калмыки считают, что чай — это *деедсин идэн* 'божественный напиток'. Он имеет особую значимость в жизненном цикле калмыцкого народа, будучи неотъемлемым элементом повседневной жизни степняков: с него начинается день каждого человека, он сопровождает любое событие — от рождения и свадьбы до перехода в мир иной. «Окультуренность» данного материального объекта, «осмысленность» его в духовной культуре, его большая аксиологическая значимость, а также плотное «оязыковление» в лингвокультуре позволяет рассматривать *ца* 'чай' в качестве концепта. Так как данный объект вызывает определенные, означенные в лингвокультуре народа ассоциации, *ца* 'чай', по нашему мнению, можно отнести к прецедентным феноменам ментального мира калмыков. Не случайно в сети Интернет среди ключевых слов на запрос «Калмыкия» перечисляются ассоциации «калмыцкий чай», «чаепитие», «чай с молоком».

1. История «ца»

Чай можно считать древнейшим продуктом кочевой цивилизации. В устном народном творчестве всех монголоязычных народов существуют пословицы и поговорки о чае, идентичные по звучанию и содержанию, что свидетельствует о древнем происхождении этого напитка, появлении его еще в ту пору, когда процессы дифференциации племен еще не были столь стремительны.

Скотоводство, пришедшее на смену собирательству, было древнейшим занятием монгольских народов. Научившись ухаживать за животными, наши предки стали использовать все продукты животноводства: шкуры — для одежды и обуви, рога — для посуды, помет — для обогрева, мясо и субпродукты — для пищи, молоко — для питья. Постепенно, по мере накопления знаний и умений, роста мастерства, они разнообразили технику, усовершенствовали способы приготовления продуктов животноводства:

так, от потребления сырого молока перешли к приготовлению полезных, вкусных, изысканных напитков, в частности — молочного чая (*цай / цэ*)¹ и молочной водки (*архи / эрк*) [Есенова, Цэндээ 2012].

У калмыков существуют разные фольклорные версии о происхождении чая. Так, в калмыцкой народной сказке говорится о том, что чай появился во времена запрета на употребление мясной пищи. Согласно преданию, чудодейственная культура проросла на тридцатый день благодаря молитвам монаха, который хотел создать калорийную пищу растительного происхождения [Хальмг туульс 1968: 222—223].

Калмыкам известна также легенда, в которой происхождение чая связывается с именем религиозного реформатора Цзонхавы. В ней говорится о том, что однажды Цзонхава занемог и обратился к лекарю. Тот прописал ему *деедсин идэн* ‘божественный напиток’ и порекомендовал употреблять его на голодный желудок в течение семи дней. Исполнив указания лекаря, на седьмой день, совпавший с двадцать пятым днем месяца барса по лунному календарю, Цзонхава избавился от недуга. В память о своем исцелении он повелел всем верующим готовить этот напиток и отмечать праздник Зул. Этот праздник стал связываться с жизненным циклом калмыков: в Зул все калмыки становятся старше на год, прибавляя к своему возрасту один год — *нег нас зуух*. На этом празднике самым почитаемым элементом является чай. Кроме того, в память о чудесном событии калмыки ежедневно совершают ритуал *дееж өрглһн* ‘подношение чая божествам’ [Интернет-ресурс 3].

Родина чая, как известно, — Китай. Через территорию Монголии по Великому шелковому пути чай поставлялся в Россию и европейские страны; этот путь пролегал через Западную Монголию, где кочевали ойраты. «Чай был основным товаром, провозимым через Монголию из Китая в Россию. Торговля носила в основном меновой характер, т. к. в то время в Монголии не было денежных единиц. Средствами платежа служил скот, кирпичный чай...» [Единархова 2003: 57]. Части кирпичного чая (например, *шар цай* ‘одна восьмая часть кирпичного чая’) служили своеобразной денежной единицей. В дальнейшем выражение *шар цай* приобрело переносное значение — ‘старинные бумажные денежные единицы; низкая денежная единица, равняющаяся одной засыпке кирпичного чая’. Этот факт свидетельствует об осмыслении чая в лингвокультуре монгольских народов.

2. «Цэ» ‘чай’ в культуре калмыков

Говоря о свойствах чая, С. З. Ользеева пишет: «Он способен снимать возбуждение и, наоборот, вызывать его; он охлаждает организм в жару и согревает в холод. Калмыцкий чай освежает тело, укрепляет дух, смягчает сердце, пробуждает мысли, прогоняет лень» [Ользеева 2007: 172]. Относительно чая существуют пословицы, которые определяют важное место этого напитка в обыденной жизни людей. Так, калмыки говорят: *цэ шицгн болвч, идэни дееж* ‘чай, хоть и жидок, он первое угощение’. Придавая особую символическую значимость этому напитку, калмыки придерживаются определенных примет, обычаев и правил, связанных с приготовлением, подношением и употреблением чая, а также определенного коммуникативного поведения. Остановимся на этом подробнее.

Приметы

Калмыки считают хорошей приметой, если человеку посчастливится попасть на утренний чай. Это связано с тем, что благополучное решение начатых дел калмыки связывают с *өрүни цэ* ‘утренним чаем’ и *йөрэл* ‘благопожеланием’, которое произносится по случаю его употребления. Следует отметить, что особой удачей калмыки считают попасть в дом во время семейной трапезы: *сэн куунэ амн тоста* ‘хорошему человеку везет’ (букв. ‘у хорошего человека рот в масле’), *сэн күн санаһар* ‘человеку везет’ (букв. ‘хороший человек по желанию’).

Исследователи отмечают, что «чай относился к разряду не только полезных и питательных напитков, но и к числу самой почетной пищи: *цэ хотын дееж* ‘чай значимей других яств’» [Хабунова 2010: 27]. Следует обратить внимание на благоприятную символику чая в калмыцкой культуре.

Поведение

С чаем связано и этикетное поведение калмыков. Так, например, среди калмыков распространено выражение *цэ иржэ уутн* ‘приходите попить чаю’, которое является табуированной формулой приглашения в гости: застолье, обязательно начинающееся с чая, предполагает и другие блюда. От приглашения *цэ иржэ уутн* отказываться нельзя.

¹ Здесь и далее переводы даны по [КРС 1977].

Калмыки — очень гостеприимный народ, что можно объяснить традиционным скотоводческим образом жизни: на протяжении длительного времени семья находилась в степи, где гость был редкостью, поэтому степняки встречали любого приезжего как дорогого гостя. Первым делом гостю варили свежий чай, считалось крайне неприличным предлагать гостю несвежий чай [Хабунова 2010: 28]. Первую пиалу чая хозяйка преподносит главе семьи, затем — по старшинству остальным присутствующим. Если чай преподносится гостю, то он, приняв пиалу обеими руками, должен опустить в него кончик указательного пальца правой руки и, *цацад* ‘брызнув несколько капель вверх’, произнести ритуальный *цээгин йөрэл* (‘благопожелание’):

«Не, хээрхи, // Кезэ болвчн шигжэ // Уурта халун цээһэн уужэ, // Урл-амарн күүнджэ, // Уусн цэмдн // Маднд ариан болжэ, // Өгсн улс өглһнэ эзн болжэ, // Хоорндан нег-негэн үзлцжэ, // Хамг эмтнэ хормад багтжэ, // Хээртэ садн-элгн болжэ сууцхай!»

«Пусть как можно больше // Будет в нашей жизни // Счастливых случаев, // Которые соединяли бы нас за общим столом, // Где чашка ароматного чая // Была бы подспорьем в доброй беседе // И наполняла нас радостью жизни. // Да не иссякнет гостеприимство хозяев этого дома, // А наши родственные связи пусть крепнут и впредь. // Счастья всем в этом доме!» [Ользеева 2007: 171].

Атмосфера

Калмыцкое чаепитие характеризуется своеобразной атмосферой. В отличие, например, от русского чаепития, отличительной чертой которого является задушевность, теплота, калмыцкое чаепитие характеризуется сдержанностью, степенностью и неторопливостью. Это не русское чаепитие с задушевными разговорами — у калмыков принято пить чай молча. Кроме того, у русских особой значимостью наделяется вечерний чай, у калмыков же — утренний.

Как отмечают этнографы, в современной Монголии чаепитие также имеет свои устоявшиеся традиции и правила, которые соблюдаются и в наши дни. Они касаются: 1) последовательности, 2) атмосферы, 3) положения рук. Так, «если вы даже на минутку зашли в юрту, хозяин и хозяйка обязательно предложат вам пиалу с чаем. Причем в отличие от наших традиций, у монголов за чашкой чая не принято вести беседу. Чаепитие проходило в полном молчании. Сейчас это правило практически не соблюдается. Необходимо отметить, что, как правило, первую чашку чая преподносят хозяину юрты или дома, главе семейства, а потом всем остальным членам семьи. Обед у монголов также начинается с чая. Его пьют в ожидании, пока поспеет баранина. Поднося гостю чай, хозяйка в знак уважения подает двумя руками. Гость также должен принять его обеими руками, этим он показывает уважение дому. В Монголии существует обычай правой руки. И пиалу, и табакерку при церемонии приветствия передают только правой рукой. И, естественно, принимать любое подношение вы должны правой рукой или обеими руками» [Интернет-ресурс 4].

Запреты

У калмыков существует серия запретов, связанных с чаем. Так, нельзя наполнять пиалу до краев — «грех», если чай прольется на пол. Запрещается выливать остатки чая — это тоже «грех» [Ользеева 2007: 172]. Существует запрет кипятить *хоосн хар ус* ‘пустую черную воду’. Считается, что кипяченая вода может употребляться только в исключительных случаях: во время болезни, крайней нужды и т. д., — поэтому воду следует кипятить с одним из ингредиентов традиционного чая (чайной заваркой, солью или каплей молока).

Запрещается переворачивать пустую пиалу вверх дном: подобное может расцениваться как проклятие. Выпив чай, гостю надлежит вернуть пустую пиалу хозяину. Запреты затрагивают и чайную посуду: нельзя пить чай из *кемтркэ амта ааһас* ‘пиалы с треснувшими краями’. Запреты касаются и характера подношения чая: нельзя *ааһ чавчжэ бэрх* ‘опускать в пиалу указательный палец’ [Хабунова 2010: 29—30].

Ритуальные движения

Следующий элемент чайного ритуала — характер движения. Как говорилось выше, в культуре монгольских народов существует «правило правой руки» и обычай подносить чай обеими руками. Кроме того, все движения во время приготовления чая и ритуала чайного подношения совершаются слева направо. Совершение этих круговых движений по ходу солнца означает, что жизнь и все добрые начинания будут позитивными [Хабунова 2010: 29].

Обычай

В некоторых обычаях, связанных с чаем, отражаются народные верования. К ним можно отнести обычай *цацал* ‘кропление’. *Цацал* делают после того, как сварится свежий чай: несколько капель чая набирают на доньшко половника и, приоткрыв входную дверь, брызгают вверх, так, чтобы капли попали на стену над дверью. Эти капли чая предназначены духам. Перед чаепитием также полагается совершить *цацал*: кончик указательного пальца правой руки опускают в чай и делают вверх *цацал*. После этого произносят *йөрэл* ‘благопожелание’, например: *цэ шиңгн болв чигн идэни дееж болдг, улан цэнь зандрж, уурхан саң болж, уусн маднд ариан болтха* ‘чай, хотя и жидок, но выше всех яств; пусть чай хорошо заварится, станет неиссякаемым сокровищем; нам, его пьющим, пусть будет аршаном’ [Челбана 2008: 41].

Еще один обычай — это подношение чая, *дееж* ‘почетное угощение’ (например, первый кусок мяса, первая чашка чая, которые ставились в качестве жертвоприношения перед бурханом — изображением буддийского божества). Процесс подношения жертвоприношения называется *дееж өргх* ‘преподносить (ставить) почетное угощение перед бурханом’. В каждой калмыцкой семье есть *деежин цөгц* ‘жертвенная чаша’, специально предназначенная для подношения чая. В скудном хозяйстве кочевника чаша *деежин цөгц* занимала важное место — ее, как правило, передавали по наследству. В праздничные дни или в связи с особым случаем *дееж* ставят *шүтэнэ өмн* ‘перед божницей’, в обычные дни *дееж* ставят на обеденный стол. Через некоторое время, но обязательно в этот же день *дееж* необходимо выпить: пить его должны или дети, или пожилые люди [Ользеева 2007: 172].

Обряды

Чай «участвует» и в свадебном обряде калмыков. Чай и мускатный орех в качестве почетного подношения привозятся будущим сватам для закрепления знакомства и сватовства [Хабунова 2010: 30]. Во время свадебного обряда в отчем доме невесты сторона жениха проводит церемонию приготовления чая: варит чай и угощает им новых родственников. При этом все ингредиенты чая родственники жениха привозят с собой. Если какого-то ингредиента не оказывается, его следует «выкупать». По аромату и вкусу чая судят о том, какой в будущем будет жизнь молодой семьи и какой хозяйкой будет невеста.

Таким образом, со временем обычное событие, имеющее утилитарную цель (утоление жажды), сложилось в своеобразный ритуал, который Е. Э. Хабунова по праву называет «чайной церемонией калмыков». Анализ материала дает возможность говорить о складывании определенного сценария развертывания последовательных действий при приготовлении, подношении и употреблении чая, наделении каждого из них особыми символическими значениями, ритуализации. Это дает нам основание отнести «чаепитие» к концептам сценарного типа.

Современные калмыки, несмотря на все перипетии исторической судьбы, демонстрируют большую приверженность национальному напитку, продолжая готовить чай по старинному рецепту и потребляя его ежедневно. Народный напиток наделяется новыми смыслами, что является показателем его неугасающей актуальности для этнической культуры. Так, современные калмыцкие поэты слагают стихи, посвященные национальному напитку. Известная поэтесса Б. Б. Сангаджиева пишет так:

«Кезэ, кенэ хальмг, // Келхд, үүдэсинь медхив, // Зуг өрүн болһн // Зандрсн цээһэн буслһнав. // Цэм эгл биш, // Давста, үстэ, тоста, // Танд юуһинь келхв! // Асхни шуурһн дөгэд, // Агсмад, халун шатвчн. // Төрскн теегтм цээһэсм // Түшэтэ нөкднь уга. // Шидрхн хэрэс ирсн // Шин таньл гиичдэн // Хотыннь деежэн бэрүлж, // Хальмг цээһэн нерэдүв. // Гиич цээһим амсчкад, // Герл чирэдэнь ивтрэж: // — Теегин күүнэ седклин // Догшин халун бууж, // Бал цецгэн үнр // Бас шигжэ ивтрнэ. // Теегитн кацкнсн үнр // Цэ дотртн шиңгэж, // Күн болжэ урлдан // Күргэж цээһитн уужсанав, // Энүнэс даву ундн // Олдхинь медхив! — гив. // Яһсн байрта гиичв! // Ямаран хэрү өгхв? // Дахулн сулдсн ааһднь // Дэкнэс цээһэсн кевүв. // Болв, мини умшач // Бас амтарнь соньсмх, // Чансн эзинь медх, // Цээһин амт күлэх».

«Какой калмык в какое из столетий // Придумал то, что я воспеть хочу? // Я каждый день, вставая на рассвете, // Напиток золотистый кипячу. // Да не простой, а золотой! Он с перцем, // И с маслом, и со свежим молоком. // Мы счастливы всем существом, всем сердцем, // Когда привольно чай калмыцкий пьем. // Завоет ли вечеровая вьюга, // Придавит ли траву полдневный зной, // Нет лучшего помощника и друга, // Чем наш калмыцкий чай степи родной. // Я потчевала гостя им недавно, // А гость приехал к нам издалека. // Он пил и приговаривал: “Как славно, // Есть в чае жар сердечный степняка. // В нем запахи я чувствую степные // И чувствую дыханье роз в меду. // У вас его отведал я впервые // И лучшего напитка не найду!”» [Сагжин 2008: 242—243].

Об аксиологической значимости народного напитка в современной культуре свидетельствует и то, что с 2012 г. в Республике Калмыкия отмечается праздник День калмыцкого чая. На открытии праздника председатель правительства Республики Калмыкия Л. Н. Иванова отметила: «Это один из самых молодых национальных праздников, но значимость его в деле сохранения и возрождения наших национальных традиций трудно переоценить. Появление его закономерно — с чая начинается и чаем заканчивается каждый день в калмыцкой семье, ни один праздник не обходится без пиалы ароматной наваристой джомбы, — и естественно, что теперь у нас есть отдельный День калмыцкого чая. В этот праздничный день желаю всем крепкого здоровья, счастья и благополучия!» [Интернет-ресурс 5].

3. Лингвокультурный концепт «цэ» ‘чай’: конститутивные признаки

Номинантом концепта «чай» в калмыцком языке является имя существительное *цэ*. Словосочетания *хальмг цэ* ‘кирпичный (прессованный) чай’ (букв.: ‘калмыцкий чай’) и *жулан цэ* ‘байховый чай’ обозначают сорта чая, традиционно используемые калмыками. В настоящее время калмыки употребляют самые разные сорта чая, однако настоящий калмыцкий чай — это напиток, приготовленный из кирпичного (прессованного) или байхового чая. За пределами Калмыкии кирпичный (прессованный) чай и чай, сваренный по калмыцкому рецепту (с молоком и солью), обычно называют «калмыцким».

Контекстуальный анализ номинанта *цэ* позволяет определить конститутивные признаки стоящего за ним ментального образования: 1) цвет, 2) консистенция, 3) температура, 4) соль, 5) мука, 6) масло, 7) качество, 8) сорт. Рассмотрим названные признаки последовательно.

Традиционный калмыцкий чай имеет белый цвет, так как его важным компонентом является молоко; отсюда его название — *үстэ цэ* ‘чай с молоком’. Калмыцкий чай варят с добавлением молока, масла, соли, прожаренной муки, мускатного ореха, лаврового листа и гвоздики, поэтому некоторые ошибочно полагают, что словосочетание *хальмг цэ* относится к супу. Чай характеризуется следующими признаками: *үстэ* ‘молочный’, *тоста* ‘с маслом’, *давста* ‘солёный’, *затта* ‘с мускатным орехом’, *хальмпрта* ‘с гвоздикой’, *зандрен* ‘золотистый’, *амтта* ‘вкусный’, *шимтэ* ‘питательный’, *канкнн* ‘ароматный’, *таалта* ‘угодный душе’. Интересна и «внешняя» оценка чая: *соньн* ‘необычный’.

Крайне редко, когда в доме совсем нет молока, пьют *хар цэ* ‘черный чай без молока’ и *хоосн цэ* ‘пустой чай’. В прежние времена *хар цэ* и *хоосн цэ* были знаками бедности, современные же калмыки, помимо национального напитка, пьют черный чай с сахаром, лимоном, конфетами, печеньем, сушками и т. д. Такой «небеленый» чай называется *орс цэ* ‘русский чай’ или *хар цэ* ‘черный чай’. Плохое качество приготовленного чая обозначается как *амтн уга цэ* ‘безвкусный’ или *шиңгн цэ* ‘жидкий, слабый чай’.

Важным признаком чая является его температура. Калмыки любят пить *халун цэ* ‘горячий чай’. *Китн цэ* ‘холодный чай’, *бүлэн цэ* ‘теплый чай’, *эрэ бүлэн цэ* ‘чуть теплый чай’ пить не принято, даже летом чай должен быть *халун* ‘горячий’.оборот *ясна көлс гартл цэ уух* (букв. ‘пить чай, пока не выйдет пот из костей’) имеет значение ‘пить горячий чай до седьмого пота’. Такой чай согревает в холод, а в жару снимает усталость, расслабляет. Гостю следует обязательно сварить *шин цэ* ‘свежий чай’; *хуучн цэ уух* ‘пить старый чай’, *цэ халулх* ‘подогревать чай’ не принято.

Существуют и своеобразные способы питья чая: *сорад* ‘пить горячий чай, всасывая’; *үлэж уух* ‘пить горячий чай, дуя на него’.

С точки зрения консистенции различают: *агта цэ* ‘крепкий чай’; *өткн цэ* ‘крепкий, густой чай’; *шиңгн цэ* ‘спитой чай, жидкий, слабый чай’. С точки зрения вкуса выделяют *жомба* ‘джомба, хорошо сваренный калмыцкий чай’ и *хурсн цэ* ‘чай с поджаренной мукой’.

Что касается качества чая, то лучшим является *ээжин цэ* ‘мамин чай’. Это словосочетание, обозначающее любимый народом напиток, в калмыцкой лингвокультуре является прецедентным. В связи с этим, на наш взгляд, удачно название популярного в России сорта чая «Ээжин цэ». Создатели данного рекламного продукта визуализируют фрейм концепта «чай» графическими (прецедентный текст «Ээжин цэ») и изобразительными (портрет пожилой калмычки) средствами. Не случаен и цвет коробки: желтый цвет в этнокультуре калмыков ассоциируется со смыслом ‘духовный, связанный с буддийской религией’.

В концептосфере «цэ» ‘чай’ помимо атрибутивов и номинативов выделяются также предикативы, обозначающие разнообразные действия, связанные с чаем. Процесс приготовления чая обозначается словосочетаниями *цэ чанх*, *нерх* ‘варить, готовить чай’, *цэ буслгх* ‘варить чай’, *цэ кех* ‘заваривать, разливать чай’. Общая сема в глаголах *чанх*, *нерх* и *буслгх*, обозначающих приготовление чая, — ‘варить’; эта сема определяет специфический способ приготовления напитка.

Хальмг цэ варят по особому рецепту. В. В. Похлебкин считает монгольский способ приготовления чая одним из древнейших, о чем свидетельствует его относительно широкое географическое распространение: от пустынь Гоби и Сахары до ногайских степей междуречья Волги и Дона [Интернет-ресурс

б). Что касается рецепта приготовления калмыцкого чая, то В. В. Похлебкин выделяет два варианта [Похлебкин 2004: 2].

1) *Джомба*. Чайную заварку нужно растолочь, залить холодной водой и варить на среднем огне до закипания. Затем следует убавить огонь и варить еще 15—20 минут. После этого необходимо снять появившиеся на поверхности прутики, влить молоко и проварить еще 5—10 минут. Затем нужно добавить масло и соль, дать постоять в закрытом виде 10—15 минут, после чего разливать.

2) *Хурсн ца*. Порядок варки тот же, но соль следует добавить вместе с молоком, а затем пассеровать муку с маслом до светло-желтого цвета (не допуская пережаривания) и ввести в чай вместе с пряностями [Интернет-ресурс 7].

Такие компоненты, как лавровый лист, мускатный орех и гвоздика, не указанные в приведенных рецептах, используются калмыками, как правило, не при ежедневном, а при «событийном» чаепитии.

О плотном «оязыковлении» концепта «ца» ‘чай’ в калмыцком языке свидетельствует разнообразная лексика, детально обозначающая не только его признаки, но и действия, связанные с конкретными этапами приготовления: кипячение — *ца буслх* ‘кипеть’, *ца буслжана* ‘чай кипит’; добавление молока — (*ца*) *услх* ‘забеливать чай молоком’, (*ца*) *улаах* / (*ца*) *көкрх* ‘недобеливать’; перемешивание чая для получения хорошего вкуса и насыщения его кислородом — *ца самрх* ‘мешать чай’; остывание чая — *ца көрч*; а также *ца девржэ* ‘чай с молоком бежит’ и т. д.

Из перечисленных глаголов особый интерес представляет *самрх*. Лексема *самрх*, которая в [КРС 1977] переводится как «перемешивать», обозначает специфическое действие, связанное только с чаем: набрать в ковш чай, поднять на высоту примерно 30 см и вылить его обратно в кастрюлю. В результате этого действия усиливаются вкусовые качества чая, он насыщается кислородом. После приготовления чая следовало *ца амсх* ‘попробовать чай’, чтобы определить его качество, и *ца кех* ‘разливать чай’, *ца ааһд кех* ‘наливать чай в пиалы’.

Таким образом, можно сделать следующие основные выводы.

1) У калмыков сложилась уникальная чайная культура, складыванию которой способствовали скотоводческий тип хозяйственной деятельности и кочевой образ жизни.

2) Лингвокультурный концепт «ца» ‘чай’ имеет понятийную, образную и ценностную составляющие. Понятийная составляющая связана с *усн* ‘молоко’, *давсн* ‘соль’, *зать* ‘мускатный орех’, *лаврын навч* ‘лавровый лист’, *хальмпр* ‘гвоздика’, *гуйр* ‘мука’, *усн* ‘вода’, *ца* ‘чай’ и особым способом приготовления — *чанх*, *нерх*, *буслхх* (с указанием на действие ‘варить’). Образная составляющая указывает на ритуализацию процессов приготовления, подношения и употребления чая в связи с социальными характеристиками участников церемонии. Аксиологическая составляющая связана с высокой ценностью чая в обыденной и «событийной» жизни калмыков. Все элементы понятийной, образной и ценностной составляющих характеризуются устойчивостью, обязательностью и повторяемостью и имеют детальные обозначения в языке.

3) Разнообразие языковых средств репрезентации ментального образования, визуализация его разными средствами, существование сценария развертывания ментального объекта в ежедневной практике, а также его высокая ценность в сознании народа свидетельствуют о существовании концепта «ца» ‘чай’ в лингвокультуре калмыков. «Ца» ‘чай’ можно отнести к параметрическим концептам сценарного типа.

Л и т е р а т у р а

Единархова 2003 — *Единархова Н. Е.* Русские в Монголии. Иркутск, 2003.

Есенова, Цэндээ 2012 — *Есенова Т. С., Цэндээ Ю.* «Архи» в языковом сознании монголов и калмыков // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Вып. 5. Волгоград, 2012. С. 67—71.

Интернет-ресурс 1 — <http://guzhvin.astrobl.ru>, 2012.

Интернет-ресурс 2 — http://kalmtea.ucoz.ru/index/o_kalmyckom_chae/0-14, 2012.

Интернет-ресурс 3 — <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?text=%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%BC%D1%8B%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%87%D0%B0%D0%B9&url=http%3A%2F%2Fwww.tea.ru%2F301-3163.html&fmode=inject&mime=html&l10n=ru&sign=ba0506b9a548f1d7875bdf8ab959e086&keyno=0>, 2012.

Интернет-ресурс 4 — www.legendtour.ru/rus/mongolia/informations/mongolian_kitchen.shtml, 2012.

Интернет-ресурс 5 — <http://www.kalmykiatour.com/tag/kalmyk-tea/>, 2012.

Интернет-ресурс 6 — www.tea4you.ru, 2012.

Интернет-ресурс 7 — <http://lib.rus.ec/b765/read>, 2012.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / Ред. *Муниев Б. Д. М.*, 1977.

- Ользеева 2007 — *Ользеева С. З.* Калмыцкие народные традиции. Элиста, 2007.
- Похлебкин 2004 — *Похлебкин В. В.* Национальные кухни наших народов. М., 2004.
- Пушкин 1960 — *Пушкин А. С.* Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Полное собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 5. М., 1960.
- Саһжин 2008 — *Саһжин Б.* Сунһен шүлгүд, поэмс. Элст, 2008.
- Хабунова 2010 — *Хабунова Е. Э.* Формулы традиционного этикета калмыков, или как стать «йоста хальмг». Элиста, 2010.
- Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс. Т. 2 / Сост. *Бембеева А. Ц.* Отв. ред. *Джимгиров М. Э.* Элиста, 1968.
- Челбана 2008 — *Челбана Е.* Хальмг улсин авц-бэрц, авьяс болн сойл. Элст, 2008.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена калмыцкой чайной культуре, складыванию которой способствовали скотоводческий тип хозяйственной деятельности и кочевой образ жизни. Разнообразие языковых средств репрезентации ментального образования и его высокая ценность в сознании народа свидетельствуют о существовании концепта «цэ» 'чай' в лингвокультуре калмыков. В статье рассматривается концепт «цэ» 'чай' в калмыцком языке.

SUMMARY

The article deals with the Kalmyk tea culture formed under the influence of cattle breeding type of economic activity and nomadic lifestyle. The diversity of the language means representing the mental formation and its high value in the people's consciousness confirm that there is such a concept like «цэ» 'tea' in the Kalmyk linguoculture. The concept «цэ» 'tea' in the Kalmyk language is analysed in the article.

Ключевые слова: монгольские языки, калмыцкий язык, концепт, концептосфера, лингвокультура

Keywords: the Mongolic languages, the Kalmyk language, concept, conceptual sphere, linguoculture

Особенности перевода «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык в начале XIX века

В разные годы исследователями проводился количественный подсчет дореволюционных изданий¹ на удмуртском языке. На сегодняшний день наиболее полный список предложен Б. И. Каракуловым в книге «Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII—XXI дауръёс» (раздел «Каталог дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке») [Каракулов 2006: 114—207]. По его подсчетам, до революции 1917 г. на удмуртском языке было издано более 400 книг и брошюр [Каракулов 2006: 18], представляющих собой литературу самых различных жанров. Среди них были буквари, учебники, учебные и методические пособия по удмуртскому и русскому языкам для удмуртов, небольшие словари, хрестоматии, книги для чтения, переводные научно-популярные, просветительские и другие издания; однако основную часть печатной продукции составляли тексты религиозного содержания. Переводы издавались на четырех диалектах удмуртского языка: сарапульском, глазовском, елабужском и казанском.

Переводы Евангелий на удмуртский язык в хронологическом аспекте относятся к наиболее ранним памятникам и датируются первой половиной XIX в. Процесс распространения веры Христовой среди удмуртского народа посредством переводов был долгим и неравномерным: вопрос о переводе религиозных текстов на удмуртский язык был поднят лишь в 1803 г. после указа² Святейшего Синода «о переводе на инородческие языки катехизиса и молитв и проч.», а о переводах Евангелий — лишь в 1819 г. К появлению этих переложений на свет причастно Российское Библейское общество³. Ответственность за перевод Евангелий на удмуртский язык была возложена на Вятский комитет, входивший в это общество. Благодаря его деятельности в 1819—1821 гг. на удмуртский язык были переложены Евангелия от Матфея и Марка.

Как правило, первые переводы на удмуртский язык носили анонимный характер. Об авторах переводов Евангелий имеются данные, порой противоречащие друг другу; к сожалению, биографические сведения о них весьма скудны. Так, по данным П. Н. Луппова, «для перевода «Евангелий» на вотский язык были приглашены протоиереи Аө. Шкляевъ, Иоаннъ Платуновъ, священники Никифоръ Невоструевъ и Николай Утробинъ, Стефанъ Анисимовъ, Павелъ Тропинъ и Захарія Кротовъ, 2-й гильдии купецъ (изъ вотяковъ) Иванъ Волковъ»⁴ [Луппов 1905: 9].

По данным Б. И. Каракулова, «От Матфея святое благовествование (Матфейлэсь святой дзэць ивор)» было переведено священником с. Можги Иваном Анисимовым⁵ [Каракулов 2006: 126], а «От Марка святое благовествование (Марклэсь святой дзэць ивор)» — священником г. Глазова Афанасием Шкляевым [Каракулов 2006: 127].

По данным П. Н. Луппова, «Евангелие отъ Луки переводилъ села Люжговъ священникъ Иоаннъ Анисимовъ и с. Алнашь свящ. Стефанъ Красноперовъ...», а над переводом Евангелия от Иоанна работали священники «с. Дебесь Павелъ Тропинъ и с. Базезинскаго Стефанъ Анисимовъ» [Луппов 1905: 11]. Переводы Евангелий от Луки и Иоанна датируются 1821 г. Они были дополнительно просмотрены сторонними лицами: «протоиереемъ с. Святицкаго Аө. Шкляевымъ и двумя священниками с. Уканскаго Никифоромъ Невоструевымъ и Николаемъ Утробинымъ и Глазовскимъ купцомъ И. Волковымъ» [Луппов 1905: 11].

По поводу диалектной основы переводных Евангелий также существуют неоднозначные мнения. П. Н. Луппов утверждает, что Евангелие от Матфея «было переведено на сарапульское или сарапульско-

¹ Под термином «дореволюционные издания» понимается печатная и рукописная продукция, созданная до Октябрьской революции.

² Указ был объявлен 22 января 1803 г.

³ Библейское общество — религиозно-общественная организация, созданная в Санкт-Петербурге в 1813 г. В 1818 г. его отделения были открыты в Казани и Вятке (ныне — г. Киров). Их деятели совместно с зарубежными учеными участвовали в переводе, издании и распространении Библии.

⁴ Здесь и далее орфография авторов строк сохранена.

⁵ Иван (Иоанн) Анисимов (1789 — 12.07.1831, с. Укан) — представитель вятской династии иереев, миссионер, переводчик.

малмыжское нарѣчіе вотскаго языка»⁶ [Луппов 1905: 10]; с точки зрения современного ученого Б. И. Каракулова — на елабужский диалект [Каракулов 2006: 126].

Исследователи сходятся во мнении, что «От Марка святое благовѣствованіе» было переведено на глазовский диалект [Каракулов 2006: 127; Луппов 1905: 10].

Евангелие от Луки, как отмечает П. Н. Луппов, переведено «по Елабужскому нарѣчію», т. к. над его переложением работали священники Елабужского уезда; «только при перепискѣ былъ введенъ переводъ нѣкоторыхъ выражений и по глазовскому нарѣчію» [Луппов 1905: 11]. Согласно наблюдениям Б. И. Каракулова, «основа перевода — северное наречіе, имеются исправления наддиалектного характера» [Каракулов 2006: 127].

По утверждению П. Н. Луппова, диалектной основой перевода Евангелия от Иоанна является «глазовское нарѣчіе» [Луппов 1905: 11]. Действительно, в тексте есть ряд слов, которые характерны именно для глазовского диалекта, входящего в северную диалектную группу, например: *ици* ‘мало / недостаточно’ [Иоанн: 6; 9]⁷, *пэямь* ‘обман / ложь’ [Иоанн: 8; 44]. С другой стороны, в некоторых словах присутствуют фонетические особенности, которые в начале XX в., судя по материалам словаря [Wichmann 1987], были свойственны сарапульскому и малмыжскому диалектам, относящимся к срединной группе: *нюньзэ* ‘брата своего’ [Иоанн: 1; 41] (ср. глазовское *ниша* [Wichmann 1987: 179]), *мызѡнъ* ‘другой’ [Иоанн: 5; 32] (ср. глазовское *тuzon* [Wichmann 1987: 164]). Можно предложить две интерпретации этой ситуации.

1) Указанные фонетические особенности отражения гласных, характерные в начале XX в. для сарапульского и малмыжского диалектов, в начале XIX в. (в период перевода Евангелия от Иоанна) были свойственны также и глазовскому.

2) Как известно, перевод Евангелия проходил уже устоявшуюся к тому времени процедуру проверки: переложенный текст вначале неоднократно прочитывался лицами, знающими удмуртский язык, а затем с переводом знакомилась жителя местных селений. Возможно, в процессе этих проверок в текст были внесены слова с характерными особенностями разных диалектов.

Для выбора одной из этих интерпретаций необходимы полный сравнительный анализ диалектных особенностей переводов Евангелий и их сопоставление с особенностями первых азбук на глазовском и сарапульском диалектах.

После того, как перевод Евангелия от Матфея был одобрен Вятским комитетом, 18 октября 1823 г. Санкт-Петербургский комитет дал разрешение на его публикацию [Луппов 1905: 9]. По свидетельству П. Н. Луппова, первые семь страниц Евангелия от Матфея, «въ которыхъ (...) повѣствуется о рожденіи Спасителя», были напечатаны в связи с наступающим Рождеством Христовым и разосланы в 27 удмуртских приходов Вятской губернии [там же]. Вскоре праздничное богослужение стало совершаться в этих селениях на русском и удмуртском языках⁸. Несомненно, «услышавъ въ чтеніи Евангелія собственное свое нарѣчіе, они (удмурты) очень удивились тому и были въ великой радости» [Луппов 1905: 10]. Понимание удмуртским населением службы на их родном языке и пребывание их в приподнятом настроении позволяет утверждать, что перевод Евангелия от Матфея был выполнен удачно.

Вопрос о публикации удмуртских переводов Евангелий был вновь поднят Вятским епархиальным начальством в 1838 г. Как известно, в XIX в. к переводам религиозного содержания предъявлялись серьезные и высокие требования. По этой причине переводы Евангелий от Матфея и Марка, осуществленные еще при действии Вятского комитета Библейского общества, повторно были переданы на рассмотрение Петру Редникову, слывшему в народе образованным священником.

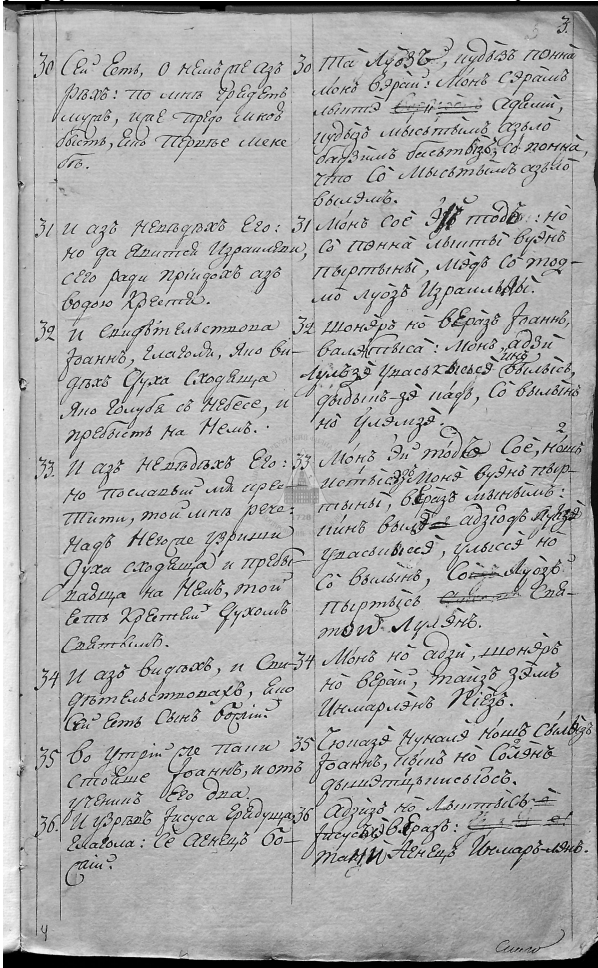
П. Редников нашел удмуртский перевод «согласнымъ со славянскимъ текстомъ, но вмѣстѣ с тѣмъ усмотрѣлъ, что Евангеліе Матѡея переведено на сарапульское нарѣчіе, а Евангеліе Марка на глазовское» [Луппов 1905: 15]. В целях гармоничного звучания П. Редников переложил Евангелие от Матфея на глазовский диалект. После признания переводов вразумительными Вятский епископ обратился в Святейший Синод с просьбой «отпечатать переводъ по тому и другому нарѣчію — одинъ для вотяковъ сарапульскаго уѣзда, другой — глазовскаго» [Луппов 1905: 15—16], и в декабре 1843 г. Синод подтвердил свое согласие на издание текстов на двух диалектах в нескольких экземплярах. В исправленном вариан-

⁶ По утверждению П. Н. Луппова, в глазовском диалекте наблюдалось влияние русского языка, в елабужском — татарского, и лишь малмыжско-сарапульский диалект признавался наиболее «оградившимся» от влияния постороннего языка [Луппов 1905: 10].

⁷ Здесь и далее ссылка на источник «Отъ Іоанна Святое благовѣствованіе (Іоаннъльсь Святой благовѣствованіе)» будет приводиться в следующем формате: [краткое название книги: номер главы; номер стиха / стихов].

⁸ В 1910 г. подобные миссионерские экскурсии с проповедями и пением молитв слушатели Вятских инородческих курсов во главе с П. П. Глезденевым и И. В. Васильевым совершали по маршруту: Кез — Дебесы — Шаркан — Сосновка — Якшур-Бодья [Уваров 1983: 67].

те Евангелие от Матфея на сарапульском диалекте вышло из печати в 1847 г.⁹; в этом же году были изданы «От Матфея святое благовествование (Матфейлэсь святой дзэць ивор)» и «От Марка святое благовествование (Марклэсь святой дзэць ивор)» на глазовском диалекте¹⁰. Эти издания высоко ценятся современными исследователями как важные источники данных о формировании норм удмуртского литературного языка на начальном этапе его развития.

К сожалению, Евангелия от Луки и Иоанна остались неопубликованными¹¹, причину чего П. Н. Луппов видит «в несочувственном взгляде правительства на издательскую деятельность Общества, проявившемся в 1820-х годах» [Луппов 1905: 11]. Как отмечают многие исследователи, именно при создании этих книг миссионерами и просветителями (а также редакторами и издателями) была проделана огромная работа по поиску и использованию лексических, морфологических и синтаксических эквивалентов в удмуртском языке для адекватной передачи русскоязычного материала священных текстов [Каракулов 1997: 6; Кондратьева, Зверева 2004: 323; Кельмаков 2004: 314; Кельмаков 2008: 50]. Кропотливая работа по отбору и толкованию диалектных вариантов слов и грамматических форм в переводных изданиях на удмуртском языке, проделывавшаяся удмуртскими просветителями с самого начала XIX в., явилась подготовительным этапом создания современного удмуртского литературного языка. Печатные издания и рукописи Евангелий послужили источниками для написания фундаментальных теоретических и практических трудов XIX в. — грамматики удмуртского языка [Wiedemann 1851] и статьи об удмуртских диалектах [Wiedemann 1858]. Материалы Евангелий также были использованы при составлении первого объемного словаря удмуртского языка Б. Мункачи [Munkácsi 1896].

Объектом данного исследования является удмуртский перевод Евангелия от Иоанна, рукопись которого была обнаружена нами в Санкт-Петербургском филиале

Архива РАН¹². Рукопись имеет форму тетради, но без переплета, составлена на плотной темноватосерой бумаге размером 30 x 20 см, которая от времени заметно потрепана, особенно по углам. «Евангелие от Иоанна» располагается на 61 листе, все листы исписаны с обеих сторон; штемпели и филигранные на бумаге отсутствуют. Текст Евангелия написан в двух колонках: слева помещен текст на церковнославянском языке, справа — его перевод на удмуртский язык. Данное исследование построено на основе сопоставительного анализа этих текстов.

⁹ Книга «Господа нашего Иисуса Христа Евангелие отъ св. евангелиста Матѳея на рускомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія» (1847 г.) была переиздана без изменений в 2003 г. [ППК 2003].

¹⁰ Евангелия выходят одной книгой под названием «Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на рускомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія».

¹¹ На сегодняшний день печатный вариант издания Евангелия от Иоанна в составе Четвероевангелия на удмуртском языке известен под 1904 г. [Четвероевангелие 1904]; в 1912 г. Четвероевангелие было переиздано [Четвероевангелие 1912]. В удмуртской филологии существует предположение, что перевод данного Писания был выполнен Иваном Степановичем Михеевым (1876—1937), однако некоторые исследователи не разделяют данную точку зрения. «Текст Евангелия был представлен в журнале “Молот” как перевод И. С. Михеева. Нам представляется, что это не совсем соответствует действительности», — отмечает Б. И. Каракулов [Каракулов 2006: 176]. Вопрос об авторстве перевода этого четвероевангелия остается открытым.

¹² «Отъ Иоанна святое благовѣствованіе» (ф. 94, бумаги А. М. Шегрена, оп. 1, дело №244, 61 л.) была обнаружена Л. М. Ившиным, одним из авторов данной статьи. По свидетельству Б. И. Каракулова, другая рукопись этого же Евангелия хранится в Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (ф. 808, оп. 1, 1821 г., ед. хр. 177) [Каракулов 2006: 127].

«Евангелие от Иоанна» написано скорописью, характерной для письма начала XIX в.; написание внешне не очень красиво, довольно округлые буквы имеют наклон вправо, читаются достаточно четко. Следует заметить, что графика удмуртской части данного письменного памятника базируется на графике первой печатной грамматики удмуртского языка [Сочинения 1775]. В тексте имеются многочисленные исправления. В рукописи прослеживается два почерка: с 1-го по 28-ой лист текст написан одним почерком, с 29-го листа — другим, более крупным и четким (в качестве иллюстраций приводим образцы почерков).

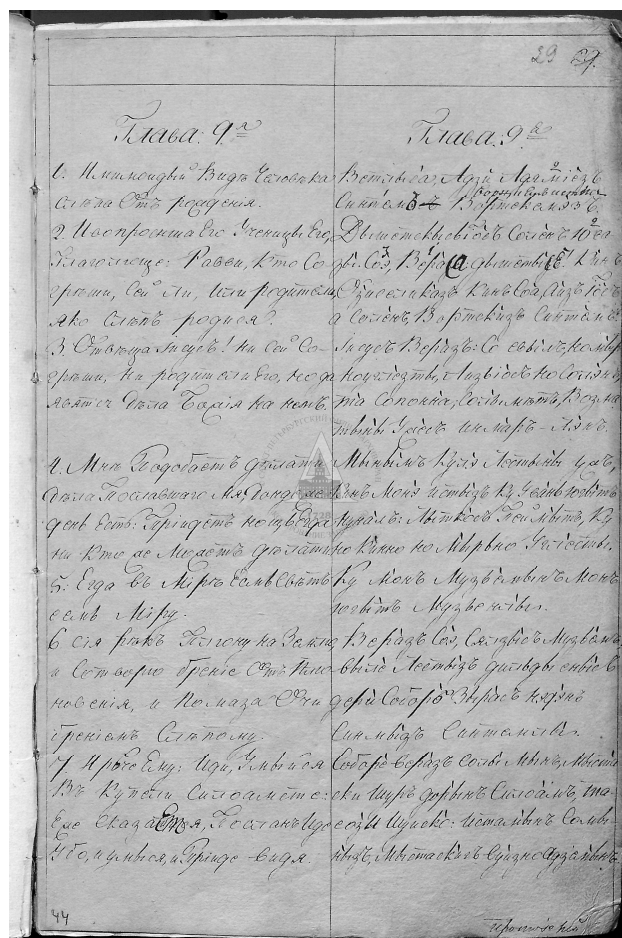
Отсутствие традиции переводческой техники в удмуртской культуре ставило сложные задачи перед переводчиками; этим обстоятельством обусловлен и принцип перевода Евангелий. Работая над их переложением, переводчики и не задумывались, что таким образом они вырабатывали первоначальные принципы перевода. При переводе священного текста чрезвычайно важным было точное следование оригиналу: благодаря неоспоримому авторитету Святого Писания возникали буквальные переводы, затруднительные для чтения и понимания, однако такие тексты разъясняли семантическую структуру оригинала. Рассмотрим, как обстоит дело с переводом Евангелия от Иоанна на удмуртский язык.

С греческого языка слово εὐαγγέλιον переводится как «благая весть». Все четыре Евангелия (от Матфея, Марка, Луки и Иоанна), входящие в состав Нового Завета, принято называть Четвероевангелием. Евангелия являются историко-литературным памятником культуры, особым жанром священной письменности, в котором повествуется о жизни и учении Иисуса Христа. Эти произведения «представляют собой особую литературную форму: они не являются ни чистыми биографиями, ни неупорядоченными собраниями легенд о Христе» [Большой путеводитель по Библии 1993: 135].

«Евангелие от Иоанна» составляет четвертую книгу Нового Завета. Слово «Евангелие» в рассматриваемой рукописи еще не употребляется, вместо него используются названия «От Иоанна Святое благовѣствованіе»¹³ (на церковнославянском языке) и «Иоаннълэсь Святой благовѣствованіе»¹⁴ (на удмуртском). Разбивка на главы и стихи — важная особенность евангельского текста; она сохранена и в удмуртском переводе. Такое полиграфическое исполнение текста делает его более удобным для чтения, помогает легче ориентироваться в содержании Евангелия.

Перевод «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык был выполнен в рамках требований эпохи, главным из которых было буквальное соответствие оригиналу. Предпочтение первых переводчиков, отданное буквальному переводу, гипотетически можно связать с их опасениями быть обвиненными в еретичестве, хотя в настоящее время у нас нет доказательств правомерности этой гипотезы. Однако наблюдается и свободная передача некоторых мест оригинала переводчиками. При сравнительном изучении двух текстов можно заметить больший объем удмуртского текста по сравнению с оригиналом. Вольное обращение авторов с базовым текстом могло быть обусловлено как самой лингвистической природой удмуртского языка, так и индивидуальными решениями переводчика.

Переводы Священного Писания должны были знакомить читателя с миром православных образов и смыслов, в котором Бог является ключевым понятием. В части рукописи «Евангелия от Иоанна» на церковнославянском языке наблюдается прописное написание важнейших для православной традиции слов. В удмуртском переводе тенденция выделения слов в тексте существует, но еще сохраняется разноречивость в их написании: слова с прописной литерой в церковнославянском тексте могут быть написаны в удмуртском тексте как с заглавной буквы, так и со строчной.

¹³ Здесь и далее сохранена орфография оригинала рукописи.

¹⁴ Букв. 'От Иоанна Святое благовѣствованіе'.

В «Евангелии от Иоанна» встречаются различные наименования и определения Божественной сущности, за которыми и в удмуртском тексте закрепилось написание с прописной буквы: *Инмарь*¹⁵ — удмуртский эквивалент имени *Господь*. Со словом *Инмарь* 'имя одного из языческих божеств' переводчики связывали христианское представление о едином Боге.

В некоторых случаях во вторичном тексте наблюдается замена слов, начинающихся с прописной буквы, на слова со строчной буквы. Например, написание слова *Отец* с заглавной буквы приобрело в церковнославянском тексте теонимическое значение: нарицательное слово, перешедшее в русской православной культуре в имя собственное, получило оттенок уважения, сакральности, персонификации. В удмуртском переводе имя *бубизь* 'отец' [Иоанн: 1; 14] было осмыслено в рамках родственных и семейных отношений, тем самым обесценилось сакральное понимание образа. Некоторые слова, имеющие в Евангелии на церковнославянском языке прописное написание, получили в переводе строчное: *Свѣтъ* — *югытъ* 'свет / светло' [Иоанн: 1; 8], *Мати* — *мумизь* 'мать / мама' [Иоанн: 2; 3]. Объяснить это можно тем, что в начале XIX в. еще не были выработаны правила удмуртской орфографии.

В «Евангелии от Иоанна» соблюдено написание местоимений, связанных с именем Бога, с прописной буквы: *Его* — *Соё* 'его' [Иоанн: 1; 10], *Солэнъ* 'его' [Иоанн: 2; 2]; *Ему* — *Солы* 'ему' [Иоанн: 4; 4] и т. д.

В ряде случаев в процессе перевода были использованы лексемы, не совпадающие по значению с оригиналом, например: *во свидѣтельство* — *шонэрэзэ възьматыны* 'показать правду / истину' [Иоанн: 1; 7], *бѣ Свѣтъ Истинный* — *югытъ вылэмъ шонэрэзэ* 'светлой была истина / правда' [Иоанн: 1; 9], *благодать же и Истина* — *шонэрэзэ* 'истинна / правдива' [Иоанн: 1; 17], *распря* — *тышкаськднъ* 'ругательство / брань / ссора' [Иоанн: 9; 16], *укориша* — *тышкаськызы* 'ругались / бранились / ссорились' [Иоанн: 9; 28]. Есть даже такие примеры, когда однокоренные слова в переводе передают различные по своему значению лексемы оригинала: например, слово *кварэцькодъ* 'галдите / кричите' переводчики использовали для обозначения глагола *дивитесь* [Иоанн: 7; 21], а *кварэтэмъ* 'гомон / крик' — при переводе слова *ропцуць* [Иоанн: 7; 32]. Подобные лексико-семантические замены, возможно, произошли в результате того, что в сознании переводчиков значения слов исходного текста могли соотноситься с семантикой слов, которые были выбраны в качестве перевода. Также допускаем, что в воспринимающем языке могли отсутствовать адекватные базовому тексту понятия, т. е. авторы могли предпочесть данные удмуртские выражения как в максимальной степени выражающие те же смыслы, что и в базовом тексте.

Интересно отметить, что в ряде случаев (довольно часто) на соседних строках бывают представлены разные варианты перевода одного и того же церковнославянского слова: *братъ* — *вынызь* [Иоанн: 1; 40], *нюньзэ* [Иоанн: 1; 41]¹⁶, *братья* [Иоанн: 2; 13]; *въ корабль* — *корабле* [Иоанн: 6; 17], *пыжъ* [Иоанн: 6; 19]; *въ домъ* — *домазъ* [Иоанн: 7; 53], *гуртъинъ* [Иоанн: 7; 36], *корканъ* [Иоанн: 11; 31]; *Ангелы* — *воршудыѡс*¹⁷ [Иоанн: 1; 51], *Ангель* [Иоанн: 5; 4]. Использование языковой вариативности в рамках тождества слова можно рассматривать как переводческий прием; возможны различные интерпретации причин

¹⁵ «Первоначально Инмар был просто одним из божеств, представляющих верхний ярус мира — небесную сферу. Возвышение Инмара над остальными божествами — явление, несомненно, более позднее, оно произошло под влиянием ислама и христианства, именно они способствовали формированию у удмуртов представлений о едином боге. Видимо, со времени подчинения части удмуртов болгарскому государству, а затем вхождения всех групп удмуртов в состав Русского государства, когда и на присоединенные земли распространялась власть единого царя, только тогда стали складываться условия для возникновения представлений о едином боге, таковым постепенно и становился удмуртский Инмар. Большое значение в этом процессе имело крещение удмуртов, именно в этот период Инмар приобретает черты христианского бога» [Владыкин 1994: 101—102].

¹⁶ Здесь переводчики как раз точно передали смысл, а не букву Евангельского текста: русское (и церковнославянское) слово *брат* в [Иоанн: 1; 40] *Андрей, брат Симона-Петра* переведено через *вынызь* 'старший брат', а в [Иоанн: 1; 41] *Он первый находит брата своего Симона* переведено через *нюньзэ* 'младший брат'. — *Редколлегия*.

¹⁷ Этимологию и семантику удмуртского слова *воршуд* ученые соотносят с древней дублетной формой, «где обе части суть синонимы» и связаны со значением 'счастье, радость, удовольствие' [Кельмаков 1979: 203; Владыкин 1994: 275]. По наблюдениям В. Е. Владыкина, «воршудом удмуртами назывались разные религиозно-мифологические комплексы: а) "родовая" или семейная святыня, хранящаяся в святилище-куа (чаще всего это воршудная коробка с ее содержимым — символической моделью мира); б) божество-покровитель "рода" или семьи, совокупность идей, обрядов, связанных с ним; в) зоо-, орнито- или антропоморфное изображение божества; г) экзогамное объединение родственников, имеющих одного покровителя-воршуда» [Владыкин 1994: 275]. Постепенно образ утратил свои социально-хозяйственные функции, вошел в другие формы религиозных образований и стал восприниматься как «продукт» религиозного синкретизма. Древнее родовое и семейное божество Воршуд постепенно перешло в ангела-хранителя. Переводчики и редакторы использовали «удмуртские термины, которые возникли в недрах язычества, но ко времени перевода евангелия приобрели вполне христианский (...) смысл» [Кельмаков 2008: 80—81].

этого явления. Употребление подобных вариантов позволяло переводчикам избегать тавтологии и лексических повторов. При этом, с одной стороны, целью переводчиков было создание текста с использованием максимального количества собственно удмуртских слов. С другой стороны, опасаясь неверного понимания исконно удмуртских многозначных лексем, на соседних строках авторы приводили церковнославянский аналог — с целью уточнения и возможности однозначной интерпретации фразы.

Буквальный перевод подталкивал удмуртских авторов к заимствованию лексики. По верному замечанию Р. Ш. Насибуллина, «христианская терминология в основном встречается в дооктябрьских источниках, она представляет менее понятную часть лексики удмуртского языка» [Насибуллин 2006: 7]. Передача богословских понятий и терминов, не имеющих аналогов в удмуртской культуре, по всей вероятности, была одним из препятствий для переводчиков, поэтому авторы довольно часто обращались к прямому заимствованию слов оригинала: *законезь* ‘закон’ [Иоанн: 1; 17], *пророкъ* ‘пророк’ [Иоанн: 1; 21], *чюдо* ‘чудо’ [Иоанн: 2; 11], *слава* [Иоанн: 2; 11], *Пасха* [Иоанн: 2; 13], *судить* [Иоанн: 3; 17], *колодецъзъ* ‘колодец’ [Иоанн: 4; 11], *смоковницею* [Иоанн: 1; 50] и т. д. Переводчики сталкивались с объективной невозможностью подобрать адекватные слова для передачи этих понятий; следует также учитывать ранний характер перевода и, следовательно, отсутствие переводческой традиции.

В некоторых случаях переводчики подобрали удмуртские эквиваленты заимствованным словам и поместили их в косые скобки: *Праздникъ Пасхи /вэликъ-тэмэ/*¹⁸ [Иоанн: 2; 23], *Царствія божія /воршудзэ Инмаръ-лэсь/*¹⁹ [Иоанн: 3; 3]. Встречаются и «обратные» случаи использования скобочного приема — рядом с удмуртским вариантом в косые скобки помещается его церковнославянский «оригинал»: *тусса*²⁰ /*знаменіе*/ [Иоанн: 6; 30], *иль-зэ вандэмъ*²¹ /*обръзаніе*/ [Иоанн: 7; 22, 23], *ильзэ вандыськодъ адямилэсь*²² /*обръзываете человекъка*/ [Иоанн: 7; 22], *пастанэтъ мэтаэ*²³ /*разсвѣніе*/²⁴ [Иоанн: 7; 35], *вылыстысь пэнна*²⁵ /*о небесно*/²⁶ [Иоанн: 3; 12]. В косые скобки могут быть помещены и синонимы к удмуртскому слову: *притворъ* — *ветлонзэ /выжзэ/*²⁷ [Иоанн: 5; 2], *якоже* — *кызи /кадь/*²⁸ [Иоанн: 5; 26], *плоть* — *іозъ вѣ /сѣль/*²⁹ [Иоанн: 6; 51]. Применение скобочного приема в практике перевода явилось специфической особенностью переводческого метода удмуртских авторов.

В некоторых случаях переводчики «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык используют такой прием оформления текста, как подчеркивание: в переводном тексте подчеркиванием могут быть выделены слова / словосочетания / предложения. На наш взгляд, это явление можно рассматривать как прием переводческой техники; возможно, оно указывает на то, что смысл слова / словосочетания / предложения остался непонятным для переводчиков: *Что Есть мнѣ и тебѣ, жѣно? — Мѣ мынѣмъ ужѣ тѣнѣ бордадѣ?* ‘Какое мне дело до тебя?’ [Иоанн: 2; 4]. Выделенные подчеркиванием слова могут указывать и на то, что переводчик не смог подобрать соответствующий эквивалент иноязычному слову: *Манну* [Иоанн: 6; 31], *апостоламъ* [Иоанн: 6; 67], *дѣвол* [Иоанн: 6; 70], *Духъ Святыи* [Иоанн: 7; 39].

Местоимения, получившие в переводе форму множественного числа, также выделены подчеркиванием: *твой* — *тылядъ* ‘ваш’ [Иоанн: 4; 50; Иоанн: 5; 11], *его* — *тылядъ* ‘ваш’ [Иоанн: 4; 51, 53], *моей* — *милямъ* ‘наш’ [Иоанн: 5; 30], *мое* — *милямъ* ‘наш’ [Иоанн: 5; 31], *ко мне* — *ми дынямъ* ‘к нам’ [Иоанн: 5; 40], *моимъ* — *милем* ‘нашим’ [Иоанн: 5; 47] и т. д. В дальнейшем переводчики стали повсеместно использовать множественное число вместо единственного. Возможно, такое выделение играло для переводчиков роль «nota bene», а частое использование подчеркивания в процессе перевода превратило его в устойчивый прием переводческой техники.

Переводчики «Евангелия от Иоанна» были одними из первых, кто использовал новые для удмуртской словесности приемы переводческой техники. Помимо внутритекстовых скобочных вставок (вставок в косых и квадратных скобках) и подчеркивания слов / словосочетаний / предложений удмуртские

¹⁸ Букв. ‘в праздник Пасхи /в Пасху/’.

¹⁹ Примерный перевод: «счастье от Бога». Слово *воршуд* имеет разные значения, одно из них — ‘семейно-родовое божество-хранитель счастья, благополучия членов семьи и рода’ [Атаманов 1988: 23].

²⁰ Букв. ‘облик, вид, форма, образ’.

²¹ Букв. ‘обрезание свежей / сырой (плоти)’.

²² Букв. ‘срезаете сырую (плоть) человека’.

²³ Букв. ‘по необъятным местам’.

²⁴ Т. е. рассеяние.

²⁵ Букв. ‘за то, что находится свыше’.

²⁶ Возможно, в данном случае переводчики допустили опisku: вместо слова *небесная* в косых скобках написали другое — *о небесно*. В правом столбце рукописи, в котором помещен оригинал, употребляется слово *небесная*.

²⁷ Букв. ‘то, по чему ходят (пол; мост)’.

²⁸ Букв. ‘как’.

²⁹ Букв. ‘плоть’.

авторы использовали т. н. «подножные» или подстрочные заметки / сноски, помещая их внизу рукописной страницы. Например, к 18-ому стиху 2-ой главы «Евангелия от Иоанна» дана следующая сноска: «П. *түсь, знаменіе*». Возможно, переводчики использовали подобные пояснения, руководствуясь желанием сделать незнакомые слова понятными читателю. Предлагая собственные переводческие решения в оформлении текста, они принимали во внимание и то, как текст будет восприниматься аудиторией. Таким образом, процесс переводческой деятельности строился с учетом ряда факторов, в том числе было принято во внимание и читательское восприятие. В дальнейшем этот намеченный интерпретаторами «Евангелия от Иоанна» способ применения сносок возьмет на вооружение последующее поколение переводчиков и писателей.

В случае отсутствия удмуртского эквивалента для определенной церковнославянской лексической единицы переводчики стремились передать семантику этого слова: *вы спасены будете* — *тї зѣць лѣкъ шэттоды* ‘вы найдете добро / благо’ [Иоанн: 5; 34], *похоти* — *уродъ ужьїостѣ* ‘плохие / дурные дела’ [Иоанн: 8; 44], *Слугамъ* — *Истѡнь-косонь-їосълы* ‘посыльным’ [Иоанн: 2; 5], *Князь* — *Нодѣсь муртъ* ‘Большой / Великий человек’ [Иоанн: 3; 1], *свѣтильникъ* — *югытъ возись* ‘хранящий / держащий свет’ [Иоанн: 5; 35]³⁰ и т. д.

Желание сделать Евангелие доступным читателю выявило большой творческий потенциал переводчиков. Например, образ пустыни авторы передали с помощью описательного метода: *въ пустыни* — *тыртѣмъ мѣстайнь* ‘в пустом / бездонном месте’ [Иоанн: 1; 23; Иоанн: 3; 14; Иоанн: 6; 31]. Некоторые реалии были заменены местными образами: *въ купели* — *шуръ дорынъ* ‘у реки’ [Иоанн: 9; 7], *Ангелы* — *вѡръ-шудьїоссѣ* ‘божество-покровитель рода’ [Иоанн: 1; 51]. В некоторых случаях переводчики использовали калькированный перевод: *водоносъ* — *ву нуллѡнь-зѣ* ‘то, в чем носят воду’ [Иоанн: 4; 28]. Подобные случаи демонстрируют, что переводческая работа «была одним из своеобразных примеров религиозного синкретизма, приспособления языческой духовной культуры к нуждам православия, когда средствами удмуртского языка старались передать чуждые ему понятия» [Владыкин 1994: 211].

В «Евангелии от Иоанна» обнаруживаются как частные, так и общие для всего корпуса тенденции в переводческих предпочтениях и решениях. Возможно, такая картина возникла в силу того, что над его переложением работало несколько авторов: в рукописи наблюдаются образцы почерков разных людей, при этом переводческая манера также меняется. Легко заметить, что строки 1—8-й глав написаны почерком, отличающимся от другого, который встречается начиная с 9-й главы Евангелия. Можно предположить, что над обозначенными главами работали разные переводчики или переписчики. О том, что к написанию «Евангелия от Иоанна» на удмуртском языке приложили руки несколько человек, говорит и манера оформления самой рукописи: деление евангельского текста на стихи прослеживается с 1-й по 8-ю главу; с 9-ой главы это правило нарушается — разбивка Евангелия на стихи в этих главах проведена только в базовом источнике.

Работа второго автора над переводом имеет особенности и на образно-лексическом уровне. Например, в 9-ой главе слово *пророкъ* уже получает удмуртский перевод *Кылчїнь инмаръ* ‘(Бог) Инмар-Кылчин / Бог Кылчин’³¹ [Иоанн: 9; 17], в то время как в 1-ой главе, над переложением которой работал, по нашему мнению, другой переводчик, это слово заимствуется: *пророкъ* [Иоанн: 1; 21]. Отличается и переводческая техника второго «толмача»: в частности, он может предлагать читателю несколько вариантов перевода — синонимы. Например, слово *пастырь* переведено им следующим образом: *возьмась* ‘хранящий’ / ‘наблюдающий’ [Иоанн: 10; 17].

Отдельно следует остановиться на графико-орфографических особенностях данного письменного памятника. Так, при записи удмуртских слов употребляются несколько надстрочных знаков, заимствованных из церковнославянской графики (а в последней — из греческого письма): акут (´), гравис (˘), псила (˙), камора (^ или иногда в виде округлой арки). Первые два (гравис — в большинстве случаев)

³⁰ Предложенные переводчиками варианты в семантическом отношении близки церковнославянским словам. В печатном издании Евангелия от Матфея на сарапульском диалекте (1847 г.) слово *свѣтильникъ* также переводится на удмуртский язык путем описания и имеет четыре синонимичных варианта на двух смежных страницах текста: *тыль-джуватѡнь-тырлѣкъ* (букв.) ‘предмет для зажигания огня’, *тыль-возїѡнь* (букв.) ‘предмет для держания огня’, *джуватѡнь-тырлѣкъ* (букв.) ‘предмет для зажигания’, *тырлѣкъ-джуватѡнь* (букв.) ‘предмет для зажигания’ [Матфей Сар.: 196—197]. Хотя уже в изданной грамматике «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» (1775 г.) зафиксировано удмуртское слово *чагъвозѣнь* ‘свѣтець» [Сочиненія 1775: 31], переводчики Евангелия почему-то пренебрегли им.

³¹ В литературе встречается перевод выражения *Кылчїнь-инмар* словосочетанием «Творец Инмар» [Владыкин 1994: 102]. «Триада богов Инмар, Кылдысин, Куазь порой осознавалась как некое единство (отсюда Кылчин-Инмар, Куазь-Инмар), доброе начало, покровительствующее людям, природе» [там же: 103—104].

применяются для обозначения словесного ударения, причем достаточно беспорядочно (особенно в начале рукописи), например: *Монъ нò адзй, шонэръ нò верай, тайзъ зэмъ Инмарлэнъ Пйезъ* («И азъ видѣхъ, и свидѣтельствовахъ, что сей есть Сынъ Божий») [Иоанн: 1; 34]. С помощью псилы последовательно отмечается начальная гласная слова: *Но калыкъ тайзъ, кудыизъ законэзъ ѳгъ тодъ, сэртэмъ кыль улынь ѳло* («Но народъ сей, иже не вѣсть закона, прокляти суть») [Иоанн: 7; 49]. Камора используется для передачи на письме диграфа *io* (в современной орфографии — *ё*).

В удмуртской части рукописи использованы следующие 37 букв и их сочетаний: *а, б, в, г, д, дж, дз, е (е), io (io), ж, з, и, i, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ув, ф, х, ц, ч, ш, ъ, ы, ь, э, ю, я, ѣ*. По «конфигурации» их можно разделить на две группы: первую группу составляют общеизвестные буквы кириллического алфавита, уже внедренные в удмуртскую графическую систему в XVIII в. и сохранившиеся в современной удмуртской графике до наших дней; другая группа представлена сочетаниями букв — *io (io), дж, дз, ув*. Необходимо отметить, что в исконных удмуртских словах буквы *ф* и *х* не встречаются и могут появляться только в заимствованной из церковнославянского языка (или через церковнославянский) лексике, например: *Матынь йк вуискъ вылэмъ Пасха /Великътэмъ/ праздникъ Иудеосъ-лэсъ* («Бъ <так!> же близъ Пасха, праздникъ Жидовскій») [Иоанн: 6; 4].

Определенные трудности для переводчиков представляло обозначение специфических удмуртских звуков и их комплексов средствами кириллицы. Из графических особенностей рукописи необходимо отметить следующие.

1. Своеобразная удмуртская гласная фонема среднего ряда среднего подъема *ö (ё)*, отсутствующая в русском языке, в большинстве случаев обозначается буквами *э (э, э), е* или *о*, например: *Аслазъ дынэ лыктйзъ аслазйосызъ но Соё эзъ басымлэ* («Во своя прииде, и свои Его не приша») [Иоанн: 12; 11].

2. Фонема *ы (j)* в большинстве случаев обозначена буквой *ы (ы, ы)*: *Тй судъ карыськодй иозъ вй пумйтъ, Монъ судъ нò киньлы ѳгъ карыськы* («Вы по плоти судите, азъ не сужду никому же») [Иоанн: 8; 15]. Кроме того, для передачи этой фонемы нередко используется буква *и*:

а) в анлауте — *Истэмэзъ Монэ айцызъ нò монэнынъ* («И пославши мя со Мною») [Иоанн: 8; 29];

б) после *ж* — *Ку бэнь джитъ лась, дышэцкысьидъ Солэнъ кошкизы заризъ дынэ* («Яко поздѣ бысть, снидоша ученицы Его на море») [Иоанн: 6; 16]; однако встречаются примеры, когда в данной позиции употребляется буква *ы (Тодыськò, что тй выжы Авраамлэнъ: но Монэ уцяськодй вины, потому что кыль Мильямъ ѳгъ трыськы тыледдысь*. «Въмъ, яко смя Авраамле есте: но ищите мене убити, яко слово Моё не вмѣщается въ вы») [Иоанн: 8; 37];

в) после парных по твердости / мягкости согласных (где буква *и*, обозначая звук [ы], показывает мягкость предшествующего согласного) — *Солы кулэ бадзймъ карыськыны, мынымъ нòшь поцй карыськыны* («Оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися») [Иоанн: 3; 30]; в данном случае чувствуется влияние правил русского письма.

3. Буква *и* (а в нескольких примерах *ю*) применяется для обозначения анлаутного сочетания *йы (ji)* — *Исусъ вэрà соидслы: пэнылэ сò посудайосъ-тэ ву, пэнизы нò ирдò чòчкиныя* («Глаголя имъ Исусъ: наполните водоносы воды, и наполниша ихъ до верха») [Иоанн: 2; 7].

4. Фонема *э (е)* передается:

а) буквой *э (э)* в абсолютном большинстве случаев — *Адямй истэмьнъ вылэмъ Инмаръ дынисэнъ, нимьнъ Иоаннь* («Бысть человекъ посланъ отъ Бога, имя Ему Иоаннь») [Иоанн: 1; 6];

б) буквой *е (е)* — *Кинъ кè ветлэ эсетъ, сò оскалтисъ ижлы* («А входяй дверми, Пастырь есть овцамя») [Иоанн: 10; 2];

в) буквой *ѣ (ѣ)* — *Соидъ тышкаскизы Соё, вѣразы: Тонъ дышецкыдъ солэнъ, ми Моисеовы дышецкысьидъ* («Они ж укориша Его, и рѣша Ему: Ты ученикъ еси того мы ж Моисеовы ученицы») [Иоанн: 8; 31];

г) буквой *ё* — *Иоаннь шонэръ вераскè Сò понна, тужъ нò церекьяса верà (...)* («Иоаннь свидѣтельствуеъ о Немъ, и глаголя (...») [Иоанн: 1; 15].

5. Аффрикаты имеют следующие буквенные обозначения:

а) сочетание знаков *дз* и буква *з* применяются для передачи звонкой палатальной фонемы *z (z)* — *Инмаръзэ нò кинъ нò кытынъ узна адзинà: одыгъ ворцькэмъ Пйезъ, улысь бубизлэнъ пйазъ, Сò возматыизъ* («Бога никтоже видѣ нигдѣже: единородный сынъ, сый въ лонѣ отчи, той исповѣда») [Иоанн: 1; 18];

б) графема *ц* (иногда *ч* — с последующими йотированными гласными, *и, е* или мягким знаком) обозначает глухую палатальную фонему *ч (č)* — *Солэнъ нò быдэстэменызъ воцйкъ ми шэттымь, козмэмзэ нò козмэмъ вылэ шэттымь* («И отъ исполненія Его мы вси прияхомъ и благодать воз благодать») [Иоанн: 1; 16];

в) буквосочетанием *дж* систематически передается звонкая велярная фонема *ж (z)* — *Ку бэнь джитъ лась, дышэцкысьидъ Солэнъ кошкизы заризъ дынэ* («Яко поздѣ бысть, снидоша ученицы Его на мо-

ре») [Иоанн: 6; 16]; встречаются также примеры, когда эта своеобразная удмуртская согласная фонема обозначается буквой *ж*, например: *Кызи кэ Моисей тыртэмъ мэстайнъ вылланъ жутызь кыйзэ, озикъ кулэ вылланъ жуцькынъ Пилы адыми-іосълэсь* («И якоже Моисей вознесе змія въ пустыни, тако подобаеъ вознестися сыну чловѣческому») [Иоанн: 3; 14];

г) графема *ч* используется для обозначения глухой велярной фонемы *č* (*č*) — *Чюказэ нуналэ нощъ сылызь Иоаннъ, кыкъ нэ дышетцькысыіосъ Солэнъ* («Во утрій же такъ и стояше Иоаннъ, и ученикъ Его два») [Иоанн: 1; 35].

6. Для передачи билабиального согласного *ɥ* (*ɥ*), встречающегося в анлауте перед гласным звуком *a*, используются графема *y* или сочетание *ув* — *Шонэръ нэ веразъ Иоаннъ, валэктысá: монъ адзі Лульзэ уваськысьсэ инъ вылысь, дыдыкъ-зэ кадъ, Сэ вылынъ нэ улэмзэ* («И свидѣтельствова Иоаннъ, глаголя, яко видѣхъ Духа сходяща яко голубя съ небесе, и пребысть на Немъ») [Иоанн: 1; 32].

7. Для обозначения звукосочетания *jo* (*jo*), а также мягкости согласного перед *o* (в современной орфографии *ё*) используется буквосочетание *іѡ* (*іѡ* — под ударением) — *Бубизыіѡсь милямъ восяськызы тá гурэзь вылынъ: тй нощъ вэраськодъ, Іерусалимынъ уванъ мэста, кытынъ восяськыны кулэ* («Отцы наши въ горѣ сей поклоняшася: и вы глаголете, яко во Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣ же кланятися подобаеъ») [Иоанн: 4; 20].

Некоторые исследователи отрицают наличие собственно орфографии в ранних письменных памятниках (см., например, [Зиндер, Строева 1965: 26]). Как известно, для письменности на удмуртском языке в первой трети XIX в., когда были переведены Евангелия, вербально сформулированных орфографических правил еще не существовало, поэтому нам кажется целесообразным оперировать термином «элементы орфографии». Среди элементов орфографии рукописи представляется возможным выделить следующие.

1. Удмуртские сочетания *жы*, *джы* передаются как с буквой *и* (*жи*, *джи*), так и *ы* (*жы*, *джы*). *Ку бэнъ джитъ лась, дышетцькысыіосъ Солэнъ кошикызы заризъ дынэ* («Яко поздѣ бысть, снидоша ученицы Его на море») [Иоанн: 6; 16]. *Тодыськэ, что тй выжы Авраамълэнъ: но Монэ утысяськодъ вины, потому что кылъ Милямъ уг тэрыськы тыледдысь* («Вѣмъ, яко сѣмя Авраамле есте: но ищите мене убити, яко слово Моё не вмѣщается въ вы») [Иоанн: 8; 37]. По почеркам никакой закономерности в написании сочетаний не наблюдается.

2. Палатальность парных согласных перед *ы* передается на письме с помощью буквы *и*. *Абдыразы нэ Іудеосъ вэраськысá: кызи Сб тодэ гыштэмъіосъ-тэ дышетцькы-тэкъ* («И дивляхуса Іудее, глаголяще: како сей книги вѣсть неучився») [Иоанн: 7; 15].

3. Для обозначения велярности³² конечных согласных, а также иногда согласных середины слова (не всегда последовательно) используется буква *ь* («ер»). *Квиньмэтый нэ нуналэ вылэмъ сюванъ Кана Галилейнъ, мумизъ нэ Іисусъ-лэн огазынъ отынъ вылэмъ* («И въ третій день бракъ бысть въ Канѣ Галилейстѣй, и бѣ мати Іисусова ту») [Иоанн: 2; 1]. *Трѡсь калыкысь кылсá тá кылъіостэ, вэразы: зэмэнъ Сэ Пророкъ* («Мнози же отъ народа слышавше слово, глаголаху: сей есть воистинну Пророкъ») [Иоанн: 7; 40].

4. Евангелие изобилует разными написаниями одних и тех же слов и их форм, например: *вэразъ* [Иоанн: 1; 20], *верай* [Иоанн: 1; 34] и т. д. Подобные случаи непоследовательности написания подтверждают мнение специалистов относительно орфографии древних памятников письменности: «Иногда создается впечатление, что древние писцы подчас даже избегали одинаковых написаний и сознательно стремились к разнообразию. На такое предположение наталкивают случаи разного написания одних и тех же слов» [Зиндер, Строева 1965: 26].

Следует подчеркнуть, что графика и элементы орфографии рукописного «Евангелия от Иоанна» базируются в основном на графике и элементах орфографии первой печатной грамматики удмуртского языка «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» (1775 г.). Отличительной особенностью удмуртского перевода данного Евангелия (в отличие от изданных в 1847 г. Евангелий от Марка и Матфея) является то, что в нем используется церковнославянская буква *є*, служащая вариантом кириллической строчной буквы *е*.

Разнобой в написании (или вариации написания удмуртских слов) никак не соотносятся с отдельными кусками текста. Данная особенность является общей для письменных памятников удмуртского языка раннего периода.

Несмотря на то, что удмуртский перевод «Евангелия от Иоанна» остался неопубликованным, распространение «света Христова учения» среди неславянских народов (в том числе удмуртов) наложило

³² Под велярностью мы понимаем здесь твердость. В удмуртском языке, как и в русском, данный фонологический и дифференциальный признак имеется: например, слова *выль* ‘новый’ и *выл* ‘поверхность’ различаются именно по этому признаку.

отпечаток на характер переводческих опытов и на эстетику художественного творчества. Первые письменные опыты должны были ввести удмуртского читателя в духовно-эстетический мир православия и познакомить его с новыми ценностями, понятиями и терминами, стимулируя развитие новых видов и форм художественной деятельности.

Изучение первых переводов является важной задачей для истории переводов Священного Писания на удмуртский язык, поскольку тогда переводчики еще находились в поиске подходящих эквивалентов. Первые переводчики Священного Писания на удмуртский язык во многом оказали влияние на его восприятие. Посредством переводов происходила выработка понятийного аппарата для выражения религиозно-философских идей, формировались и совершенствовались художественно-выразительные возможности удмуртского языка.

Кроме того, первые переводчики решали проблему образно-лексической эквивалентности, расширяя семантику удмуртских слов и заимствуя лексемы из русскоязычной версии Евангелия. Анализ Евангелия на удмуртском языке показывает, что переводчики в достаточной степени владели инструментарием для передачи смысла, изложенного в Благой вести. С первыми опытами по переводу текстов православного содержания на удмуртский язык выработывалась система переводческих приемов.

Духовная литература и в настоящее время остается в центре внимания интерпретаторов. Тексты Святого Писания до сих пор продолжают переводиться на многие языки мира, а Библия считается древнейшим литературным памятником огромной исторической, художественной и духовной ценности.

Сокращения

букв. — буквально ср. — сравните

Литература

- Атаманов 1988 — *Атаманов М. Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988.
- Большой путеводитель по Библии 1993 — Большой путеводитель по Библии / Ред. *Беллингер Г.* Пер. с нем. *Вейнгольд Ю. М.*, 1993.
- Владыкин 1994 — *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.
- Зиндер, Строева 1965 — *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Историческая фонетика немецкого языка. Пособие для студ. пед. ин-тов. М.—Л., 1965.
- Иоанн — От Иоанна святое благовествование (Иоаннлэсь святой благовествование) // СПб., Архив РАН, ф. 94, оп. 1, № 244, 61 л.
- Каракулов 1997 — *Каракулов Б. И.* Роль переводов евангелий издания 1847 года в истории удмуртского литературного языка // Духовная культура финно-угорских народов: История и проблемы развития. Материалы Международ. науч. конф. (Глазов, 19—21 ноября 1997 г.). Ч. 1. Языкознание. Фольклор и литературное краеведение. Библиотека — книга — читатель. Глазов, 1997. С. 3—8.
- Каракулов 2006 — *Каракулов Б. И.* Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII—XXI даурьёс (История удмуртского литературного языка: XVIII—XXI века). Ижевск, 2006.
- Кельмаков 1979 — *Кельмаков В. К.* Рецензия: М. Г. Атаманов. Этнонимы удмуртов в топонимии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту, 1978 // Советское финно-угроведение. 1979, 3 (XV). С. 202—206.
- Кельмаков 2004 — *Кельмаков В. К.* Школаын дышетскон книга удмурт литературной кыл сярысь: Рецензия-эссе // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья. Материалы V Международ. симпозиума. Ижевск, 2004. С. 299—322.
- Кельмаков 2008 — *Кельмаков В. К.* Очерки истории удмуртского литературного языка. Учебное пособие. Ижевск, 2008.
- Кондратьева, Зверева 2004 — *Кондратьева Н. В., Зверева Т. Р.* О первых печатных книгах на удмуртском языке 1847 года издания // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья. Материалы V Международ. симпозиума. Ижевск, 2004. С. 322—326.
- Луппов 1905 — *Луппов П. Н.* О первых вотских переводах источников христианского просвещения: Очерк из истории инородческих переводов. Казань, 1905.
- Матфей Сар. — Господа нашего Иисуса Христа Евангелие отъ св. евангелиста Матѳея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчя. Казань, 1847.
- Насибуллин 2006 — *Насибуллин Р. Ш.* Эллинизмы в удмуртском языке. Учебное пособие. Ижевск, 2006.

ППК 2003 — Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. *Ившин Л. М.* Отв. за вып. *Кириллова Л. Е.* Ижевск, 2003.

Сочинения 1775 — Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка / Сост. арх. *Вениамин (Пуцек-Григорович В. Г.)*. СПб., 1775.

Уваров 1983 — *Уваров А. Н.* Особенности публицистики удмуртского дореволюционного просветительства // Вопросы своеобразия жанров удмуртской литературы и фольклора. Ижевск, 1983. С. 59—73.

Четвероевангелие 1904 — Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Иоанна на вотскомъ языкѣ. Изданіе Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества. Казань: Типографія В. М. Ключникова, 1904.

Четвероевангелие 1912 — Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Иоанна на удмуртском языке. Казань: Центральная типографія, 1912.

Munkácsi 1896 — *Munkácsi B.* A wotjak nyelv szótara. XII—XIV. Budapest, 1896.

Wichmann 1987 — *Wichmann Y.* Wotjakische Wortschatz / Aufgezeichnet *Wichmann Y.*, bearb. *Uotila T. E., Korhonen M.*, hrsg. *Korhonen M.* Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI).

Wiedemann 1851 — *Wiedemann F. J.* Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851.

Wiedemann 1858 — *Wiedemann F. J.* Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache // Bulletin de l'Académie des Sciences Historiques, Philologiques et Politiques de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Peterbourg. St.-Peterbourg, 1858. S. 240—256.

РЕЗЮМЕ

В статье проведен лингвистический анализ рукописного «Евангелия от Иоанна» на удмуртском языке (вкпе с литературоведческими подходами). На основе сравнительного анализа с церковнославянским образцом выявляются особенности удмуртского перевода, а также рассматриваются образно-смысловые и лексические изменения, возникшие в процессе восприятия и интерпретации евангельского текста.

SUMMARY

The article represents the linguistic analysis of the Udmurt manuscript translation of Gospel according to St. John (together with the literary approach). On the basis of comparative analysis with the Church Slavonic pattern the peculiarities of the Udmurt translation are revealed, the figurative and lexical changes appeared in the process of perception and interpretation of the Gospel text are examined.

Ключевые слова: удмуртский язык, перевод, церковнославянский язык, Евангелие, интерпретация

Keywords: the Udmurt language, translation, the Church Slavonic language, Gospel, interpretation

**Примечание от редколлегии к статье А. В. Камитовой, Л. М. Ившина
«Особенности перевода “Евангелия от Иоанна”
на удмуртский язык в начале XIX века»**

При работе со статьей об особенностях перевода «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык внимание редколлегии привлекли два момента в цитатах из обсуждаемой в статье рукописи, которые не затрагиваются авторами статьи, т. к. касаются церковнославянской части памятника. Поскольку авторы не смогли предоставить редколлегии копию полного рукописного текста перевода (рукопись используется сейчас в г. Ижевске при подготовке издания «Евангелия от Иоанна»), все изложенные ниже наблюдения сделаны на материале двух разворотов рукописи, приложенных в качестве иллюстраций к тексту статьи. Естественно, они весьма предварительны и должны быть в дальнейшем проверены на полном тексте памятника. Тем не менее, мы приводим их, чтобы снять некоторые вопросы, которые могут возникнуть у читателя.

Первый момент — это ряд отклонений в приводимом церковнославянском тексте (с левой стороны листов рукописи) от стандартного церковнославянского перевода «Евангелия от Иоанна». Приводим здесь экспертный комментарий Александра Геннадьевича Кравецкого³³, любезно согласившегося рассмотреть два упомянутых разворота рукописи.

«Если этот перевод делался в 20-е гг. XIX в., то он, по всей видимости, был частью переводческой программы Российского Библейского общества. РБО переводило Писание на национальные языки и пользовалось Елизаветинским текстом в том виде, как он выглядел к началу XIX в. Других вариантов вроде бы и не было.

На предоставленных мне листах рукописи стандартный церковнославянский текст, записанный в гражданской орфографии. В типографской практике такой способ записи использовался повсеместно. В таком виде текст мог обсуждаться и редактироваться, а затем “правильная палата” (бригада редакторов) готовила наборные экземпляры. Я заметил в рукописи лишь несколько расхождений по сравнению с имеющимися у меня под рукой изданиями конца XIX в.

1) Ин. 9:1 — *от рождения* вместо *от рождества*. В Острожской и Московской Библии — *от рождества*. Может быть, здесь оказал влияние русский перевод из славянско-русского двуязычного Нового Завета?

2) Ин. 9:2 — пропуск местоимения *его*. Ни в одном из просмотренных мною изданий таких пропусков нет.

3) Ин. 1:33 — пропуск слова *водою*. Ни в одном из просмотренных мною изданий таких пропусков нет.

Мне кажется, что разночтений слишком мало, чтобы говорить об ином варианте текста. Проще видеть в этом описки. Тем более, что я не думаю, что набор славянской части этого двуязычного издания предполагали делать с рукописи».

Таким образом, на основании предварительного анализа можно полагать, что в левой части рукописи представлен канонический церковнославянский текст Евангелия с некоторыми случайными отклонениями. Однако, когда мы обращаемся к словам, заимствованным из языка-источника в удмуртский текст, становится ясно, что они, по крайней мере в части случаев, взяты не из церковнославянского текста, а из русского Синодального перевода. Правильность этой гипотезы проверена, конечно, на очень ограниченном материале, а именно только на тех словах, которые перечислены в следующем абзаце статьи:

«Передача богословских понятий и терминов, не имеющих аналогов в удмуртской культуре, по всей вероятности, была одним из препятствий для переводчиков, поэтому авторы довольно часто обращались к прямому заимствованию слов оригинала: *законезь* ‘закон’ [Иоанн: 1; 17], *пророкь* ‘пророк’ [Иоанн: 1; 21], *чюдо* ‘чудо’ [Иоанн: 2; 11], *слава* [Иоанн: 2; 11], *Пасха* [Иоанн: 2; 13], *судить* [Иоанн: 3; 17], *колодецьзь* ‘колодец’ [Иоанн: 4; 11], *смоковницею* [Иоанн: 1; 50] и т. д.»

В двух случаях в упомянутых местах различаются церковнославянский и русский Синодальный переводы Евангелия: 1) в церковнославянском переводе используется слово *знаменіємь*, а в русском Синодальном переводе — *чудесамь* [Иоанн: 2; 11]; 2) в церковнославянском переводе используется слово *студенець*, в русском Синодальном переводе — *колодезь* [Иоанн: 4; 11].

Таким образом, не исключено, что непосредственным источником для перевода «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык в начале XIX в. служил не церковнославянский текст, а русский Синодальный перевод. Представляется интересным и необходимым проверить эту гипотезу сначала на материале полного текста «Евангелия от Иоанна», а затем, возможно, и на других ранних удмуртских переводах Евангелий.

³³ А. Г. Кравецкий — кандидат филологических наук, руководитель Научного центра по изучению церковнославянского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Категоризация фактуры поверхностей в западных говорах хантыйского языка: сопоставительно-типологическое исследование

1. Введение. Предмет и теоретическая база исследования

Предметом нашего исследования является семантика прилагательных, описывающих отсутствие неровностей ('скользящий', 'гладкий', 'ровный') или наличие неровностей ('шершавый', 'шероховатый', 'грубый (например, о ткани)', 'бугристый', 'морщинистый' и т. д.) на поверхности объекта. В настоящей статье рассматривается материал нескольких западных говоров хантыйского языка, преимущественно собранный нами в полевых условиях¹ в сс. Мужы, Шурышкары (Шурышкарский район Ямало-Ненецкого АО), с. Белоярск (Приуральский район Ямало-Ненецкого АО) и с. Теги (Березовский район Ханты-Мансийского АО)².

К исследованию привлекаются также данные целого ряда других уральских языков (финского, эстонского, коми-зырянского, удмуртского, эрзянского и ненецкого; в настоящее время нами анализируется также венгерский, марийский и селькупский материал), и, кроме того, предполагается привлечение материала языков других семей и ареалов: на текущий момент нами учтены данные русского [НОСС 2004; Спиридонова 2004] и испанского [Спесивцева 2012] языков. Хантыйский материал рассмотрен нами с привлечением описанного типологического фона.

В данной статье мы сосредоточимся на прямых употреблениях интересующих нас прилагательных, т. е. на тех контекстах, где они описывают свойства поверхностей (ср. рус. *скользящая дорога*, *гладкая доска*, *шершавый язык кошки*), и не будем обсуждать их переносные употребления (ср. рус. *скользящий вопрос*, *гладкая речь*).

Прежде чем перейти собственно к обсуждению хантыйского материала, охарактеризуем теоретико-методологическую базу нашего исследования. В работах последнего времени утверждается существование типологии как направления лингвистики применительно не только к фонетике или грамматике, но и к лексике (см. [Рахилина, Плунгян 2007], [Koptjevskaja-Tamm 2008], [Рахилина, Резникова 2011] и приводимые в этих работах ссылки). В этих работах целями лексической типологии признаются исследование типологических закономерностей устройства семантических полей (касающихся дифференциальных семантических параметров и их релевантности для разных языков, моделей развития полисемии, набора конструкций тех или иных лексем) и поиск универсальных ограничений, существующих для перечисленных явлений.

В качестве примеров конкретных групп слов, исследованных лексическими типологами, можно привести цветообозначения [Berlin, Kay 1969], прилагательные размера [Bierwisch, Lang 1989; Lang 2002], глаголы передачи [Newman 1998], глаголы позиции [Newman 2002], глаголы движения в воде [Майсак, Рахилина 2007], глаголы разделения на части [Majid et al. 2007, 2008], глаголы боли [Брицын и др. 2009], глаголы вращения [Круглякова 2010] и прилагательные температуры [Koptjevskaja-Tamm *forthc.*]. В настоящее время активно ведется изучение различных групп признаковой лексики — помимо упомянутых выше работ, посвященных прилагательным цвета, размера и температуры, это исследования Е. В. Рахилиной и ее коллег по Московской лексико-типологической группе, образованной в последние годы участниками проектов по типологическому описанию ряда семантических полей в языках мира [Рахилина, Плунгян 2007; Круглякова 2010; Рахилина, Резникова 2011]). Эти исследования признаковой лексики расширяют типологическую перспективу ставившихся первоначально на русском материале задач систематизации моделей полисемии представительного массива прилагательных и анализа того, как организованы соответствующие семантические группы в русском языке (см. подробнее [Рахилина и др. 2010]). В качестве примеров можно привести работы, посвященные прилагательным 'острый' — 'тупой' [Кюсева, Рыжова 2010; Кюсева 2012], 'полный' — 'пустой' [Тагабилева, Холкина 2010], 'чистый', 'прозрачный' — 'грязный', 'мутный' [Архангельский и др. 2011], 'прямой' — 'кривой, косою, извилистый' [Наний 2012]; в этот ряд исследований вписывается и наша статья.

¹ Исследование поддержано грантами РГНФ № 11-04-18024е и 12-04-18024е.

² Кроме того, одним из рецензентов настоящей статьи выступила кандидат филологических наук С. В. Онина, носитель шурышкарского диалекта хантыйского языка, владеющая также казымским диалектом, автор многочисленных публикаций по хантыйскому языку. В рецензии С. В. Онинной высказан ряд ценных замечаний и дополнений, которые приводятся далее в соответствующих фрагментах работы.

При сборе материала для данной работы применялась методика, принятая в Московской лексико-типологической группе. Суть этого подхода состоит в том, что описания каждой конкретной лексической группы в разных языках должны строиться единообразно и быть сопоставимыми друг с другом, а в качестве методологической базы для создания таких описаний выбирается анализ сочетаемостного поведения лексем. В результате такого анализа выделяются и классифицируются базовые ситуации из соответствующей предметной области (обозначаемые в данной традиции термином «фреймы»), которые затем служат основой для составления лексико-типологической анкеты (набор вопросов в которой, естественно, уточняется при работе с материалом новых языков, но в реальной практике лексико-типологической работы, согласно [Рахилина, Резникова 2011], по мере увеличения языковой выборки таких уточнений возникает все меньше). Например, для лексем со значением ‘острый (о конкретных физических объектах)’, как показано в типологическом исследовании [Кюсева 2012], выделяется четыре фрейма: во-первых, режущие инструменты с заостренной кромкой (нож, ножницы, пила, коса, бритва и т. д.); во-вторых, колющие инструменты с заостренным кончиком (иголка, гвоздь, шило, стрела и т. д.); в-третьих, предметы с сужающейся к концу формой (носок ботинка, шпиль здания, гора, верхушка дерева и т. д.) — для объектов данного класса, в отличие от первых двух фреймов, острота не является функционально значимой; в-четвертых, природные объекты и части тела, которые могут оказывать на контактный объект воздействие, сходное с воздействием заостренных инструментов, но, в отличие от этих инструментов, являются таковыми от природы, а не в результате деятельности человека (колочки шиповника, иглы хвойных деревьев, локоть и т. д.).

Источниками данных при описанном подходе к лексико-типологическому исследованию служат словари и корпуса изучаемого языка, а также анкеты, содержащие список ситуаций, предъявляемых информанту, и обеспечивающие единообразное описание материала обследуемых языков. При этом естественно, что для конкретного языка набор и качество доступных источников могут быть по объективным причинам ограничены. Для хантыйского языка нами было проведено подробное анкетирование информантов в каждом из обследованных поселков; также использовались материалы словарей (наиболее подробные из них — [DEWOS], [Соловар 2006], [Вальгамова и др. 2011]), однако существующие словари хантыйского языка содержат далеко не всю нужную для нашего исследования информацию о сочетаемости лексем и ограничениях на их употребление. Общедоступных хантыйских корпусов значительного объема до настоящего времени не создано.

Наш материал был соотнесен с доступными хантыйскими текстами: в частности это тексты, записанные участниками экспедиций кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в Березовском районе ХМАО и Шурышкарском районе ЯНАО (2010—2012 гг.), а также ряд публикаций, как, например, сборник текстов на приуральском диалекте [Nikolaeva 1999]; хрестоматия [Rédei 1965], содержащая тексты на говорах западной группы; опубликованные тексты на приуральском и шурышкарском диалектах в [Вальгамова и др. 2011] и на казымском диалекте в [Кошкарева, Соловар 2007]; сборник рассказов жителей с. Теги [Лапина 2011]. Однако подобная работа осложняется малой частотой употребления интересующих нас лексических единиц: так, в сборнике [Nikolaeva 1999], содержащем более 100 печатных страниц текстов на приуральском диалекте хантыйского языка, найдено всего два вхождения прилагательного *pajli* ‘ровный’; причем оба в контексте *pajli mīw* ‘ровная земля’, который может быть получен даже при не самом детальном анкетировании информанта.

2. Прилагательные со значением отсутствия неровностей

2.1. Говор с. Теги

Согласно данным нашего типологического исследования, основное противопоставление в зоне отсутствия неровностей связано со способом восприятия, который может быть зрительным (например, так мы оцениваем наличие / отсутствие неровностей на потолке или на лугу) или тактильным (как в случае небольшого камня или доски, поверхность которой щупают руками для оценки качества ее обработки). Далее фреймы тактильного восприятия делятся на два класса: в первый из них входят собственно гладкие поверхности, не содержащие тактильно ощутимых неровностей, во второй — скользкие поверхности, т. е. либо такие поверхности, на которых трудно удержаться (например, скользкая дорога), либо поверхности таких предметов, которые человеку трудно удержать в руках (например, скользкая рыба)³.

³ Решение отнести фреймы скользкой поверхности к зоне тактильного восприятия принимается нами по двум причинам. Во-первых, на наш взгляд, это вытекает из самой семантики данных прилагательных: скользкая поверхность настолько гладкая, что трение при контакте с ней крайне мало, в результате чего на ней сложно удержаться или предмет с такой поверхностью сложно удержать (ср. в этой связи и толкование первого значения русского

В говоре с. Теги семантическая зона отсутствия неровностей покрывается двумя прилагательными — *wǒl'ək* и *pajli*. Прилагательное *wǒl'ək* описывает в данном говоре все типы скользкой поверхности, а именно: опорную поверхность (заледенелую дорогу (1), скользкие камни под ногами (2), промокшие дощатые мостки), выскальзывающие из рук предметы (рыбу (3), кусок мыла, черенок лопаты), а также скользкую подошву обуви (и метонимически саму обувь), представляющую собой промежуточный фрейм (4)⁴.

- (1) *at mār jəʃ pət-s-a, jəʃ wǒl'k-a ji-s*⁵
ночь за дорога мерзнуть-PST-PASS дорога скользкий-DAT стать-PST
'За ночь дорога замерзла, дорога скользкая стала'.
- (2) *lūw pəw-l-əs, wǒl'ək kew ɔxti-j-a pɔrm-əs, il pit-əs*
он купаться-PST скользкий камень верх-OBL-DAT наступить-PST вниз падать-PST
'Он купался, на скользкий камень наступил, упал'.
- (3) *panne wǒl'ək xūl*
налим скользкий рыба
'Налим — скользкая рыба'.
- (4) *tām sɔpek-ət mǎnema ǎn mɔs-l-ət, wǒl'k-ət*
этот сапог-PL я.DAT NEG быть.нужным-NPST-PL скользкий-PL
'Эти сапоги мне не нужны, скользкие'.

Второе прилагательное — *pajli* — описывает зрительно воспринимаемые ровные поверхности; см. примеры (5)—(6). Область употребления прилагательного в данном случае выводится из его внутренней формы: прилагательное *pajli* образовано с помощью каритивного показателя *-li* от существительного *paj*, которое описывает различного рода зрительно воспринимаемые неровности на участке местности; ср. дефиницию 'куча, стог, остров' [DEWOS: 1102] и наши примеры из тегинского говора *törn paj* 'стог сена', *tūt jūx paj* 'куча дров' (это выражение в частности описывает способ укладки дров для просушки).

- (5) *tām törn xār-em pajli, šit-em mūw-əj*
этот сено место-PX1SG ровный тот-PX1SG земля-ATTR
'Этот мой покос ровный, тот кочкастый'.
- (6) *jəʃ pajli, mūŋ sɔra wəʃ-a jəxət-s-ūw*
дорога ровный мы быстро город-DAT прийти-PST-1PL
'Дорога ровная, мы быстро в Березово (букв.: в город) доехали'.

Интересно также, что для прилагательного *pajli* оказывается важным противопоставление вертикально и горизонтально расположенных поверхностей. Оно свободно описывает горизонтальные ровные поверхности (5)—(6), ср. также *pajli xətxar* 'ровный пол'; в случае же вертикальных поверхностей употребление лексемы *pajli* допускается не всеми носителями языка, более предпочтительным оказывается прилагательное *tūŋ* 'прямой' (7)⁶.

- (7) *xət pūŋəl tūŋ / ʔpajli, šiʃen šiw xər nəx ixət-s-a*
дом бок прямой ровный поэтому туда картина вверх вешать-PST-PASS
'Стена ровная, поэтому туда картину повесили'.

прилагательного *скользкий* в [MAC 1999]: 'совершенно гладкий, не создающий трения, на котором трудно устоять, удержаться'). Во-вторых, такая трактовка подкрепляется собранным нами языковым материалом, а именно: на нашей выборке выявлены примеры употребления одной лексемы для описания и скользких, и гладких поверхностей (один из примеров такого рода, как мы увидим далее, представлен в некоторых хантыйских говорах; другим примером, по нашим данным, может служить марийское прилагательное *яклака*), но не выявлено ни одного примера, когда лексема описывала бы и зрительно ровную, и скользкую поверхность.

⁴ Фрейм скользкой подошвы обуви считается нами промежуточным, поскольку, с одной стороны, ему соответствует поверхность, на которую человек типично опирается при ходьбе, с другой стороны, по своим топологическим характеристикам подошва обуви близка к небольшим выскальзывающим из рук предметам. Типологические данные тоже подтверждают эту трактовку: скользкая подошва обуви описывается в одних языках тем же средством, что и опорная поверхность, в других — так же, как и выскальзывающие предметы.

⁵ Хантыйские примеры приводятся в фонологической записи с использованием символов финно-угорской транскрипции.

⁶ Однако, с точки зрения С. В. Онинной, в примере (7) предпочтительно употребление лексемы *pajli*.

Что касается семантической зоны тактильно гладких поверхностей, то в тегинском говоре наблюдаются две стратегии ее категоризации (при этом каких-либо социолингвистических закономерностей, которые бы в данном случае обуславливали языковое поведение информанта, нами не выявлено). Первая из этих стратегий состоит в том, что для описания гладких поверхностей используется прилагательное *wõl'ək* — то же, которое, как мы видели выше, описывает скользкие поверхности; см. пример (8) о гладко выбритых щеках и (9) о гладко обструганной доске.

(8) *tũš-em* *lõr-m-em* *jũpijn* *wenš-em* *wõl'k-a* *ji-s*
борода-PX1SG стричь-PART-PX1SG после лицо-PX1SG гладкий-DAT стать-PST
'После стрижки бороды лицо гладкое стало'.

(9) *tãm* *səxəl* *wõl'k-a* *wer-e*⁷
этот доска гладкий-DAT делать-IMP.O.SG
'Эту доску гладкой сделай'.

Вторая стратегия заключается в том, что тактильно гладкие предметы не описываются ни прилагательным *pajli*, ни прилагательным *wõl'ək*, оказываясь, таким образом, своего рода лакуной с точки зрения описания фактуры поверхностей. Те фреймы, которым в других языках могло бы соответствовать прилагательное со значением 'гладкий (о тактильно воспринимаемых поверхностях)', описываются в данном случае с иных точек зрения: столешница — как выструганная (10), выбритые щеки — как мягкие (11), ухоженная кожа рук или лица — как чистая (12)⁸.

(10) *pāsan* *səxəl* *wõl't-əm* / *??wõl'ək*
стол доска строгать-PART скользкий
'Столешница выструганная'.

(11) *aš-em* *weš* *pũŋəl-tal* *nõx* *wqš-əs-te*,
отец-PX1SG лицо бок-PL.PX3SG вверх брить-PST-3SG.O
lept-a / *??wõl'k-a* / **pajli-j-a* *ji-s-ət*⁹
мягкий-DAT скользкий-DAT ровный-OBL-DAT стать-PST-PL
'Отец щеки побрил, мягкие стали'.

(12) *još-em* *sistam*, *wenš-em* *sistam*¹⁰
рука-PX1SG чистый лицо-PX1SG чистый
'Рука моя чистая, лицо мое чистое'.

Такой же лакуной с точки зрения описания фактуры поверхностей оказывается и фрейм гладкой поверхности воды в водоеме — в этом случае в тегинском говоре хантыйского языка не используется ни прилагательное *pajli*, ни прилагательное *wõl'ək* (13). Заметим, однако, что для данного фрейма по-

⁷ Интересно, что, согласно комментариям С. В. Онинной, в (9), а также в (10) предпочтительно употребление лексемы *tũŋ* 'прямой', а не *wõl'ək* 'скользкий, гладкий'. Эти сведения не соответствуют данным, собранным нами в обследованных поселках (что, впрочем, может объясняться возможными отличиями этих говоров от родного говора С. В. Онинной), но, тем не менее, поднимают интересный для типологии вопрос соотношения значений 'прямой' (о линии без изгибов) и 'гладкий, ровный' (о поверхности без неровностей); ср. пример выражения значений 'прямой' и 'ровный' одной лексемой — *mõp* — в марийском языке. Исследование типологического варьирования в этой области составит одну из задач нашей дальнейшей работы.

⁸ Интересно, что в словаре [Соловар 2006: 208], описывающем близкий к тегинскому говору казымский диалект и содержащем наиболее подробное на сегодняшний день лексикографическое описание этого диалекта, прилагательному *pajli* приписывается два переводных эквивалента — не только 'ровный, ровно', но и 'гладкий, гладко'. К сожалению, первый из этих эквивалентов сопровождается всего одним примером, переводящимся на русский как 'На ровном месте упал', а второй и вовсе оставлен без каких-либо иллюстраций, поэтому провести на основании этой словарной статьи достоверное сопоставление тегинских и казымских данных возможным не представляется. В свою очередь в [DEWOS: 1589] в казымском диалекте отмечено прилагательное *wqłək* (транскрипция дается в соответствии с источником) со значением 'гладкий, без сучьев (дерево)'.

⁹ По мнению С. В. Онинной, в примере (11) предпочтительно употребление лексемы *wõl'ka*, что, как видно, отражает первую, описанную выше стратегию категоризации гладких поверхностей в тегинском говоре.

¹⁰ Предложение (12) имеет в хантыйском языке два значения: во-первых, оно может описывать руки и лицо, на поверхности которых нет грязи; во-вторых, оно применимо и в том случае, когда на руках и лице нет морщин, шероховатостей и других тактильно ощущаемых неровностей.

добный статус достаточно распространен типологически: в некоторых языках, имеющих специальные прилагательные для описания зрительно ровных и тактильно гладких поверхностей, вода в водоеме все равно может описываться иным образом (как, например, в удмуртском — *шыным пукусь* ‘тихо сидящая’).

- (13) *tewən, jiyk ńur rəm-ije / ??pajli / *wǒl'ək*
 безветренный вода совсем спокойный-DIM ровный скользкий
 ‘Безветренно, вода совсем спокойная’.

2.2. Говор с. Шурышкары

В хантыйском говоре с. Шурышкары семантическая зона отсутствия неровностей также покрывается прилагательными *wǒl'ək* и *pajli*. Фреймы зрительно ровных, а также скользких поверхностей описываются в говоре с. Шурышкары теми же средствами, что и в говоре с. Теги, — см. шурышкарские примеры употребления прилагательного *pajli* применительно к ровным поверхностям (дороге (14), ровному участку местности, где удобно проводить праздники (15); аналогично описываются и луг, покос, берег реки, ровный пол) и прилагательного *wǒl'ək* — к скользким (16)—(18).

- (14) *pajli jǒš xǐwat mǎn-l-əm, mǎn-l-əm, sǒjm-a jǒxət-l-əm,*
 ровный дорога по идти-NPST-1SG идти-NPST-1SG ручей-DAT дойти-NPST-1SG
sǒjəm sǒppi mǎn-l-əm, pa pajli pit-əl jǒš-en
 ручей через идти-NPST-1SG тоже ровный стать-NPST дорога-PX2SG
 ‘По ровной дороге иду-иду, до ручья дохожу, через ручей перехожу, снова ровной становится дорога’.

- (15) *kǒrt ǒlǎn-na pajli xǎr ǒl, śita jemǎj xǎtl-ət*
 деревня конец-LOC ровный место быть.NPST там священный день-PL
wer-ili-l-a-j-ət
 делать-НАВ-NPST-PASS-OBL-PL
 ‘В конце деревни ровное место есть, там праздники проводят (букв.: священные дни делаются)’.

- (16) *jelaja ji-s, śikem jǒš-əl wǒl'ək*
 к.вечеру статья-PST такой дорога-PX3SG скользкий
 ‘Вечереет (букв.: К вечеру стало), такая дорога скользкая’.

- (17) *l'eśtan-əl šek wǒl'ək, śi arat wǒl'ək, jǒš-el elti il pit-əl*
 оселок-PX3SG очень скользкий так столько скользкий рука-PX3SG из вниз падать-NPST
 ‘Оселок [точильный брусок] очень скользкий, настолько скользкий — из рук падает’.

- (18) *sǒpek pǎti wǒl'ək*
 сапог подошва скользкая
 ‘Подошва сапог скользкая’.

Гладкие поверхности в говоре с. Шурышкары описываются прилагательным *wǒl'ək*, которое, как было проиллюстрировано выше, характеризует в этом говоре также скользкие поверхности: ср. пример (19), где лексема *wǒl'ək* характеризует гладкую поверхность стола, или предложение (20), которое может сказать, например, отец сыну, когда учит того обрабатывать дерево. Некоторые носители, объясняя в процессе сбора материала значение прилагательного *wǒl'ək*, указывали и на находящиеся вокруг них объекты с гладкой поверхностью, к которым, по их утверждению, можно применить это слово: так, одна из информанток отнесла данное прилагательное к гладкому на ощупь кожаному ремешку сумки, находившейся в этот момент у нее в руках, а еще одна — к гладкой металлической дужке кровати¹¹.

- (19) *pǎsan-em elte-l śikem wǒl'ək*
 стол-PX1SG поверхность-PX3SG такой гладкий
 ‘Поверхность стола такая гладкая’.

¹¹ В словаре [Вальгамова и др. 2011: 32], содержащем наиболее детальное описание лексики говоров шурышкарского диалекта, прилагательному *wǒl'ək* приписывается только значение ‘скользкий’ и приводятся примеры его употребления в сынском говоре применительно к скользкой опорной поверхности (горке, дороге, полу). Как в этом говоре (равно как и в других говорах шурышкарского диалекта) описываются остальные типы скользких поверхностей, а также выражается значение ‘гладкий (о тактильно воспринимаемой поверхности)’, из словаря неясно.

- (20) *wōl'k-a* *ñōxr-i*, *wōl'k-a* *wer-i*
 гладкий-DAT строгать-IMP.O.SG гладкий-DAT делать-IMP.O.SG
 'Гладко обстругай, гладко сделай'.

Интересно, однако, что на употребление прилагательного *wōl'ək* применительно к гладким поверхностям накладываются дополнительные семантические ограничения, а именно, оно не используется по отношению к частям тела — при необходимости обозначить фрейм «гладкой» части тела носители выбирают иные, смежные описательные характеристики, как в примере (21). В говоре с. Теги, о котором шла речь ранее, такого ограничения не возникает: те носители тегинского говора, которые используют прилагательное *wōl'ək* в значении 'гладкий', распространяют его на все релевантные для данной семантической зоны объекты, включая и артефакты, и части тела.

- (21) *tūš-lan* *lɔr-s-əll-an*, *ši* *xɔrasəŋ-a* *ji-s-ən*
 борода-PL.PX2SG брить- PST-NSG.O-2SG так красивый-DAT стать- PST-2SG
 'Бороду побрил, такой красивый стал'.

2.3. Говор с. Мужж

В говоре с. Мужж отсутствие неровностей на поверхности объекта описывается прилагательными *wōl'ək* и *pajli*. В (22) и (23) приведены примеры употребления лексемы *pajli* во фреймах зрительно ровных поверхностей (обширных ровных участков местности, ровной дороги; аналогично будет описан и ровный пол в доме), которые ожидаемо составляют ядро его употреблений в этом говоре.

- (22) *met'eɔr-ən* *mān-m-ew-ən* *wat-s-əm* *pajli* *xār-ət*
 метеор-LOC ехать-PART-PX1PL-LOC видеть- PST-1SG ровный место-PL
 'Когда мы ехали на «Метеоре» [разновидность водного транспорта], я видела ровные места' (букв.: 'На «Метеоре» в нашу поездку видела ровные места').

- (23) *jām* *pajli* *jūš* *xūwat* *mān-ti* *jām*
 хороший ровный дорога по ехать-INF хороший
 'По хорошей ровной дороге ехать хорошо'.

Вместе с тем в говоре с. Мужж область употребления прилагательного *pajli* включает и фреймы тактильного восприятия, а именно, оно описывает гладкие на ощупь артефакты, как в примерах (24) и (25).

- (24) *tām* *pās-an-ət* *lɔŋt-ət* *pajli*
 этот стол-PX3SG поверхность-PX3SG гладкий
 'У этого стола поверхность гладкая'.

- (25) *sōx* *jōtət-ti* *sɔxət* *šek* *pajli* *at* *ūs*
 шкура скрести-INF доска очень гладкий IMP быть.PST
 'Доска для выделки шкур очень гладкая должна быть'.

При этом названия частей тела, как и в говоре с. Шурышкары, как правило, не описываются с точки зрения фактуры поверхностей, а характеризуются по иным признакам, как в (26), где гладкая кожа лица описывается как блестящая, или в (27), где гладкая собачья шерсть характеризуется не по признаку фактуры поверхности, а по признаку длины, определяясь прилагательным *wan* 'короткий'.

- (26) *ewi* *pōra-j-ən* *wenš-ət* *ət* *mūl'i-j-ət* / ^{??}*pajli*
 девушка пора-OBL-LOC лицо-PX3SG EMPH блестящий-OBL-NPST ровный
 'У девушки (букв.: В девичью пору) лицо блестит'.

- (27) *ap* *pūn* *wan* / ^{??}*pajli*¹²
 собака шерсть короткий ровный
 'Собачья шерсть короткая'.

Поверхность воды в водоеме также не описывается в мужевском говоре прилагательным *pajli*; см. пример (28)¹³.

¹² Как указано в рецензии С. В. Онинной, в примере (27) предпочтительно употребление лексемы *pajli*. При этом, что интересно, применительно к (26) подобного комментария дано не было.

¹³ Ср. также приведенные в [Талигина 2008] данные о лексической сочетаемости слова *jinj* 'вода' в сынском говоре: автор фиксирует в этом говоре то же сочетание *tewən jinj* [Талигина 2008: 158], переводя его как 'спокойная гладь воды'. Сочетаний данного имени с прилагательными фактуры поверхностей в статье не приводится.

- (28) *wət* *ǎntəm*, *tewən* / **jik* *pajli*
 ветер NEG тихий вода ровный
 ‘Ветра нет, тихо’.

Что же касается использования в мужевском говоре прилагательного *wǒl'ək*, то оно, в отличие от говора с. Шурышкары, не только не описывает тактильно гладких поверхностей, но и имеет более узкую сферу употребления в зоне скользких поверхностей, описывая опорную поверхность: заледенелую дорогу (29), мокрый (30) или недавно покрашенный пол, подошву (31), — но не выскальзывающиеся из рук предметы. Так, в (32) применительно к скользкому мылу употребляется глагол с семантикой ‘выскальживать’; в данном хантыйском говоре ни **wǒl'ək lǒńśax* ‘скользкое мыло’, ни **lǒńśax wǒl'ək* ‘мыло скользкое’ сказать невозможно. Такой же запрет накладывается и на сочетаемость прилагательного *wǒl'ək* с именами, обозначающими рыбу и маленький, помещающийся в руках, камешек (при этом интересно, что один из информантов на вопрос о камне отреагировал так, что он мог бы сказать в данном случае *wǒl'ək*, но это бы значило, как будто на камне кто-то сидит, — что полностью согласуется с предлагаемым в статье противопоставлением разных типов скользких поверхностей).

- (29) *at-əl-na* *pət-ti* *pit-əs*, *jǔš-əl*
 ночь-PX3SG-LOC морозить-INF стать-PST дорога-PX3SG
šek ***wǒl'ək***
 очень скользкий
 ‘Ночью подморозило (букв.: морозить стало), дорога очень скользкая’.
- (30) *ma* *l'xət-s-əm* *xətchar*, *xətchar* *jəm-a* *ət* *sər-əs*,
 я мыть-PST-1SG пол пол хороший-ADV NEG сохнуть-PST
pa *śišən* ***wǒl'ək***
 и поэтому скользкий
 ‘Я помыла пол, пол хорошо не высох и поэтому скользкий’.
- (31) *ńūki* *waj* *pǎti* ***wǒl'ək***
 замша кисы подошва скользкий
 ‘У замшевых кисов [вид традиционной обуви] подошва скользкая’.
- (32) *lǒńśax* *xǒl* *wǒl'kəmt-əs*, *rǎkn-əs*
 мыло весь выскользнуть-PST падать-PST
 ‘Мыло выскользнуло, упало’.

2.4. Говор с. Белоярск

В говоре с. Белоярск Приуральского района ЯНАО ситуации отсутствия неровностей описываются как уже известными нам прилагательными *wǒl'ək* и *pajli*, так и еще одним словом — *ńǎsl*. Данная лексема, отсутствующая в других рассмотренных нами говорах, описывает все фреймы скользких поверхностей, см. примеры (33)—(36).

- (33) *attiji* *pət-əs*, *jös* ***ńǎsl***
 ночью морозить-PST дорога скользкий
 ‘Ночью подморозило, дорога скользкая’.
- (34) *səxəl* *l'xət-man*, *jin̄ki*, ***ńǎsl***
 пол мыть-CONV мокрый скользкий
 ‘Пол помыт, мокрый, скользкий’.
- (35) *xǔl* *katl-s-ew*, ***ńǎsl***
 рыба поймать-PST-1PL.O скользкий
 ‘Рыбу поймали, скользкая’.
- (36) *waj* *pǎt-lam* ***ńǎsl-ət***, *kǎt* *pǔs* *rǎkən-s-əm*
 кисы подошва-PL.PX1SG скользкий-PL два раз упасть-PST-1SG
 ‘У кисов подошвы скользкие, я два раза упал’.

Что же касается прилагательного *wǒl'ək*, служащего для характеристики скользких поверхностей в обсуждавшихся выше говорах, то оно относится к этой семантической области и в говоре с. Белоярск, но

сфера его употребления существенно ограничена — оно применяется в этом говоре только к покрытой льдом опорной поверхности. Так, употребление слова *wól'ək* вместо слова *ńǎsl* допустимо в примере (33) (каких-либо семантических различий между двумя вариантами обозначения скользкой поверхности в данном контексте не выявлено) и недопустимо в примерах (34)—(36). При этом любопытно, что прилагательное *wól'ək* не имеет явно ощутимой на синхронном уровне связи с существительным 'лед', которое в обследованных хантыйских говорах звучит как *jeŋk*.

Прилагательное *pajli*, базовые употребления которого в описанных нами ранее говорах принадлежат к зоне зрительно ровных поверхностей, в говоре с. Белоярск имеет значительно более широкие сочетаемость и семантику, используясь во фреймах как зрительного (примеры (37) и (38)), так и тактильного (примеры (39) и (40)) восприятия¹⁴.

- (37) *nɔt* *elti* ***pajli-ji*** *mǐw* *ni-l-a*
 верх с ровный-TRANSL земля быть.видным-NPST-PASS
 'Сверху земля видна ровной'.
- (38) *sɔxl-ət* *wól-li* *ɔl-l-ət,* ***pajli*** *pǎn-man* *ɔl-l-ət*
 доска-PL строгать-CAR быть-NPST-PL ровный класть-CONV быть-NPST-PL
 'Доски неструганые, ровно уложенные'.
- (39) *ma* *tǔs* *lɔr-s-əm,* *wes* *xɔsəŋ-ləw* ***pajli-j-ət***
 я борода брить-PST-1SG лицо сторона-PL.PX1PL ровный-OBL-PL
 'Я бороду побрил, щеки (букв.: стороны лица) гладкие'.
- (40) *ma* *amp-am* *pǐŋ-əl* ***pajli***
 я собака-PX1SG шерсть-PX3SG ровный
 'У моей собаки шерсть гладкая'.

Некоторые носители хантыйского говора с. Белоярск допускают употребление прилагательного *pajli* и по отношению к гладкой поверхности воды в водоеме — хотя надо заметить, что такое употребление этого слова все же не является общепринятым: ср. примеры (41) и (42), записанные от разных носителей.

- (41) *wɔt* *ǎntəm,* *jiŋk* *tewən* / ****pajli***¹⁵
 ветер NEG вода тихий ровный
 'Ветра нет, вода тихая'.
- (42) *jǔxan* *jiŋk-əl* ***pajli***
 река вода-PX3SG ровный
 'Вода в реке гладкая'.

2.5. Обобщение данных

В *Таблице 1* содержится обобщение данных о выражении отсутствия неровностей на поверхности объекта в рассмотренных говорах хантыйского языка. Для приведенных в таблице фреймов дается развернутое описание, а также примеры объектов — их представителей. Прочерк в таблице означает, что данный фрейм в данном говоре не описывается ни одной из рассматриваемых лексем со значением отсутствия неровностей.

¹⁴ Интересно отметить ареальные совпадения между хантыйским говором с. Белоярск и распространенным в этом селе говором ненецкого языка. В ненецком языке семантические области зрительно ровных и тактильно гладких поверхностей покрываются общим доминантным прилагательным *салмуй*, и точно такая же доминантная система, как мы видим, наблюдается в контактном с ненецким языком хантыйском говоре с. Белоярск. Оказывается, кроме того, что в ненецком говоре с. Белоярск также обособляется фрейм скользкой опорной поверхности, покрытой льдом (о чем говорилось выше в связи с хантыйскими данными из этого села), она описывается прилагательным *салт*, не применимым в этом говоре к другим типам скользких поверхностей, доминантным средством описания которых, аналогичным хантыйскому *ńǎsl*, служат формы глагола *ńǎсадǎрць* 'скользить'.

¹⁵ С. В. Онина, комментируя пример (41), а также пример (13) выше, указывает на возможность употребления в современном хантыйском языке прилагательного *pajli* по отношению к поверхности воды в водоеме, не отвергая при этом и других приводящихся в статье вариантов описания этого фрейма.

Таблица 1

Фреймы	с. Теги	с. Шурышкары	с. Мужи	с. Белоярск
скользящая опорная поверхность, покрытая льдом (заледенелая дорога)	wõl'ək	wõl'ək	wõl'ək	wõl'ək / ñäsl
скользящая опорная поверхность, не покрытая льдом (мокрый пол)	wõl'ək	wõl'ək	wõl'ək	ñäsl
скользящая подошва обуви / обувь	wõl'ək	wõl'ək	wõl'ək	ñäsl
скользящий предмет, трудноудержимый в руках (рыба, мыло)	wõl'ək	wõl'ək	—	ñäsl
тактильно гладкие поверхности: части тела (щеки, кожа рук)	wõl'ək / —	—	—	pajli
тактильно гладкие поверхности: артефакты, неодушевленные природные объекты (доска, камень)	wõl'ək / —	wõl'ək	pajli	pajli
зрительно ровные поверхности (покос, дорога, пол) ¹⁶	pajli	pajli	pajli	pajli
гладкая поверхность воды в водоеме	—	—	—	pajli / —

3. Прилагательные со значением наличия неровностей

Для семантической группы прилагательных, описывающих наличие неровностей, характерно большее количество фреймов и лексем, многие из которых имеют весьма узкую семантику, описывая конкретные виды неровностей на поверхности ограниченного класса объектов (ср. в русском языке такие прилагательные, как *ухабистый*, *бугристый*, *холмистый*, *кочковатый*, *комковатый*, *сучковатый*, *морщинистый*, *прыщавый* и т. д.). В настоящей статье мы сосредоточимся на том, как в обследованных хантыйских говорах категоризируются регулярно повторяющиеся тактильно воспринимаемые неровности на поверхности объекта (в русском языке прототипическим средством описания таких фреймов служит прилагательное *шершавый*). Дело в том, что, по нашим типологическим данным, языки склонны обособлять эту группу фреймов, закрепляя за ней или одно отдельное прилагательное, или несколько прилагательных, далее противопоставленных по ряду других параметров, как, например, размер неровностей (в случае эстонского прилагательного *krobeline*, описывающего более ощутимые неровности, чем прилагательное *kare*) или их воздействие на человека (как удмуртское прилагательное *čogyres*, специализирующееся на «шершаво-царапающих» поверхностях, например таких, как поверхность занозистой доски). Рассмотрим далее в свете описанной типологической картины материал хантыйского языка.

Во всех рассмотренных говорах базовой лексемой для описания поверхностей с регулярно повторяющимися тактильно воспринимаемыми неровностями служит прилагательное *karəŋ*. В данном случае, как и для обсуждавшегося в предыдущем разделе прилагательного *pajli* 'ровный', для анализа семантики слова весьма показательна его словообразовательная структура. Прилагательное *karəŋ* образовано с помощью атрибутивизатора *-əŋ* от существительного *kar* 'кора, корка'. По-видимому, в исходных контекстах употребления слово *karəŋ* описывает поверхности, покрытые какой-либо коркой. Такие примеры отмечаются во всех обследованных говорах: см. пример (43) из с. Белоярск о хлебе, на котором во время приготовления появляется корочка; пример (44) из с. Шурышкары о корке на руках при аллергии; записанные в с. Теги примеры (45) о болячке на руке и (46) о малице, портящейся от внешнего воздействия.

(43) *ñañ kar-əŋ-a ji-s*
хлеб корка-ATTR-DAT стать-PST
'Хлеб коркой покрылся'.

(44) *jɔš-lən xül wɔj-ən ner-alən, kar-əŋ-a ji-ti pit-s-ət*
рука-PL.PX2NSG рыба жир-LOC тереть-IMP.O корка-ATTR-DAT стать-INF начать-PST-PL
'Руки рыбим жиром потрите, корочкой покрываться стали'.

¹⁶ Эти фреймы не классифицируются в Таблице 1 более подробно (что можно было бы сделать на основании типологических данных из других языков), поскольку в каждом из рассмотренных хантыйских говоров, находящихся в данный момент в центре внимания, все они обозначаются одним и тем же средством.

- (45) *tām jōš mōš-em kar-əŋ-a ji-s*
 этот рука рана-PX1SG корка-ATTR-DAT статья-PST
 ‘Болячка на руке покрылась коростой’.
- (46) *mōlsāŋkāšas-li tāj-ti-j-a, lūw kar-əŋ mōlsān-a ji-l*
 маличачехол-CAR носить-INF-OBL-DAT он корка-ATTR малица-DAT статья-NPST
 ‘Если носить малицу без чехла, она покроется корочкой’.

Помимо фреймов поверхности, покрытой коркой, прилагательное *karəŋ* во всех говорах описывает и не вытекающие прямо из своей словообразовательной структуры контексты, относящиеся уже к зоне отсутствия неровностей, например: кожу рук в результате воздействия мороза (пример (47), с. Теги), загрубевшую кожу лица, язык кошки (пример (48), с. Мужы), коровы (пример (49), с. Теги) или оленя, рождку, точильный брусок.

- (47) *pōx-lenki kamən jāŋx-əs, jōš-lal kar-əŋ-a ji-s-ət iški elti*
 мальчик-DIM на.улице гулять-PST рука-DU.PX3SG корка-ATTR-DAT статья-PST-PL мороз от
 ‘Мальчик на улице погулял, руки стали шершавые от мороза’.
- (48) *ma kat'-em ma jōš-lam ŋōli-j-ət, ŋālm-ət śikem kar-əŋ*
 я кошка-PX1SG я рука-PL.PX1SG лизать-OBL-NPST язык-PX3SG такой корка-ATTR
 ‘Моя кошка мне руки лижет, у нее язык такой шершавый’.
- (49) *mis tāj-l kar-əŋ ŋaləm*
 корова иметь-NPST корка-ATTR язык
 ‘У коровы (букв.: Корова имеет) шершавый язык’.

Во всех поселках с информантами проверялась также возможность применить слово *karəŋ* к плохо обработанной доске, и в данном случае выявились различия между обследованными говорами. Большинство носителей из сс. Белоярск, Шурышкары и Мужы запрещают такое употребление, при этом некоторые из них предлагают буквальную интерпретацию, согласно которой прилагательное *karəŋ* описывает доску, с которой не до конца сняли кору (напомним, что данное прилагательное образовано от слова *kar* ‘кора’). В говоре же с. Теги словосочетание *karəŋ sōxəl* имеет два устойчивых понимания: во-первых, ‘доска с не до конца снятой корой’; во-вторых, ‘шершавая, плохо обработанная доска’ (в последнем случае оно попадает в рассматриваемую нами семантическую область).

Кроме того, прилагательное *karəŋ* предполагает наличие на поверхности достаточно твердых неровностей и не употребляется для описания таких объектов, как небритые щеки, грубая ткань или колючее шерстяное одеяло. Не выявлено в изученных хантыйских говорах и лексем, которые бы специализировались на описании шершавой и одновременно «царапающей» поверхности: например, уже упомянутые небритые щеки могут описываться глагольной формой *pelantijlät* ‘колотся’ (пример из с. Белоярск), а занозистая доска — прилагательным *xasteləŋ* ‘занозистый’ (пример из с. Теги).

Говоря о прилагательном *karəŋ* в типологической перспективе, интересно отметить наличие в ряде других уральских языков прилагательных с тем же корнем, описывающих шершавую поверхность (ср. также приводимый в [Эрнитс 1993] анализ слов с корнем *kVr* в финно-угорских языках): в эстонском языке — *kare*, в финском — *karhea* и *karkea*, в селькупском — *kāрсаль* [Казакевич, Будянская 2010: 37]. Однако эти прилагательные различаются по широте своего употребления.

Так, употребление хантыйского *karəŋ* во многих случаях тесно связывается (см. примеры (43)—(46)) с семантикой существительного *kar* ‘кора’, и, кроме того, данное прилагательное практически не развивает метафор: нами зафиксировано только два его метафорических употребления и только в тегинском говоре, при этом они плохо известны носителям, часто интерпретируются ими по-разному и, по-видимому, не являются широко употребительными. Это выражение *karəŋ ŋaləm* (букв. ‘шершавый язык’), которое одни носители тегинского говора считают применимым к сплетнику, другие — к картаному человеку, третьи (отвергая первые две интерпретации) — к человеку, произносящему обидные слова, а также выражение *karəŋ nētās* (букв. ‘шершавая мысль’), которое, согласно разнящимся мнениям информантов, применимо либо к негативным помыслам человека, либо в том случае, когда человек не может четко выразить свою мысль.

В свою очередь эстонское прилагательное *kare*, в отличие от хантыйского *karəŋ*, имеет очень широкую сферу употребления, как описывая всевозможные шершавые поверхности (язык кошки, шершавую от мороза кожу рук, небритые щеки, листья осоки, шершавые листы бумаги в старых тетрадах и т. д.), так и развивая значительный набор метафор (например, этим прилагательным описывается в эстонском хриплый голос, суровая зима, суровый человек).

Систематизация и объяснение выявленных различий (что входит в наши планы в дальнейшем) представляет интерес как для лексической типологии, так и для диахронических исследований уральских языков.

4. Некоторые итоги

Подведем итог обсуждению представленного в статье материала. Для четырех западных говоров хантыйского языка были проанализированы системы признаков слов, характеризующих фактуру поверхности с точки зрения наличия или отсутствия неровностей. Помимо собственно описательного результата (который, впрочем, может представлять значимость и сам по себе — как для лексикографии хантыйского языка, так и для изучения его диалектной картины), нам также кажется необходимым остановиться на ряде типологических и теоретических следствий из данного исследования.

Во-первых, хантыйский материал представляет немало явлений, до сей поры редко встречавшихся нам или вообще не встречавшихся в других языках и потому любопытных для лексико-типологического исследования данной семантической группы. Это и использование в ряде описанных говоров одного и того же прилагательного для обозначения как скользких, так и гладких поверхностей, и обособление в приуральском говоре с. Белоярск фрейма опорной поверхности, покрытой льдом, и встретившиеся семантические ограничения на сочетаемость прилагательных, описывающих отсутствие неровностей, с названиями частей тела. Ясно, что все эти явления должны учитываться в будущих типологических исследованиях. Кроме того, прозрачная словообразовательная структура (в случае прилагательных *pajli* ‘ровный’ и *karəŋ* ‘шершавый’) позволяет делать обоснованные утверждения о направлении развития их полисемии (особенно это касается прилагательного *pajli*, покрывающего в разных говорах разный объем фреймов), что тоже важно с типологической точки зрения.

Во-вторых, результаты нашего исследования соприкасаются с методологической проблемой составления выборки для лексико-типологического исследования. Традиционно считается, что типологическая работа должна охватывать как можно более разнородные ареально и генетически языки. При этом, как было показано в [Kibrik 1998], не менее ценным исследовательским направлением оказывается и внутривидовая типология, поскольку в ходе исследования набора родственных языков могут обнаруживаться весьма тонкие противопоставления, важные для типологического описания и объяснения и порой трудноуловимые на разнородной выборке. Применительно к лексической типологии также отмечалась осмысленность включения в выборку родственных языков: так, в статье [Рахилина, Прокофьева 2004], посвященной сопоставлению русских и польских глаголов вращения, продемонстрированы существенные — несмотря на близкое родство двух языков и внешнее сходство многих рассмотренных лексем — расхождения между системами глаголов вращения в этих языках.

Как показывает наш материал (в особенности данные по прилагательным со значением отсутствия неровностей), все высказанные соображения верны и для включения в выборку не только разных языков, но и разных диалектов одного языка: конечно, было бы наивно полагать, что на таком материале удастся полностью описать пространство типологического варьирования в исследуемой семантической группе, но вместе с тем данные близких диалектов могут предоставлять своего рода «минимальные пары», иллюстрирующие типологически значимые семантические противопоставления. При этом, как показывает опыт и нашего лексико-типологического исследования, и других перечисленных во введении работ этого направления, данные и разных диалектов, и разных родственных языков, и разных языков вообще в своей совокупности не образуют некую хаотичную сущность, а укладываются в четко организованную систему, изучение и осмысление которой будет продолжено в ходе дальнейших исследований.

Сокращения

букв. — буквально	НАВ — хабитуалис	PASS — пассив
рус. — русский	IMP — императив	PL — множественное число
ADV — адвербиализатор	INF — инфинитив	PST — прошедшее время
ATTR — атрибутивизатор	LOC — локатив	PX — посессивный аффикс
CAR — каритив	NEG — отрицание	SG — единственное число
CONV — дееспричастие	NPST — не прошедшее время	TRANSL — транслатив
DAT — датив	NSG — не единственное число	1 — первое лицо
DIM — диминутив	O — объектное спряжение	2 — второе лицо
DU — двойственное число	OBL — косвенная основа	3 — третье лицо
EMPH — эмфатическая частица	PART — причастие	

Литература

- Архангельский и др. 2011 — *Архангельский Т. А., Тагабилева М. Г., Холкина Л. С.* Качественные признаки 'чистый', 'грязный', 'прозрачный', 'мутный': К построению семантической типологии // *Acta Linguistica Petropolitana* (Труды Института лингвистических исследований РАН). Т. 7, ч. 3. СПб., 2011. С. 257—260.
- Брицын и др. 2009 — Концепт БОЛЬ в типологическом освещении / Ред. *Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М.* Киев, 2009.
- Вальгамова и др. 2011 — *Вальгамова С. И., Кошкарёва Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А.* Диалектологический словарь хантыйского языка (приуральский и шурышкарский диалекты) / Под общ. ред. *Кошкарёвой Н. Б.* Екатеринбург, 2011.
- Казакевич, Будянская 2010 — *Казакевич О. А., Будянская Е. М.* Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / Под ред. *Казакевич О. А.* Екатеринбург, 2010.
- Кошкарёва, Соловар 2007 — *Кошкарёва Н. Б., Соловар В. Н.* Увты муй ўвты. Курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск, 2007.
- Круглякова 2010 — *Круглякова В. А.* Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс. ... канд. филол. наук. М., РГГУ, 2010.
- Кюсева 2012 — *Кюсева М. В.* Лексическая типология семантических сдвигов названий качественных признаков 'острый' и 'тупой'. Дипломная работа. М., МГУ, 2012.
- Кюсева, Рыжова 2010 — *Кюсева М. В., Рыжова Д. А.* Признаковая лексика: Прилагательные 'острый' и 'тупой' в типологической перспективе // *Acta Linguistica Petropolitana* (Труды Института лингвистических исследований РАН). Т. 6, ч. 3. СПб., 2010. С. 90—93.
- Лапина 2011 — *Лапина М. А.* Тэк ёх моньщэт-путрэт. Сказки-рассказы тегинских людей. Ханты-Мансийск, 2011.
- Майсак, Рахилина 2007 — Глаголы движения в воде: Лексическая типология / Ред. *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* М., 2007.
- МАС 1999 — Словарь русского языка в 4-х тт. / Под ред. *Евгеньевой А. П.* М., 1999. Электронная версия: <http://feb-web.ru/feb/mas/>.
- Наний 2012 — *Наний Л. О.* «Прямой», «кривой» и «косой» как источники признаков метафор (на материале китайского и русского языков). Дипломная работа. М., РГГУ, 2012.
- НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ред. *Апресян Ю. Д.* М.—Вена, 2004.
- Рахилина и др. 2010 — *Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Карпова О. С.* Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: Метафора, метонимия и ребрендинг // *Лингвистика конструкций* / Ред. *Рахилина Е. В.* М., 2010. С. 398—455.
- Рахилина, Плунгян 2007 — *Рахилина Е. В., Плунгян В. А.* О лексико-семантической типологии // Глаголы движения в воде: Лексическая типология / Ред. *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* М., 2007. С. 9—26.
- Рахилина, Прокофьева 2004 — *Рахилина Е. В., Прокофьева И. А.* Родственные языки как объект лексической типологии: Русские и польские глаголы вращения // *Вопросы языкознания*. 2004, 1. С. 60—78.
- Рахилина, Резникова 2011 — *Рахилина Е. В., Резникова Т. И.* О работе Московской лексико-типологической группы (стенограмма доклада) // *Проблемы лексико-семантической типологии: Сборник научных трудов* / Ред. *Кретов А. А.* Воронеж, 2011. С. 126—135.
- Соловар 2006 — *Соловар В. Н.* Хантыйско-русский словарь. СПб., 2006.
- Спесивцева 2012 — *Спесивцева А. А.* Семантика прилагательных, описывающих качества поверхности, и прилагательных со значением «пустой» и «полный» (на материале испанского языка). Дипломная работа. М., РГГУ, 2012.
- Спиридонова 2004 — *Спиридонова Н. Ф.* Плоский, прямой и ровный, или как трудно описать форму предмета // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Аругюновой* / Отв. ред. *Апресян Ю. Д.* М., 2004. С. 235—241.
- Тагабилева, Холкина 2010 — *Тагабилева М. Г., Холкина Л. С.* Качественные признаки 'пустой' и 'полный' в типологическом освещении // *Acta Linguistica Petropolitana* (Труды Института лингвистических исследований РАН). Т. 6, ч. 3. СПб., 2010. С. 167—169.
- Талигина 2008 — *Талигина Н. М.* Концепт *jin̄k* 'вода' в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) // *Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа*. Вып. 6 (58). Уральские языки севера Сибири. Салехард, 2008. С. 157—162.
- Эрните 1993 — *Эрните Э.* О происхождении и семантике корня *kVr* в финно-угорских языках // *Linguistica Uralica*. 1993, 2. С. 81—87.
- Berlin, Kay 1969 — *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley, 1969.
- Bierwisch, Lang 1989 — *Bierwisch M., Lang E.* Dimensional Adjectives: Grammatical Structure and Conceptual Interpretation. Berlin—Heidelberg—New York, 1989.
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1993.

Kibrik 1998 — *Kibrik A. E.* Does intragenetic typology make sense? // *Sprache in Raum und Zeit: Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft* / Eds. *Boeder W.* et al. Tübingen, 1998. P. 61—68.

Koptjevskaja-Tamm 2008 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Approaching lexical typology // *From Polysemy to Semantic Change* / Ed. *Vanhove M.* Amsterdam—Philadelphia, 2008. P. 3—55.

Koptjevskaja-Tamm *forthc.* — *Koptjevskaja-Tamm M.* The Linguistics of Temperature. Amsterdam—Philadelphia, *forthc.*

Lang 2002 — *Lang E.* Spatial Dimension Terms // *Language Typology and Language Universals* / Eds. *Haspelmath M., König E.* Berlin, 2002. P. 1251—1275.

Majid et al. 2007 — *Majid A., Bowerman M., Van Staden M., Boster J.* The semantic categories of cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective // *Cognitive Linguistics*. 2007, 18 (2). P. 133—152.

Majid et al. 2008 — *Majid A., Boster J., Bowerman M.* The cross-linguistic categorization of everyday events: A study of “cutting and breaking” // *Cognition*. 2008, 109 (2). P. 235—250.

Newman 1998 — The linguistics of giving / Ed. *Newman J.* Amsterdam, 1998.

Newman 2002 — The linguistics of sitting, standing and lying / Ed. *Newman J.* Amsterdam, 2002.

Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I. A.* *Ostyak Texts in the Obdorsk Dialect*. Wiesbaden, 1999.

Rédei 1965 — *Rédei K.* *Northern Ostyak Chrestomathy*. Indiana University, 1965.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются прилагательные фактуры поверхностей в нескольких западных говорах хантыйского языка. Работа проводится в рамках направления «лексическая типология». В статье даны семантические характеристики исследуемых лексем, обсуждаются диалектные различия; результаты сопоставляются с данными других языков.

SUMMARY

This article deals with adjectives denoting surface texture in several Western Khanty local idioms. The research is carried out within the framework of lexical typology. Semantic descriptions of the lexemes in question are provided, differences between the local idioms are discussed, the results are compared with the data from other languages.

Ключевые слова: уральские языки, хантыйский язык, лексическая семантика, лексическая типология, качественные признаки, фактура поверхностей

Keywords: the Uralic languages, Khanty, lexical semantics, lexical typology, qualitative concepts, surface texture

О происхождении русских игровых терминов: *сало*, *салки*, *масло*

Диалектные игровые термины, анализу которых посвящена данная статья, на первый взгляд имеют отношение к пищевому коду. Именно так лексемы *сало* (*салки*) и *масло* определяются в работах по русской игровой лексике [Пьянкова 2003; Гаврилова 2007; Ключева 2007]. Определенные идеи о мифологической семантике этих игровых терминов высказывают В. Н. Топоров и М. П. Чередникова.

Так, М. П. Чередникова, ссылаясь на А. Н. Афанасьева, указывает на то, что *масло* (как и пиво) является метафорой дождя, и отыскивает обрядовые истоки игры, в которой мяч загоняется в специально вырытую лунку, называемую «масло» (полесский обряд вызывания дождя) [Чередникова 2002: 59]. А В. Н. Топоров в статье [Топоров 2002] пишет следующее: «Легко заметить, что и *салить*, и *пятнать*, и *метить* (отчасти и *ляпать*, ср. игру в “ляпки”, синонимичную салкам-пятнашкам ⟨...⟩) имеют одну и ту же (по сути дела) семантическую мотивировку — все это один и тот же род “клеймения”, нанесение клейма на тело пойманного ⟨...⟩» [Топоров 2002: 104]. «Саленье отсылает к салу, животному жиру, органическому веществу жизни, и следовательно, к скоту, основному предмету, из-за которого произошла ссора Громовержца и его противника, похитившего скот у Громовержца» [Топоров 2002: 110].

Итак, слова *сало* и *масло* действительно, согласно их денотативному значению в русском языке, являются лексемами пищевого кода. Однако сомнительно, чтобы значение ‘жир’ у этих «игровых» лексем являлось основным. Исторический анализ функционирования лексем *сало*, *салки* и *масло* в русской игровой традиции (с привлечением сравнительного материала по тюркским и финно-угорским языкам) привел нас к иной гипотезе о происхождении этих слов как игровых терминов. Полученные результаты анализа показывают, что их первичное значение — это прямое указание на локус, а в русскую игровую терминологию эти лексемы пришли из неславянских языков; эти положения будут подробно изложены в данной статье.

1. Игровой термин «сало» («салки»)

1. Термин *сало* используется в **догонялках** — играх, в которых водящий ловит разбегающихся от него игроков. В настоящее время слово *салки* не воспринимается как диалектное и употребляется как название игры в догонялки в литературном русском языке. Отметим, что в словаре В. И. Даля [Даль 1863—1866] слова *салки* еще не было зафиксировано, хотя глагол *салить* в игровом значении уже присутствовал. В живой современной игровой традиции оно тоже до сих пор не является общерусским. По нашим полевым записям 2000—2012 гг. *салки* как название игры в догонялки встречается в основном в Москве и Московской области.

В масштабах России и на постсоветском пространстве игры, в которых водящий ловит разбегающихся от него игроков, в настоящее время называются очень разнообразно: *догонялки* (г. Йошкар-Ола Респ. Марий Эл, г. Архангельск, Респ. Коми, г. Самара, г. Саранск, г. Димитровград Ульяновской обл., г. Казань, г. Набережные Челны, г. Павлодар, г. Санкт-Петербург, г. Кишинев), *пятнашки* (г. Санкт-Петербург, Вологодская обл., г. Петрозаводск, г. Йошкар-Ола, г. Волжск Респ. Марий Эл), *салки* (г. Москва, Московская обл., г. Самара, г. Хабаровск, Брянская обл., г. Воронеж, г. Йошкар-Ола, Горномарийский р-н Респ. Марий Эл), *вадишь* (г. Йошкар-Ола), *догоняшки* (г. Иркутск), *баши* и *башалки* (г. Челябинск), *киса́* (Читинская обл.), *латки* (г. Лисичанск Луганской обл. Украины, г. Воронеж), *ладки* (г. Донецк), *ляпки* (г. Чайковский Пермского края, г. Нижний Тагил, г. Ижевск, г. Ханты-Мансийск), *ляпа* (с. Кукнур Сернурского р-на Респ. Марий Эл), *чухи* (г. Нальчик), *чурики* (б. м.), *заразки* (г. Казань), *собачка* и *белки* (г. Казань, Респ. Марий Эл), *май* (г. Керчь Крымской АО Украины), *лов* (г. Днепропетровск, г. Краснодар), *ловитки* (Крым)¹, *бэрак* и *бэрык* (Белоруссия), *берека гонять* (г. Барановичи Брестской обл. Белоруссии), *квач* (г. Киев, г. Харьков, г. Минск, г. Брянск, г. Белгород), *квача* (г. Тирасполь Молдавии) [Ключева 2012: 68—69].

¹ По данным форума «Городские диалекты» (2008 г.) [ГД 1] *ловитками* или *ловом* догонялки называются в следующих регионах: Днепропетровск, Кировоград, Бердянск (?), Херсон, Крым, Молдавия, Ростов-на-Дону, Краснодарский край, Ставропольский край, Грозный, Махачкала, Грузия, Абхазия, Армения, Азербайджан, Арцах (Нагорный Карабах), Актау, Туркмения.

По нашим данным, самое раннее упоминание о названии игры *салки*, *сало* относится к 1852 г. (зафиксировано в Нижегородской губернии): *саловать* ‘играть в салки, пятнашки’. *Будет уж саловать-то, саловники* [СРНГ, 36: 65]. В 1859 г. глагол *салывать* с тем же значением зафиксирован и в Симбирской губернии [СРНГ, 36: 67]. Ко второй половине XIX в. относится еще ряд источников, в которых описывается (либо упоминается) игра в догонялки с аналогичным названием:

1) *салкою* (1862 г., Моск.) [СРНГ, 9: 174];

2) *сало* (1887 г., Вят.); название от *сало* — элемент разметки игрового пространства: центральный круг или прямоугольник, через который игроки перебегают. Добежав до черты, игрок спешит закричать: «Я на сале!»; тогда водящий ловить его уже не может [Покровский 1895: 106];

3) *сало* (1887 г., Влад.); название от *сало* — выделенное место, столбик в середине игрового пространства (граница, столбик) между двумя командами, которые стоят в две шеренги напротив друг друга. Игроки одной команды вызывают кого-то одного из команды противников, и тот должен подбежать к салу, обежать его и вернуться на прежнее место, при этом его ловит вся враждебная партия; если поймает — оставляет себе [Покровский 1895: 106];

4) *салки* (1893 г., Ворон., Курск.); название игры происходит от слова *салка* — это мета, место, до которого бегают при игре [СРНГ, 36: 62]; по-видимому, игра подобна одной из вышеописанных в сборнике Е. А. Покровского².

Как видно из приведенных примеров, игра *сало* (*салки*) получила свое название от особого выделенного места — обычно своего рода «домика», в котором водящий не мог задевать игроков (оно и называлось *сало*). Иными словами, *сало* первоначально — это **локативный термин**. При дальнейшем развитии игровой лексики и игрового репертуара «салками» стали называть любые догонялки (в том числе и без особых выделенных локусов)³, возникли различные производные слова и значения: *салить* / *осалить* ‘задевать / задеть игрока рукой или мячом’ (действие водящего-«ловильщика»). Такой термин употребляется повсеместно, где игра в догонялки называется «салками». Сам водящий тоже обычно называется «салкой»; в Ярославской области зафиксировано название водящего *сáля* (1990 г.) [СРНГ, 36: 71], а в Одессе — *сало* [Ключева LJ 2012]. На Урале в значении ‘салить’ употребляются глаголы *салякать* (1976 г., р. Урал.) [СРНГ, 36: 71] и *салонуть* ‘ударить мячом’ (1976 г., Урал.) [СРНГ, 36: 65].

Таким образом, название локуса, выделенного в пространстве игры (*сало*), распространилось на всю игру, стало ее названием. Однако так произошло не во всех случаях: например, интересна вятская игра *ворон и куры*, в которой «салом» (*вороново сало*) называется «домик» водящего — «ворона». В конце игры «ворон» и «хозяйка» вместе бегут от «воронова сала» до «хозяйкина дома», а «куры» их «щиплют» [Покровский 1895: 168].

Сало как локативный термин встречается не только в играх типа догонялок, но и в прятках, играх с палками и костями (бабками), а позднее и в играх с мячом.

2. Сало в прятках — это «кон», центральное место, где стоит водящий. В сургутской игре *пряталки* при «чурании» самого себя игроки говорят: «У сала, у сала!»; если же кого-либо «чурает» водящий, он говорит: «Осалил, выходи!» [Неклепаев 1903: 92]. В архангельских *прятках* на «сало» все в начале игры плюют, а потом и «чурание» представляет собой «плевание» на «сало» (*заплевать, заплеваться*) [Ефименко 1877: 156—157].

3. Сало в играх в кости (бабки) — это место, с которого бросают битки в кости, стоящие на кону (Арх.) [Ефименко 1877: 151]. Возможно, производным является название бабки в некоторых случаях «салкой»: *салка* — «это кость, которую приставляет на кон первый из бывших игроков, когда все сделают по ходу» (Вят.) [Покровский 1895: 325—326]. *Салка* — это также название игрока в определенной ситуации: «игрок в “шашки” (бабки), отказавшийся от своей очереди, объявляет, что кон шашек остается за ним, если не будет бит другими» (1929 г., Дон.) [СРНГ, 36: 62]. Заметим также, что испорченная игральная кость может называться *соль* (1864 г., Волог.) [СРНГ, 39: 309].

4. Сало в играх типа пыха, где игроки с определенного расстояния сбивают стоящую на кону деревянную чурку (шар), а водящий ставит ее на место и играет против игроков, — а) место (черта), с которого бросают палки в цель (например, в вятской игре *чижо-баба* [Покровский 1895: 305]); б) лунка, куда водящий кладет мяч, в который игроки бросают палки (в вологодской игре под названием *в дуб* [Ивановский 1890: 157]). Интересно, что эта же лунка может называться *соль*: например, в аналогичной олонецкой игре *шаром* [Петров, Репников 1890: 9] и одноименной вологодской игре [Шустиков 1895: 92].

² Вероятно, к разновидности догонялок относится и игра *салом*, о которой в [СРНГ, 36] кратко сказано: «Сканье на одной ножке в кругу» (1897 г., Перм.) [СРНГ, 36: 64]. Предположительно, водящий догоняет игроков, прыгая на одной ножке, или же очерченный круг здесь называется *сало* (?).

³ Современные игры в салки весьма разнообразны: *салки-стенки*, *салки-обжималки*, *салки-ножки на весу*, *салки-ножки от земли*, *салки с мячом* и т. д. [Ключева 2012: 364].

5. *Сало* (*полусало, полусалие*) в играх типа **городков** — это место (черта), обычно срединное между двумя «городами», с которого по ним бьют: *сало* (Вят.), *полусалие* (Тобол., Перм.) [Покровский 1895: 315], *полусало* (1847 г., Перм., Тобол., Южн.-Сиб.) [СРНГ, 29: 162]. В Пермской губернии на этом месте рылась ямка, которая и называлась *полусалье* [Петухов 1863: 21—23; Всеволодский-Гернгросс 1933: 134, № 325]. Рытье ямки здесь и в ряде других игр, описания которых будут приведены ниже, мотивировалось, по-видимому, прагматически: начерченные на земле линии разметки могли легко стереться, а ямки сохраняются лучше, и по ним всегда можно восстановить черту⁴. Обратим внимание на противопоставление в данной игре локусов «город» и «сало»: с «сала» ведется нападение на «город».

6. *Сало* в **лапте** — это очерченное место, с которого игроки бьют мяч в поле (*ближнее сало*), и место, до которого они бегут через поле, в то время как противники пытаются «выбить» их мячом (*дальнее сало*); в Пермской губернии эти два «сала» назывались соответственно *битое сало* и *шарильное сало* [Покровский 1895: 269]. Отсюда: *салом* — архангельское название лапты (у поморов) [Цейтлин 1911: 13]. Локативный термин *сало* используется при игре типа лапты в Пинежье (игра *в мячик*) [Ефименко 1877: 152] и в Прикамье (игра *лапы*) [СРНГ, 16: 271]. Ближний кон в тюменской игре *в беглые* (типа лапты) называется *сало*; когда партии меняются ролями, игрок, подававший мяч, объявляет: «Сало!» [Зобнин 1896: 546]. *На сало переводиться* — сургутское название лапты [Неклепаев 1903: 93].

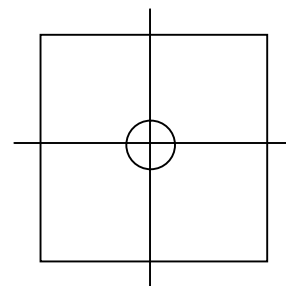
По-видимому, лаптой является и игра *тяга*, в которой место, где нельзя «салить», называется *сал* (1929 г., Дон.) [СРНГ, 36: 53]; игра под названиями *тяга, тягло* (вариант лапты) бытовала также в Астраханской и Вятской губерниях [Покровский 1895: 263]. В Казанской губернии в лапте черта, отделяющая ближний кон (место, с которого бьют мяч) от поля, на котором стоят «водильщики», называлась *тяга* [Можаровский 1898: 437]. В Вятской губернии *тяга* — это название дополнительной черты в поле около ближнего «сала», где стоят игроки, которые готовятся бежать к дальнему «салу» [Покровский 1895: 269].

В Свердловской области бытовала игра *сало*, которой в [СРНГ, 36] дана следующая краткая характеристика — «детская игра с мячом двумя командами» (1984 г., Свердл.) [СРНГ, 36: 64]. Можно предположить, что это лапта (поскольку лапта — это командная игра с мячом) или производная от лапты игра с вышибанием игроков мячом.

7. *Сало* в играх с **вышибанием** игроков **мячом** — это а) центральный круг, в котором стоят вышибаемые игроки (например, в олонечкой игре, которая называется *сало* [Покровский 1895: 246—248]); б) в кубанской игре *сало* (типа «вышибал») «салами» называются три лунки в разметке пространства. На крайних «салах» стоят игроки, которые катают мяч друг другу; на среднее «сало» при определенных условиях переходит игрок, чтобы бросить мяч в своего противника, оставшегося на крайнем «сале» [Покровский 1895: 244].

8. Присутствует термин *сало* и в играх, в которых шар загоняют палками в лунки, вырытые в земле (далее будем их называть играми типа **касло**). У каждого игрока своя лунка, которую он охраняет (лунки расположены по кругу), при этом все стараются загнать шар (мяч, чурку) в большую лунку водящего, которая находится посередине. Такая игра может называться: *шар* (б. м. [Терещенко 1848: 58; Даль 1863—1866], Нижегород. [Кудрявцев 1871: 195]), *сучка* (б. м.) [Сахаров 1837 (2000): 137], *касло* (б. м. [Терещенко 1848: 58; Даль 1863—1866], Калуж., Твер. [СРНГ, 13: 116]), *козло* (б. м.) [Даль 1863—1866], *козел* (Белорус.) [Довнар-Запольский 1891: 207], *масло* (Белорус.) [Романов 1912: 579], *мазло* или *котел* (Нижегор. [Кудрявцев 1871: 195], Вят. [Тихонов 1889: 6]), *масло, лунки* (Твер., Тул., Симб., Вят., Кубан.), *котел* (Симб., Моск., Астрах., Терск.) [Покровский 1895: 275—278], *дук, дуковая свинка* (Харьк.) [Иванов 1889: 13—15] и т. д. Сами ямки, лунки, куда загоняют шар, могут называться *салы* (1858 г., Курск., Арх., Сиб.) [СРНГ, 36: 67]; *салка* — ямка в подобной игре (1902—1904 гг., Пск., Курск., Ворон.) [СРНГ, 36: 62]. О промахе в данной игре, когда ударяют клюшкой по мячу, говорят *посолить* [Терещенко 1848: 346].

9. *Сало* (название зафиксировано в Респ. Коми) — в современной дворовой игре мальчиков с мячом (известной повсеместно под названием «**квадраты**») название локуса, т. е. очерченного центрального кружочка, в который при подаче бросают мяч. Сами игроки, которых здесь четверо, стоят в своих квадратах. Задача каждого игрока — отбивать ногами летящий к нему мяч, пытаясь забросить его в квадрат любого другого участника игры [Ключева 2012: 125].

⁴ Именно такое объяснение было дано нам респондентом при описании марийской игры *панга-тоя* (типа русской «мухи»). В этой игре чертят девять параллельных линий на разном удалении от кола; с этих линий кидают палки в кол, на который насажена птичка (*кайык*), улетающая от удара. «Поскольку линии чертятся на земле, то они от беготни быстро стираются. Чтобы можно было точно восстановить, где линия, с боку от каждой делается лунка — *лаке*. Отсюда и линии называются так же — *лаке*» [Ключева 2012: 157].

В данный ряд значений слова *сало* на уровне звукового соответствия просится еще один локативный термин — лексема *соль*, о которой мы уже упоминали в пп. 3, 4 и 8. Так, в игре в пыжа *соль* и *сало* выступают как синонимичные названия лунки (Волог., Олон.). Данная созвучность: *сало*, *сал* (Дон.) и *соль* — представляется не случайной. В Центральной России действие «осаливания» в игре могло называться словом *соль*. Например, в играх *без соли* [Сахаров 1837 (2000): 138], *без соли* — *соль* [Гершенко 1848: 30], *без соли соль* (Твер., Влад.) [Покровский 1895: 122], *без соли* — *с солью* (Нижегор. [Кудрявцев 1871: 185], Казан. [Нечаев 1890: 218]), *соль* (Белорус.) [Романов 1912: 565] игроки прыгают через ноги сидящих на земле водящих, у которых завязаны глаза. Если прыгающий говорит «без соли», водящие его не трогают; если же он скажет «с солью» (или «соль»), они стремятся вслепую задеть прыгающего за ноги. Таким образом, *без соли* означает ‘не салить’, а *с солью* — ‘салить’. Игры этого же типа: *соль* (1914 г., Смол.), *солью* (1853 г., Новг.) [СРНГ, 39: 309].

Дополним выстроенный нами ряд значений игрового термина *сало* двумя значениями игрового локативного термина *соль*.

1. *Соль* в терской игре с **ножичком** — это средняя ямка в длинном «пути» из ямок от «каши» до «царства» (от начальной до конечной ямки). При результативных ходах по этому «пути», бросая ножичек, движется игрок [Покровский 1895: 230].

2. *Солить*, *играть с солением* — определенное действие водящего в игре «**чугун**» (2012 г., г. Йошкар-Ола) [Ключева 2012: 97], в которой водящий вышибает игроков мячом. По правилам игры он может бросать мяч в игроков только с того места, на котором поймал его. Если игроки находятся далеко, водящему бывает сложно попасть в них. Чтобы приблизиться к игрокам, водящий начинает «солить» — бросать мяч на землю недалеко от себя и тут же его подхватывать, таким образом приближаясь к игрокам. Когда мяч в руках водящего, игроки не имеют права перебежать с места на место, а когда на земле — могут. Однако за краткое время «соления» игроки не рискуют перебежать и остаются на месте, тогда как водящий все время приближается к ним, занимая более удобную позицию для удара мячом. Если же игроки договариваются играть «без соления», водящий не имеет права на такую уловку. Таким образом, в этой игре термин *солить* обозначает некоторые особенности перемещения водящего в игровом пространстве.

Распространение игровых терминов *сало* (*салки*, *салить* и т. д.) и *соль* на территории Европейской части России (преимущественно по данным XIX в.) отражено на Карте 1: лексемы с корнем *сал-* отмечены треугольниками, а *соль* — квадратами. На этой же карте перевернутыми треугольниками дополнительно обозначено распространение названий *салки* и *салочки* (в Одессе — *сало*) по современным данным: материалам форума «Городские диалекты» (далее — ГД) и нашим полевым записям начала XXI в. [Ключева 2012; Ключева LJ 2012].

По данным форума «Городские диалекты», игру *салки* (*салочки*) знают во многих регионах страны; однако это не подтверждается данными нашего последнего опроса от 18 сентября 2012 г. в популярном сообществе «76_82» электронного «Живого журнала» (“Live Journal”) в сети Интернет: термин *салки* признали «родным» практически только жители Москвы и Московской области [Ключева LJ 2012]. В целом, современные данные относительно сомнительны, поскольку нет уверенности, что во всех случаях зафиксирован аутентичный местный игровой фольклор. Не исключено, что в ряде случаев имеет место позднейшее привнесение термина *салки* в детскую среду взрослыми наставниками (в школах и детских садах), использовавшими методическую литературу по играм.

Распространение лексемы *сало* в Сибири на Карте 1 не отражено. По нашим данным, лексема *сало* распространена в Сургуте, Тобольске и Южной Сибири; по данным ГД — также в Новосибирске, Барнауле, Омске, Кемерово и Улан-Удэ.

Как показали приведенные примеры, *сало*, *салка*, *сал* и *соль* — это локативные термины, обозначающие «дома», безопасные, исходные или срединные места в игровом пространстве (лунка, черта, круг, часть игрового пространства за чертой). Очень часто в русской игровой терминологии в отношении таких локусов используется своего рода параллельный термин — *город*. Этот термин встречается практически во всех описанных нами значениях, в которых употребляется лексема *сало*.

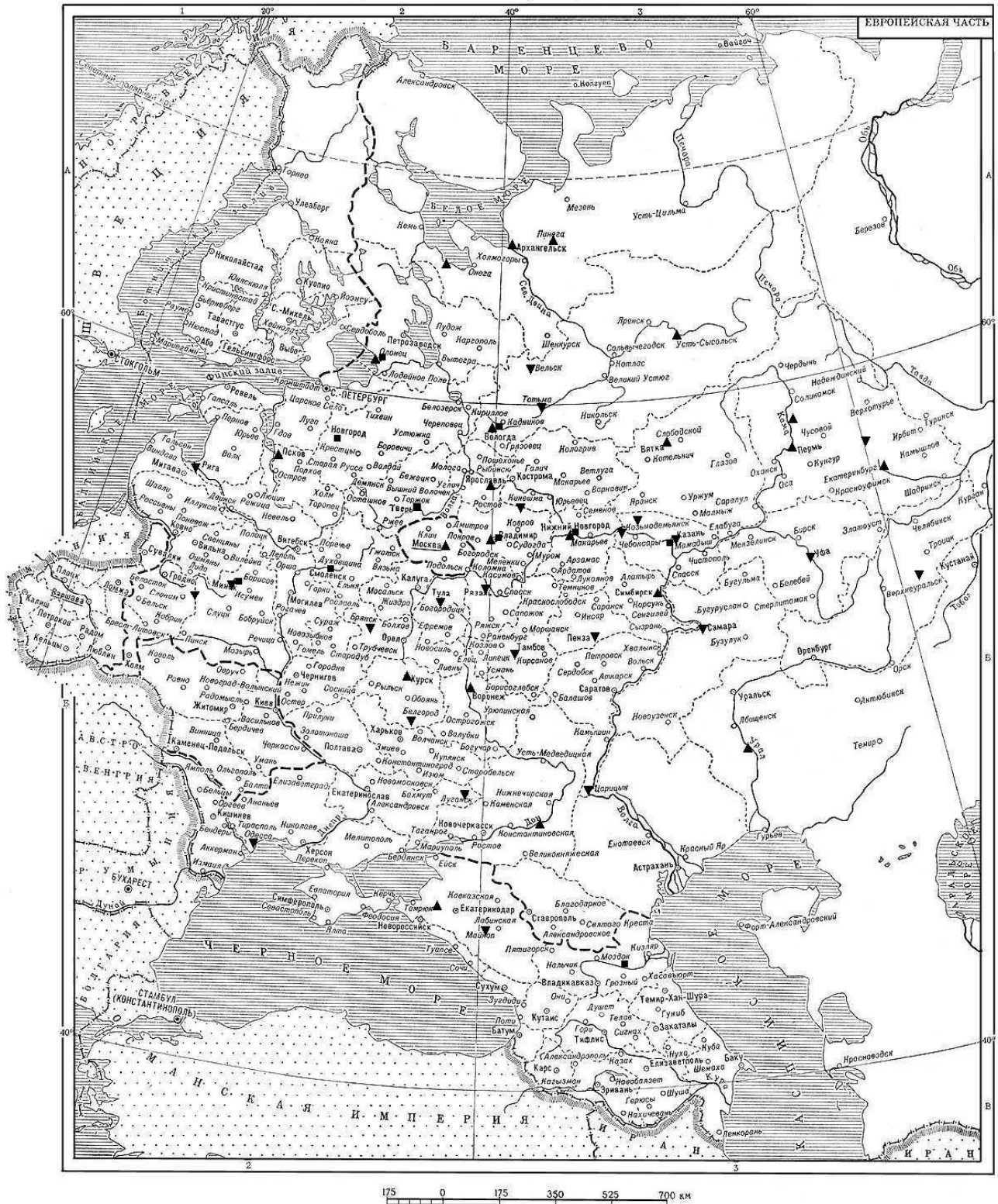
1) В догонялках *город* — это безопасное место, «дом» игроков: например, в олонской игре *голуби* очерченные «домики голубей» [Петров 1863: 395].

2) В прятках *город* — это а) кон, место, где находится водящий (Харьк., Херсон., Кубан.) [Покровский 1895: 115]; б) само пространство, в котором происходит игра в прятки, что следует, например, из приговорки, звучащей в адрес водящего: «Кто по город(к)у не ходит, тот четыре кона водит» (г. Северодвинск, г. Москва) [Ключева 2012: 54].

3) *Городки* — само название игры в кости, бабки (Симб.) [Покровский 1895: 329].

4) В играх типа пыжа *городок* — это главное очерченное место, в которое ставят сбиваемый предмет (деревянную чурочку или шар): например, в играх *городок* (Костром. [Веславин 1863: 930], Влад. [По-

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ КАРТА (на 1914 г.)

Карта 1

кровский 1895: 288], Ярослав. [Всеволодский-Гернгросс 1933: 498, № 1321]), в один городок (Влад.) [Покровский 1895: 309—310], *рюшка с городом* (Олон.) [Всеволодский-Гернгросс 1933: 501, № 1329].

5) В играх типа городков *город* или *городок* — это название очерченного квадрата или круга, в котором выстраивается фигура из деревянных рюх. Наименование локуса перешло на предметы игры (сами рюхи стали называться *городки*), а от них — и на саму игру (Костром. [Всеславин 1863: 929—931]; Олон., Средняя Россия, Тобол., Омск. [Покровский 1895: 312—317]; Перм. [Петухов 1863: 22]; Волог. [Иваницкий 1890: 157; Шустиков 1895: 93]; Сургут. [Неклепаев 1903: 88] и т. д.). Ср. также: *городины* ‘игра в городки’ (Перм.) [СРНГ, 7: 58], *городцы* (1904 г., Волог.) [СРНГ, 7: 63] и т. д. Локативный термин *город* используется также в играх типа чижа, типологически родственных играм в пыжа, городки и лапту.

6) В играх типа лапты *город* — это место, с которого бьют мяч и затем бегут в «поле», а также дальнейшее место, на которое бегут (т. е. ближний и дальний кон): например, в смоленской игре *онука-лапта* (1914 г.) [СРНГ, 1: 206], в игре *лапта* (с. Марьино Респ. Марий Эл, бывшая Нижегородская губерния) [Ключева 2012: 137]. *Город* — это место, с которого бьют, и в белорусской лапте, которая называется *соловей* [Романов 1912: 575] или *палант* [Довнар-Запольский 1891: 207]; аналогичный термин *город* употребляется и на Украине при игре *в шар* (1890 г., Харьк.) [Всеволодский-Гернгросс 1933: 513—514, № 1371].

7) В играх типа круговых вышибал *городок* — это центральный круг, в котором стоят выбиваемые мячом игроки: например, в играх *городок* (Тавр., Екатеринослав., Терск., Кубан., Таманский п-ов) [Покровский 1895: 246], *городок* и *городковый мяч* (Харьк.) [Иванов 1889: 30], *круглый город* (*круглым городом*) (Олон.) [Петров 1863: 395—398; Покровский 1895: 246—248], *круговой городок* (Херсон.) [П. П. 1902: 402—403], *городом играть* (1907 г., Арх.) [СРНГ, 7: 55] и т. д.

8) В играх типа касло *город* — это само игровое пространство с центральной лункой водящего посередине, которая окружена лунками игроков (Нижегор. [Кудрявцев 1877: 344]; Моск., Симб., Астрах., Терск. [Покровский 1895: 275—278]).

9) В играх в ножички *города* — это фигуры, которые чертят игроки, сделавшие результативные ходы; также игроки собирают себе флот (лодки, катера и т. д.), на чужие города и лодки в ходе игры можно нападать — кидать в них ножички (г. Йошкар-Ола) [Ключева 2012: 176]. В Саратове *городом* называется очерченный круг в одноименной игре с ножичком типа «земельки», в которой у каждого игрока есть свой сектор круга, и игроки бросают ножички в чужие «земли», отсекая при результативном ходе куски чужой «земли» себе [Ключева 2012: 182].

Итак, мы показали, что локативный игровой термин *город* по своим значениям и ситуациям словоупотребления практически во всем синонимичен термину *сало*. *Город* — это безопасное, особое, выделенное, защищаемое место в игре, противопоставленное полному опасностей «полю». Для нас важно отметить именно параллельность, синонимичность этой лексемы термину *сало*, которую можно объяснить следующим образом.

Своего рода «синонимом» слову *город* является лексема *село*, однако в русской игровой традиции как локативный термин оно практически не употребляется. В тюркских и финно-угорских языках Среднего Поволжья село обозначается словами *салá* (тат., чув., сев.-зап. мар.) и *солá* (мар. горный и луговой). В настоящее время в татарском языке лексема *салá* является архаизмом и диалектизмом [Ахметьянов 1989: 140]; в горномарийском языке аналогичное слово активно функционирует, а в луговомарийских диалектах оно представлено главным образом в многочисленных топонимах на территории Республики Марий Эл (256 ойконимов, что составляет около 20% всех ойконимов в Марий Эл) [Кузнецов 1978: 28—29]. «С точки зрения лингвистической географии охватывающее три языка Среднего Поволжья слово *сала* является более древним в этом регионе по сравнению с инновациями *авыл*, *ял*, не получившими столь широкого распространения» [Добродомов 2008: 198]⁵. Лексема *сала* присутствует также в крымскотатарском, кумыкском и караимском языках; в хасавюртовском диалекте кумыкского языка слово *сала*

⁵ Однако, что касается датировки появления *сала* в марийском языке, В. В. Кузнецов придерживается противоположной точки зрения, утверждая, что «топоформант *-сала* появился в марийском языке позже, чем *-ял*», поскольку «препозитивное слово-определитель в ойконимах сложного образования с определяемым *-ял* в большинстве случаев нельзя объяснить на материале современного марийского языка», а с определяемым *-сала* обычно легко объясняется на том же материале [Кузнецов 1978: 29]. Там же В. В. Кузнецов отмечает, что в Башкирии, Татарстане, Удмуртии, Свердловской и Пермской областях, где проживают марийцы, топоформант *-сала* встречается лишь в единичных названиях, из чего делается вывод, что на территории современной Республики Марий Эл он появился уже после массового оттока марийского населения в восточном и северо-восточном направлениях в XVI—XVIII вв. (заимствование во второй половине XVII—XVIII вв. для обозначения селений с упорядоченной уличной застройкой) [Кузнецов 1978: 29—30].

обозначает городское поселение. Топонимы на *-сала* (*-соль*) той же природы встречаются в Крыму и Приазовье [Добродомов 2008: 199].

Мы считаем, что локативный термин *сало* попал в русскую игровую терминологию из тюркских языков: его первичная семантика «стерлась», и по принципу паронимии к лексеме *сала* «притянулось» значение ‘сало’, модифицировав звуковую форму слова. Регион распространения игрового термина *сало* и его производных — это, в основном, Центральная Россия, Поволжье, Урал, Русский Север и Сибирь. При всей обширности ареала распространения лексемы *сало* можно говорить, что это области, в которых русское население исторически контактировало с тюркским и финно-угорским. В данных регионах в русской игровой терминологии представлено множество диалектных слов, заимствованных из неславянских языков, в частности тюркизмов.

Интересно, что в тюркских языках слово *сала* считается восточно-славянским заимствованием, на что указывали еще В. В. Радлов [Радлов 1911: 349—350] и А. М. Селищев [Селищев 1927: 60]; о заимствовании из древнерусского пишет и Р. Г. Ахметьянов [Ахметьянов 1989: 140]. В статье И. Г. Добродомова [Добродомов 2008: 198—200] приводится хазарская версия происхождения тюркского слова *сала*, которой придерживались Н. К. Дмитриев [Дмитриев 1947: 73] и В. Г. Егоров [Егоров 1964: 176], а также замечание З. Абрагамовича о том, что это слово «известно только тюркам, которые имели тесные контакты с Русью» [Abrahamowicz 1971: 178]. В результате, соединя хазарскую и русскую версию, И. Г. Добродомов делает вывод о том, что «русское слово попало в тюркские языки Восточной Европы еще в хазарскую эпоху» [Добродомов 2008: 200]. По мнению А. В. Дыбо, «*сала* — заимствование из древнерусского, но не в кыпчакские языки, а в волжско-булгарский до перехода *e* в *a* и из болгарского — в западно-кыпчакские языки. В тюркских языках это слово довольно позднее — ориентировочно с X в.» [Дыбо 2012: личное сообщение]. В свою очередь «славянский термин *село* имеет хорошие индоевропейские корни, будучи распространенным, например, в германских и романских языках как первоначальное обозначение однокамерного жилища (др.-в.-нем., ср.-в.-нем. *sal* среднего рода, др.-сакс. *seli*, англо-сакс. *sele*, *sæl*, сканд. *salr* и т. д., откуда происходят романские слова типа фр. *salle* ‘зал, палата’, *sala* и т. д., откуда и рус. *зал, зала, зало*), в лат. *solum* ‘почва’ и т. д.» [Добродомов 2008: 200] (со ссылкой на [Kluge 1975: 617]).

В марийском языке лексема *сола*, по мнению А. В. Дыбо, является булгаризмом [Дыбо 2012: личное сообщение]. О заимствовании в марийский язык тюркского слова *сала* пишет и Ф. И. Гордеев [Гордеев 1977: 64]. Однако ряд марийских лингвистов: И. С. Галкин и О. П. Воронцова [Воронцова, Галкин 2002: 11], А. А. Саваткова [Саваткова 1969: 56—57] и В. В. Кузнецов [Кузнецов 1978: 32] — солидарны в том, что *сола* — это марийское заимствование из русского языка. В. В. Кузнецов доказывает сомнительность заимствования слова *сола* (*сала*) из татарского тем, что «оно в самом татарском языке употребляется ограниченно и почти не участвует в топообразованиях» (в Татарстане обнаружено всего лишь четыре ойконима с топоформантом *-сала*) [Кузнецов 1978: 30].

Переход конечного гласного звука *o > a* (*село > сола*) Л. П. Грузов объясняет природой марийского ударения: «нередко в марийском языке *a* развивается на месте ударного *o* (*лицá* — лицо {...}, *селá* — село, *писмá* — письмо) {...} или других гласных (*чулká* — чулки {...}, *плока́* — плохой {...})» [Грузов 1965: 101]. Звукопереход *e > o* В. В. Кузнецов объясняет тем, что, «по всей вероятности, марийцы заимствовали *сола* из владимирско-поволжских русских говоров, где в предударном положении перед твердыми согласными произносится ‘*o* (*н’осú*, *в’олá*, *с’олó*)» [Кузнецов 1978: 31]. По данным [АРНГ 1957: 323], подобное «ёканье» зафиксировано во Владимирской, Горьковской (ныне — Нижегородской) и Ивановской областях.

Последнее наблюдение В. В. Кузнецова, высказанное по поводу этимологии марийского слова *сола*, дает нам возможность сделать определенные предположения о происхождении русского игрового термина *соль*. С одной стороны, в соответствии с высказанной нами гипотезой о тюркском заимствовании игрового термина можно предположить, что вариативность *соль / сало* связана с особенностями произношения — «оканием» и «აკанием» в русских диалектах. Подобный переход (*-сала > -соль*) наблюдается на материале топонимов Крыма: «В перенесенной из Крыма в XIII в. урумами (тюркоязычными мариупольскими греками) топонимике конечный элемент *-сала* в названиях сельских поселений Северного Приазовья изменился в *-соль* в речи русскоязычного акающего населения, которое от исходного топонима *Енисалá* (*Янисала*) букв. ‘новое село’ (*ени* ‘новый’) образовало прилагательное *енисольский* с незаконномерной подменой фонемы *a* фонемой *o* и с дальнейшим выделением из прилагательного вторичной основы *Енисоль* (*Янисоль*)» [Добродомов 2008: 199] (со ссылкой на [Отин 2002: 44—46, 102, 116]).

Другим объяснением вариативности *соль / сало* могут быть разные источники заимствования: можно предположить, что игровой термин *соль* был заимствован от финно-угров. В прошлом ареал проживания марийского населения, а следовательно, и распространения марийских языков был западнее и шире со-

временного, и следы его сохранились, в частности, в русских диалектах Нижегородской губернии [Девяцын 1991]. Неоднократно в литературе ставился и «вопрос о былом пребывании какого-то близкого по языку населения на территории Московской, Ярославской, Костромской, Владимирской и Кировской областей» [Воронцова, Галкин 2002: 10] (см. также: [Добродомов 2011]). Не исключено, что источник заимствования игрового термина *соль* (Казан., Нижегород., Влад., Твер., Олон., Волог., Новг., Смол., Терск.) — это не тюркское слово *сала*, а финно-угорское *сола*.

Однако не исключен и третий путь появления термина *соль*: без заимствования, а в рамках языковых процессов детской речи внутри русского языка — от диалектного (владимирско-приволжского) *сёло*. В игре термин редуцируется, де- и пересемантизируется как *соль*. Как видно на первой карте, термин *соль* (и его производные) встречается реже, чем *сало*, и ареал его распространения уже. В целом, ядро распространения лексемы *соль* примерно совпадает с ареалом владимирско-поволжских («ёкающих», как было показано выше) говоров. Заметим также, что как игровой термин лексема *соль* не является более поздней и вторичной по отношению к *сало*, поскольку фиксируется уже в публикациях 1837 г. и 1848 г. ([Сахаров 1837 (2000)] и [Терещенко 1848]: игра *без соли* — *с солью*), т. е. ранее термина *саловат* (1852 г.).

Таким образом, русские игровые термины *сало* и *соль* могут иметь разные источники (первое — тюркское заимствование, второе — либо тюркское, либо финно-угорское заимствование или без заимствования модифицированное и пересемантизированное русское слово), но семантика их одна и та же: это локативные термины со значением ‘село’. Такой вывод стал возможен благодаря данным современных тюркских и финно-угорских языков. Оставаясь строго в рамках русского языка при изучении русской игровой лексики, подобные результаты было бы практически невозможно получить.

2. Игровой термин «масло»

Исходя из сказанного о лексеме *сало*, возникновение локативного термина *масло* мы объясняем как дальнейший «виток» развития игровой лексики. Механизм замены одного слова другим: а) сходным по значению, но отличным по форме (синонимом) или б) сходным по звучанию, но отличным по смыслу — весьма типичен для детского фольклора. Так, например, в наших современных записях игра под названием *Заяц-заяц, сколько время?* (Ленинградская обл., г. Казань, г. Чистополь, г. Саранск, Респ. Коми, Респ. Марий Эл) бытует также как *Кролик-кролик, сколько время?* (г. Архангельск) и *Король-король, сколько время?* (г. Волжск Респ. Марий Эл) [Ключева 2012: 287]; здесь наблюдается переход: *заяц* > *кролик* > *король*.

Нечто подобное, по-видимому, произошло и с локативным термином *сало*, который при дальнейшем историческом развитии игровой традиции был заменен синонимом «пищевого» кода — словом *масло*. *Масло* (региональная вариация — *мазло*) — синоним слову *сало* как локативный термин, «параллельный» лексемам *сало* и *город*.

1. В догонялках *масло* — это убежище от «собаки», т. е. безопасный локус (например, в псковской игре, зафиксированной в 1929 г. [СРНГ, 18: 14]). В играх с мотивом воровства (в симбирской игре *масло*) словом *масло* называется игрок, которого возят на салазках; все остальные участники стараются его тронуть, а возница оберегает [Покровский 1895: 117]. В игре *пацёк* (Укр. или Южно-рус.?) *маслом* называется пойманный водящим игрок, которого стремятся задеть остальные участники [Ключева 2012: 78]. В Белгороде известна игра типа догонялок под названием *маслак*; словом *маслак* здесь называют водящего [ГД 2].

2. В прятках *мазлó* — это кон, место, где остается водящий и откуда бегут прятаться игроки (1850 г., Костром.) [СРНГ, 17: 298].

3. В играх в кости (бабки) *масло* как локативный термин нами пока не обнаружен, но есть данные, что словом *масло* в диалектах Русского Севера называется сторона игральной кости [Пьянкова 2003] (со ссылкой на [КСГРС]). Кроме того, диалектное *мосол* (*масол*) ‘кость’ встречается и в значениях игральной кости: *мослы* (Вят.) [Покровский 1895: 332], *маклы* (г. Алма-Ата, г. Ташкент) [Ключева 2012: 160], возможно, *мосалки* (Калуж.) [СРНГ, 18: 284]⁶.

4. В играх типа *пыжа* *ма́сло* (*маслó*) — это, во-первых, ямка, лунка, обозначающая определенное место в разметке игрового пространства (1855 г., Пск., Твер., Новг.) [СРНГ, 18: 14]. *Козло-масло* — это ряд лунок (по числу играющих) в смоленской игре типа *пыжа* [Покровский 1895: 284—285] и в самарской игре типа «мухи» (разновидность *пыжа*); эти игры называются *козло-мазло* [Покровский 1895: 307]. От лунок игроки бросают в цель свои палки. Аналогично *мазлами* называются такие лунки в нижегород-

⁶ Значение слова *мосалки* приведено в [СРНГ, 18: 284] следующим образом: «детская игра [какая?】». Можно предположить, что речь идет об игре в кости (*мослы*).

ской игре *муха* [Кудрявцев 1871: 186], в костромских играх *чека* (типа мухи) и *городок* (типа пыжа) [Всеславин 1863: 929—931]; у каждого игрока свое *мазло*. Во-вторых, в играх типа пыжа *ма́сло* (*масло́*) — это очерченный круг или четырехугольник, где стоят городки в игре (Новг., Пск., Смол.) [СРНГ, 18: 14].

5. В **городках** *масло* — это ямка, расположенная посередине между «городами» [Терещенко 1848: 450].

6. В играх типа **лапты** *маслами* называются ближний и дальний кон: например, в игре *чига с лаптем* (1900 г., Яросл.) [СРНГ, 9: 148].

7. В играх типа **вышибал**: а) в игре *ярки мазла* — это ямки-лунки, по которым водящий катит мяч; у каждого игрока свое *мазло* (Перм., Вят.) [Кудрявцев 1871: 177], в чьем «мазле» остановится мяч, тот хватает его и бросает в разбегающихся игроков; б) в игре *масловый мяч* три ямки, вырытые по прямой линии на достаточном расстоянии друг от друга, называются *маслами*. У крайних из них стоят игроки противоположных команд, которые по очереди бьют со своего места мячом в противников; кто попадет, переходит бить на среднее *масло*, т. е. вышибает противников уже с «половинного» расстояния (Харьк.) [Иванов 1889: 25; Ястребов 1894: 106; Всеволодский-Гернгросс 1933: 476, № 1252]. Аналогична игра *масло* (Терск.) [Покровский 1995: 243—244], хотя в ее описании слово *масло* не упоминается. В этой игре не роют лунки, размечая игровое пространство, а кладут три камня; видимо, камни заменили собой лунки-*масла*, но память о них сохранилась в названии игры. Данные игры аналогичны кубанской игре *сало* (см. выше в п. 7 в списке значений лексемы *сало*).

8. В играх типа **касло** *масло* — это, во-первых, центральная большая ямка, окруженная лунками игроков. Отсюда и сама игра может называться *в масло* (Твер., Тул., Симб., Вят., Кубан. [Покровский 1895: 275—278], Белорус. [Романов 1912: 559]); другое название той же игры — *в дубинки* (Курск., Белгор., Яросл., Калуж.) [СРНГ, 18: 14]. Во-вторых, наоборот — в играх типа *касло маслами* могут называться маленькие лунки игроков, расположенные по кругу, тогда как средняя большая ямка называется, например, *овин* (Сарат., Твер., Яросл., Курск., Белгор.) [СРНГ, 18: 14]. Ср. также: *мазлó* — ямка-лунка в игре *в шар* (1858 г., Сарат., Костром.) [СРНГ, 17: 298]; *козёл-мозел* — ямка, на которой стоит играющий *в клюшки* (1910, Влад.) [СРНГ, 14: 58].

Таким образом, слово *масло* чаще всего используется для обозначения ямки-лунки в игре. Этот термин вышел за пределы игровой сферы: *масло* — это еще и ямочка под сновальной машиной (1844 г., Влад.) [СРНГ, 18: 14]; *мазло* — ямка-гнездо рыбы (1881 г., б. м.) [СРНГ, 17: 298].

География распространения лексемы *масло / мазло* (и производных) представлена кружками на Карте 2; ромбами на этой же карте отмечено распространение лексем *сало* и *соль* (и их производных), выявленное в том числе и на основании современных данных. Интересно, что за пределами Европейской части России (по крайней мере, в корпусе обработанных нами данных) лексема *масло* вообще не встречается. Весьма «скромно» она представлена и в современных записях, т. е. в настоящее время этот игровой термин можно считать устаревшим.

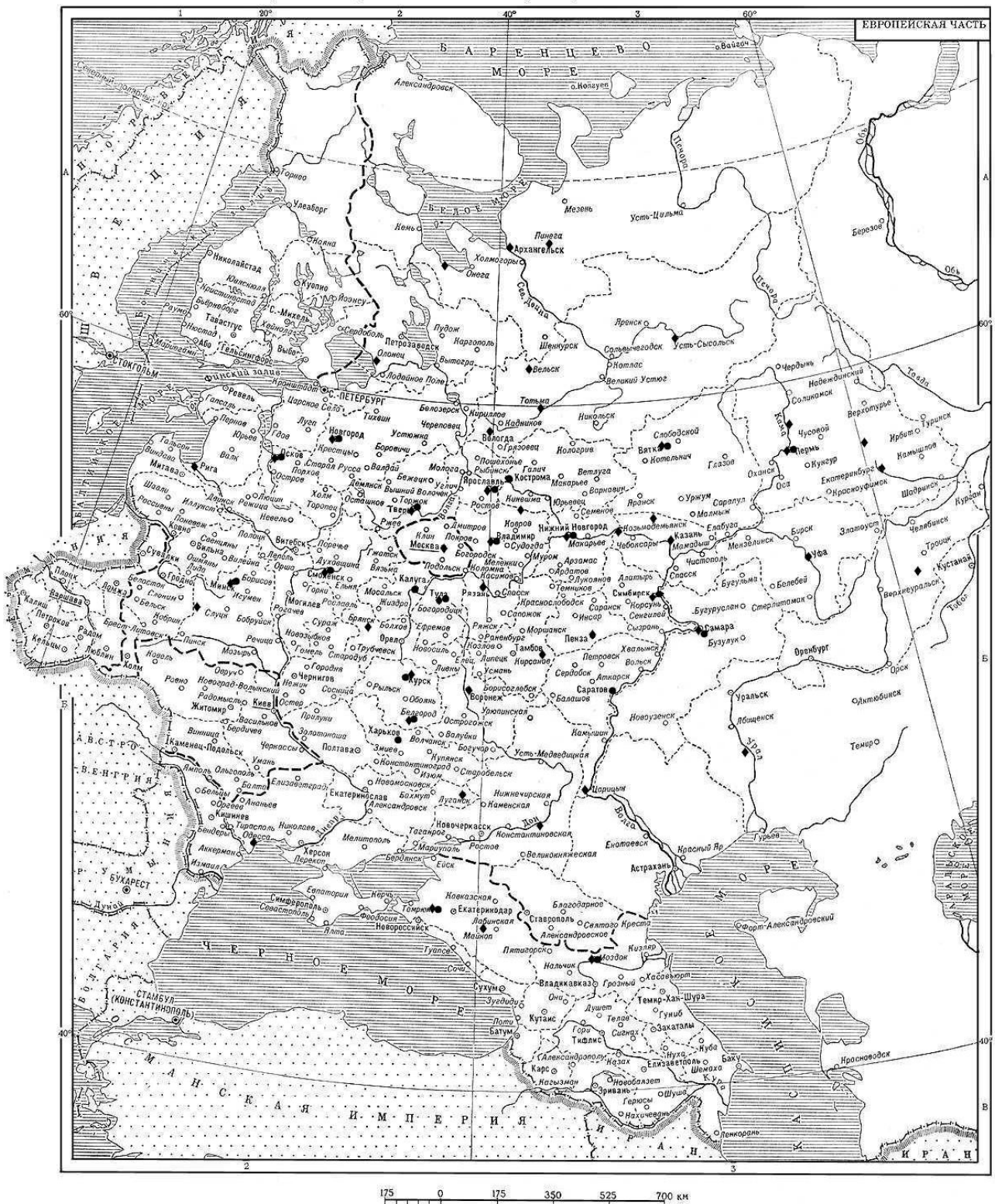
На основании данных, представленных на Карте 2, можно сделать следующие наблюдения:

- 1) лексема *масло* менее распространена, чем *сало*;
- 2) ареал распространения лексемы *масло* не затрагивает северные и восточные территории, а тяготеет к юго-западу;
- 3) практически везде, где зафиксирован игровой термин *масло*, функционирует и лексема *сало* (*соль*), т. е. слово *масло* как бы «дублирует» лексему *сало*; обратные случаи единичны (есть игровой термин *масло*, но нет термина *сало* в Костроме, Калуге, Харькове и Саратове) и могут объясняться недостаточностью нашей базы данных по игровым терминам.

В ссылках на источники приведенных примеров со словом *масло* можно заметить, что записи этого игрового термина датируются не позже, а то и раньше описаний игр со словом *сало*: первое упоминание в литературе термина *сало* в значении игрового локуса — 1852 г.; первое упоминание в литературе термина *масло* в значении «ямка» — 1844 г., а в значении «ямка в игре» — 1850 г. На первый взгляд, этот факт противоречит нашей идее, что *масло* — вторичный термин, производный от *сало*. Однако игры западных губерний России, в целом, стали записываться раньше, чем восточных; по-видимому, лексема *сало* функционировала раньше, чем была впервые зафиксирована, и появилась не позднее 1840-х гг.

Подводя итог, можно сказать, что русские диалектные игровые термины *сало, соль, сал, салки, масло* и *мазло* обозначают определенные наиболее важные локусы в игровом пространстве; именно их локативное значение является первичным. «Параллельным», синонимичным игровым термином к ним является *город*. В русской игровой терминологии лексемы *сало, сал, соль* и *салки* (и производные от них слова) происходят от тюркско-булгарского *салá* «село» (с пересемантизацией и смысловым сдвигом от локативного термина к «пищевому»). *Масло* является лексемой, в смысловом отношении производной от слова *сало* — синонимом на уровне пищевого кода.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ КАРТА (на 1914 г.)

Карта 2

Сокращения

Языки

англо-сакс. — англо-саксонский	сканд. — скандинавские
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий	ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий
др.-сакс. — древнесаксонский	тат. — татарский
лат. — латинский	фр. — французский
мар. — марийский	чув. — чувашский
рус. — русский	

Географические наименования

Арх. — Архангельская губерния (область)	Пск. — Псковская губерния (область)
Астрах. — Астраханская губерния (область)	Ряз. — Рязанская губерния (область)
Белгор. — Белгородская губерния (область)	Сарат. — Саратовская губерния (область)
Белорус. — Белоруссия	Свердл. — Свердловская область
Брян. — Брянская губерния (область)	Сиб. — Сибирь
Влад. — Владимирская губерния (область)	Симб. — Симбирская губерния
Волог. — Вологодская губерния (область)	Смол. — Смоленская губерния (область)
Ворон. — Воронежская губерния (область)	Сургут. — Сургутский район
Вят. — Вятская губерния (область)	Тавр. — Таврическая губерния (область)
Дон. — по реке Дон (донское)	Твер. — Тверская губерния (область)
Екатеринослав. — Екатеринославская губерния	Терск. — Терская область
Казан. — Казанская губерния	Тобол. — Тобольская губерния
Калуж. — Калужская губерния (область)	Тул. — Тульская губерния (область)
Костром. — Костромская губерния (область)	Укр. — Украина
Кубан. — Кубанская область	Ульян. — Ульяновская область
Курск. — Курская губерния (область)	Урал. — территории близ Уральских гор
Моск. — Московская губерния (область)	Харьк. — Харьковская губерния (область)
Нижегор. — Нижегородская губерния (область)	Херсон. — Херсонская губерния (область)
Новг. — Новгородская губерния (область)	Южно-рус. — южнорусские территории
Олон. — Олонецкая губерния	Южн.-Сиб. — Южная Сибирь
Омск. — Омская губерния (область)	Яросл. — Ярославская губерния (область)
Перм. — Пермская губерния (область)	

Общие

б. м. — без указания места	р. — река
букв. — буквально	Респ. — Республика
губ. — губерния	сев.-зап. — северо-западное
обл. — область	ср. — сравните

Литература

- АРНГ 1957 — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. *Аванесова Р. И. М.*, 1957.
- Ахметьянов 1989 — *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989.
- Воронцова, Галкин 2002 — *Воронцова О. П., Галкин И. С.* Топонимия республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2002.
- Всеволодский-Гернгросс 1933 — Игры народов СССР / Сост. *Всеволодский-Гернгросс В. Н., Ковалева В. С., Степанова Е. И.* Введ. *Всеволодского-Гернгросса В. Н.* М.—Л., 1933.
- Всеславин 1863 — *Всеславин В.* Детские игры в Костромской губернии // Учитель. 1863, 18. С. 929—931.

Гаврилова 2007 — *Гаврилова М. В.* Еда в традиционных детских играх // Традиционная культура. 2007, 4. С. 88—89.

ГД — Сетевой проект «Городские диалекты» // Форум АБВУ Lingvo: <http://forum.lingvo.ru/actualsearch.aspx?search=%F1%E0%EB%EA%E8&st=t&a=&ma=0&bid=26&dt=-1&s=1&so=1>, <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?bid=26&tid=141596&hl=%ec%e0%fl%eb%e0%ea>, 2012 (дата обращения 30.08.2012).

Гордеев 1977 — *Гордеев Ф. И.* О словаре первой печатной грамматики марийского языка // 200 лет марийской письменности. Йошкар-Ола, 1977. С. 59—66.

Грузов 1965 — *Грузов Л. П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1965.

Даль 1863—1866 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М., 1863—1866 // <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Даля/САЛО/>, 2012 (дата обращения 30.08.2012).

Девицын 1991 — *Девицын В. А.* Проявления финно-угорского субстрата в лексике и фонетике русских говоров Нижегородской области // *Linguistica Uralica*. Т. XXVII. 1991, 4. С. 272—275.

Дмитриев 1947 — *Дмитриев Н. К.* А. М. Селищев и тюркская филология // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. 3. М., 1947. С. 73.

Добродомов 2008 — *Добродомов И. Г.* Типы поселений ранних тюрков: Историческая эволюция // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М., 2008. С. 195—218.

Добродомов 2011 — *Добродомов И. Г.* Из мерянского вклада в русское словопроизводство (*вполглаза, вполуха, вполплеча*) // *Эмбатерион (Еμβατήριον)*. Сборник статей по искусствоведению, филологии, истории: К 70-летию В. П. Яйленко. М., 2011. С. 214—218.

Довнар-Запольский 1891 — *Довнар-Запольский М. В.* Крестьянские игры в Минской губернии // Живая старина. Вып. 4. СПб., 1891. С. 203—208.

Егоров 1964 — *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

Ефименко 1877 — *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 1. Описание внешнего и внутреннего быта // Труды этнографического отдела ИОЛЕАиЭ при Московском университете. Т. 30. Кн. 5. Вып. 1. М., 1877. С. 151—159.

Зобнин 1896 — *Зобнин Ф.* Игры в слободе Усть-Ницынской Тюменского округа // Живая старина. Вып. 3—4. СПб., 1896. С. 538—542.

Иваницкий 1890 — *Иваницкий Н. А.* Детские игры // Материалы по этнографии Вологодской губернии: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2 / Ред. *Харузин Н. Н.* М., 1890. С. 156—164.

Иванов 1889 — *Иванов П.* Игры крестьянских детей в Куприяновском уезде / Предисл. *Сумцова Н. Ф.* Харьков, 1889.

Ключева 2007 — *Ключева М. А.* Подвижные детские игры: К проблеме изучения народной терминологии // Традиционная культура. 2007, 4. С. 77—88.

Ключева 2012 — *Ключева М. А.* Народные подвижные детские игры: Современный фольклорный сборник. Йошкар-Ола, 2012.

Ключева LJ 2012 — Данные Интернет-опроса на тему «Игра *салки*» в сообществе 76_82 блог-платформы “Live Journal” («Живой журнал») // <http://76-82.livejournal.com/5418148.html>, 2012 (от 18.09.2012).

КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера // Кафедра русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького, Екатеринбург.

Кудрявцев 1871 — *Кудрявцев В. Ф.* Детские игры и песенки Нижегородской губернии // Нижегородский сборник. Т. 4. Нижний Новгород, 1871. С. 169—238.

Кузнецов 1978 — *Кузнецов В. В.* К вопросу о происхождении топоформанта *-сола* в марийском языке // Вопросы марийской ономастики. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1978. С. 25—33.

Можаровский 1898 — *Можаровский А. Ф.* Игры крестьянских детей Казанской губернии, Свияжского уезда, с. Бежбатман // Живая старина. Вып. 3—4. СПб., 1898. С. 437—442.

Неклепаев 1903 — *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи Сургутского края: Этнографический очерк // Записки Западносибирского отдела ИРГО. Кн. 30. Отдел 5. Детские игры и увеселения взрослой молодежи. Омск, 1903. С. 86—127.

Нечаев 1890 — *Нечаев И. В.* Игры и песни деревенских ребят Лаишевского уезда Казанской губернии // Живая старина. Вып. 4. СПб., 1890. С. 214—226.

Отин 2002 — *Отин Е. С.* Топонимия приазовских греков. Донецк, 2002.

Петров 1863 — *Петров К.* Детские игры в Олонекской губернии // Учитель. 1863, 1—24 (Смесь). С. 241—244, 395—398, 732—734, 785—786, 1109—1110.

Петров, Репников 1890 — *Петров К. М., Репников Т. Е.* Детские игры // Живая старина. Вып. 1. Отдел 4 (Смесь). СПб., 1890. С. 1—10.

Петухов 1863 — *Петухов Д. А.* Горный город Дедюхин // Записки ИРГО. Т. 11. Кн. 3—4 (21—22). СПб., 1863. С. 14—34.

Покровский 1895 — *Покровский Е. А.* Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, педагогической, гигиеной). М., 1895 (Репринт: СПб., 1994).

П. П. 1902 — *П. П.* Некоторые игры в с. Маяках Херсонской губернии: Материалы к изучению игры // Киевская старина. Т. 78. Киев, 1902. С. 401—407.

Пьянкова 2003 — *Пьянкова К. В.* Об одном случае «пищевой» мотивации в русской терминологии игр. Курсовая работа. Екатеринбург, УрГУ, 2003 // <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Pjankova.htm>.

Радлов 1911 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий В. В. Радлова. Т. 4. СПб., 1911. Стб. 349—350.

Романов 1912 — *Романов Е. Р.* Игры и забавы белорусских детей // Белорусский сборник. Вып. 8—9. Вильна, 1912. С. 553—587.

Саваткова 1969 — *Саваткова А. А.* Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола, 1969.

Сахаров 1837 (2000) — *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. Т. 2. Сказания о русских народных играх. СПб., 1837 (Переизд.: *Сахаров И. П.* Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Тула, 2000. С. 133—161).

Селищев 1927 — *Селищев А. М.* Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис: К изучению культурно-языковых взаимоотношений в Среднем Поволжье // Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН. Лингвистическая серия. Т. 1. М., 1927. С. 36—72.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—42 (издание продолжается). Л. (СПб.), 1965—2008. Вып. 1. М.—Л., 1965. Вып. 7. Л., 1972. Вып. 9. Л., 1972. Вып. 13. Л., 1977. Вып. 14. Л., 1978. Вып. 16. Л., 1980. Вып. 17. Л., 1981. Вып. 18. Л., 1982. Вып. 29. СПб., 1995. Вып. 36. СПб., 2002. Вып. 39. СПб., 2005 / Ред. *Филин Ф. П.*

Терещенко 1848 — *Терещенко А.* Игры // *Терещенко А.* Быт русского народа. Т. 4. Забавы. СПб., 1848. С. 3—130.

Тихонов 1889 — *Тихонов В.* Описание детских игрушек и игр в с. Мазунине Сарапульского уезда Вятской губернии // Труды этнографического отделения имп. ОЛЕАиЭ. Кн. 9. Т. LXI. Вып. 1. Сборник для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. С. 1—9.

Топоров 2002 — *Топоров В. Н.* К интерпретации некоторых мотивов русских детских игр в свете «основного» мифа (прятки, жмурки, горелки, салки-пятнашки) // *Studia mythologica Slavica*. № 5. Ljubljana, 2002. С. 104—110.

Цейтлин 1911 — *Цейтлин Г.* Народные игры в Поморье // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. № 13. Архангельск, 1911. С. 7—20.

Чередникова 2002 — *Чередникова М. П.* «Голос детства из дальней дали...»: Игра, магия, миф в детской культуре. М., 2002.

Шустиков 1895 — *Шустиков А.* Народные игры в Кадниковском уезде // Живая старина. Вып. 1. Отд. 2. СПб., 1895. С. 86—100.

Ястребов 1894 — *Ястребов В. Н.* Материалы для этнографии Новороссийского края, собранные в Елисаветградском и Александрийском уездах Харьковской губернии // Этнографическое обозрение. № 1. Одесса, 1894. С. 91—106.

Abrahamowicz 1971 — *Hadzi Mehmet Senai* (z Krymu). Historia Chana Islam Gereja. III / Tekst turecki wydał, przełożył i opracował *Abrahamowicz Z.* Warszawa, 1971.

Kluge 1975 — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin—New York, 1975.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена этимологии русских диалектных игровых терминов *сало, салки, соль* и *масло (мазло)*, а также их производных. В статье показано, что в подвижных играх термины *сало* и *соль* первоначально означали определенные наиболее важные локусы в игровом пространстве и произошли от тюркско-булгарского *salá* 'село' (с пересемантизацией и смысловым сдвигом от локативного значения к «пищевому»). В статье рассматривается и слово *масло* как синоним лексемы *сало* на уровне пищевого кода.

SUMMARY

The article deals with the etymology of the Russian dialect terms of children's games: *salo, salki, sol', maslo (mazlo)* and their derivatives. It is established that originally the terms *salo* and *sol'* designated certain most important loci in the game space and were descended from the Turkic-Bulgarian *salá* 'village' (with the change of meaning from local to "food"). The term *maslo* was derived from *salo* as a synonym with "food" meaning.

Ключевые слова: русские диалекты, тюркские языки, финно-угорские языки, заимствования, игровые термины

Keywords: the Russian dialects, the Turkic languages, the Finno-Ugric languages, borrowings, terms of children's games

Руническая надпись на перевале Чарых-Пиль (Хакасия)

В мае 2012 г. С. Г. Нарылков обнаружил новую для науки руническую надпись. Некогда она была вырезана на узкой грани менгира одиночного кургана, относящегося к тагарской культуре (VII—III вв. до н. э.) и расположенного на горном перевале на правом берегу р. Большой Сыр (хак. *Улуг Сыр суз*) — правого притока р. Камышты (хак. *Хамыстыг оок* или просто *Оок*), впадающей в р. Абакан (хак. *Абыган, Агбан*) примерно в 65 км от ее устья и г. Абакана. Тогда же исследователь прислал фотоснимки надписи второму автору статьи, а в июле 2012 г. сопроводил его к самому кургану, дав возможность изучить подлинник.

К сожалению, в настоящее время эти места безлюдны, и узнать микротопонимы не удалось. Согласно карте «Окрестности Абакана» (М.: Роскартография, 1993; масштаб 1: 200 000), обследованный курган стоит на гребне седловины, разделяющей горы Сар и хребет Чарыхпил (53°15' с. ш., 90°30' в. д.); см. *Рис. 1*. Последнее название восходит к хакасскому словосочетанию *Чарых пил*, оба слова в котором многозначны и в данном случае имеют значение 'трещиноватый перевал, седловина с расщелиной'; можно думать, что хребет назван по интересующей нас седловине, т. к. других перевалов там нет.

Курган имеет прямоугольную ограду 22 x 24,5 м, вытянутую с юга на север и ориентированную по сторонам света с небольшим отклонением. Его каменная, слегка возвышающаяся насыпь нарушена грабительской воронкой, размерами 5,6 x 6,2 м. Каждая сторона ограды, вероятно, имела первоначально по шесть вертикальных менгиров, большинство которых в настоящее время сломано (*Рис. 2*).

Рис. 1.

Курган на перевале Чарых-Пиль (вид с юго-востока); на дальнем плане — долина рек Большой и Малый Сыр. Фотографии 1—12 сделаны И. Л. Кызласовым.

Рис. 2.

Курган на перевале Чарых-Пиль (вид с юго-запада). Второй высокий менгир с западной стороны ограды содержит надпись.

Надпись нанесена на один из простеночных менгиров с западной стороны ограды. Высота прямоугольного в сечении менгира — 169 см, ширина — 82 см, толщина у основания — 24 см. Высота грани с надписью — 170 см (*Рис. 3*).

Вертикальная руническая надпись из 16 букв нанесена на западной узкой грани камня, следует ее ступенчатому рельефу и вырезана поверх неясных изображений, выполненных техникой точечной выбивки (*Рис. 4*). Первый знак расположен в 16 см от грунта; выше знаков есть пригодное для письма, но свободное пространство, следовательно, надпись сохранилась полностью. Общая длина текста — 57,5 см. Строка надписи разделяется на три части, согласно ступенчатому рельефу менгира (*Рис. 5*). Нижний вертикальный участок строки на протяжении 25,5 см содержит 8 букв (*Рис. 6—9*). На короткой горизонтальной поверхности три знака занимают 6,5 см (*Рис. 10*). Последний вертикальный участок (29 см) содержит остальные руны (*Рис. 11, 12*).

Рис. 3.

Курган на перевале Чарых-Пиль; слева — менгир и плоскость с надписью.

Рис. 4.

Перевал Чарых-Пиль. Западная грань менгира, надпись в нижней части правой стороны.

Рис. 5.

Ступенчатая поверхность с надписью.

Рис. 6.

Первые буквы надписи: $t's'$.

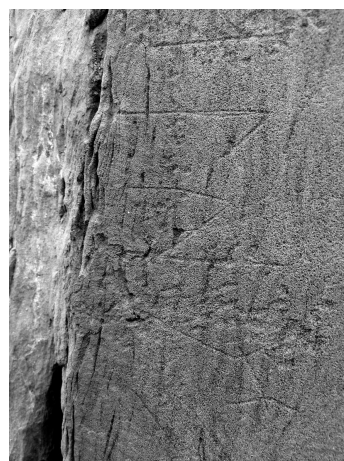

Рис. 7.

Руны 2—4: $\check{s}'q\check{i}$ (точная выбивка, перекрытая надписью).

Рис. 8.

Руны 4—8: $\check{i}r'ar't'$ (точная выбивка, перекрытая надписью).

Рис. 9.

Руны 6—8: $ar't'$.

Рис. 10.

Руны 9—11: $t's(l)'$.

Рис. 11.

Руны 12—16: $\dot{y}j^1 o(u)l^1$.

Рис. 12.

Верхняя часть надписи.

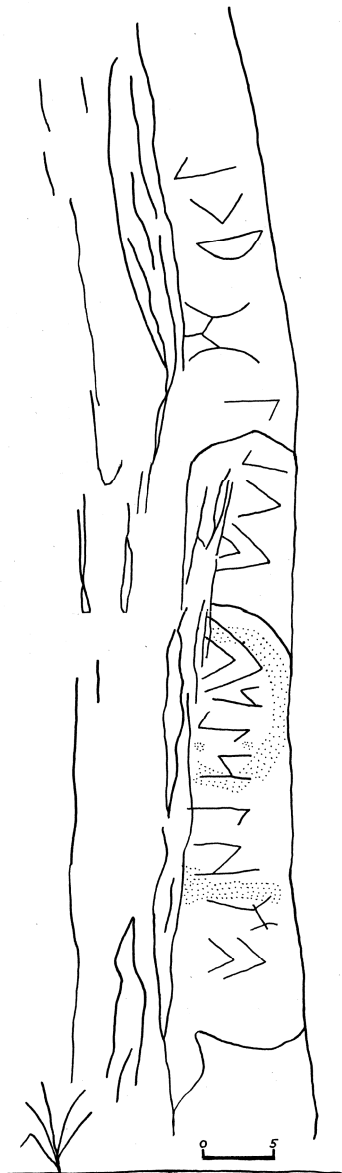

Рис. 13.

Прорисовка надписи,
выполненная И. Л. Кызласовым.

Текст вырезан уверенно, тонкими линиями, без исправлений. Единственная правка — двойная линия в верхней части пятого знака (Г). Ширина образующих руны борозд — от 0,3 до 0,8 мм; особенно широки борозды трех верхних знаков — они близки к 1 мм. Высота букв — от 3,2 до 8 см, в основном — 4—5,2 см. Текст, лишенный словоразделительных отметок, читается справа налево и снизу вверх (Рис. 13).

Надпись

↓ (15) > D > C T ↓ (10) ^ & & M J (5) M T H Y &

Транскрипция

t(a)š qira (a)rt t(a)šlīy jol

Перевод

‘(Это) горный перевал Каменистой пашни (и) каменистая дорога’.

Разбор

1—2, 9—10. Этими рунами записано слово *taš* ‘камень’ [ДТС 1969: 539], в обоих случаях служащее определением. С помощью аффикса *-līy* (руны 11—13) образуется прилагательное обладания¹. Поскольку руной 2 в енисейском письме бывает также записано *s*, формально первое слово можно читать и как *tas* ‘плохой, захудалый’, однако представляется, что это не соответствует контексту.

3—6. Слово *qira* ‘пашня, поле’ [ДТС 1969: 445], насколько известно, впервые встречено в енисейских надписях.

7—8. *Art* ‘горный перевал’ [ДТС 1969: 55].

14—16. *Jol* ‘дорога, путь’ [ДТС 1969: 270]. Из-за двусмысленности руны > *o/u* слово может быть формально прочитано и как *jul* ‘источник, ручей’. Прямо за перевалом у полевой дороги, ведущей к Аскизу, действительно есть родник и небольшой ручей, но определять его как каменистый, пожалуй, нет оснований. К тому же данная надпись нанесена на придорожный курган на перевале, обращена к дороге и находится довольно далеко от родника.

¹ В словарях древнетюркского языка [ДТС 1969; EDT 1972] не зафиксировано прилагательного на *-līy* от *taš*, однако в значении ‘каменистый’ функционирует «потомок» такого производного в современном хакасском языке: *тастыг чир* ‘каменистая местность’, *тастыг чол* ‘каменистая дорога’.

Палеография

Публикуемая надпись принадлежит к классическому енисейскому письму (см. облик знаков $\hat{a}t^1$, $\Psi/\wedge \dot{s}^1/s^1$). В начертании руны $\hat{a}t^1$ (знаки 1, 8, 9) верхний угол целиком накрывает нижний, достигая его основания; такая форма буквы имеет датирующее значение, т. к. является ее наиболее поздним графическим вариантом [Кызласов 1994: табл. XXV, Б, 9—10]. Насколько можно судить, он отмечает надписи, близкие к X в. Вполне обычные на скалах, но довольно редко встречаемые в эпитафиях, знаки такого облика отмечены, однако, на стеле Бай-Булун I (Е 42) [Васильев 1983: 137, табл. 27, 3], относящейся к середине X в. [Кызласов 1960: 102, 114, 119, № 42, рис. 6, 4—9; Кызласов 1965: 47, № 26]. Из осторожности мы датируем надпись Чарых-Пиль второй половиной IX в. — первой половиной X в. Такому хронологическому определению не противоречит и применение руны Ψ (знак 2): эта буква используется в течение всего известного ныне периода существования енисейских эпитафий (середина VIII в. — рубеж X—XI вв.) [Кызласов 1994: 92].

Резная техника надписи в ряде случаев позволяет выявить последовательность нанесения знаков (Рис. 14): так, руны 3—7, 11 и 13 наносились справа налево, в то время как буквы 1, 2, 14 и 15 — слева направо. Первое построение, присущее большинству знаков, вполне естественно для рунического правостороннего письма; принадлежность рун 14 и 15 ко второй группе не показательна — они не могут быть написаны иначе. Однако порядок начертания букв 1 и 2, вероятно, свидетельствует о знакомстве автора и с левосторонней письменностью. Подобное проявление знания по крайней мере двух письменных систем одним человеком обнаруживалось ранее и в других енисейских надписях; оно может объясняться изучением рунического письма уже грамотными к тому моменту манихейскими миссионерами, направлявшимися в тюркоязычную среду [Кызласов 2000: 84, 88, 97, 104, рис. 2, 1, 5, 9]. Эта особенность согласуется со спецификой правописания, присущей данной надписи.

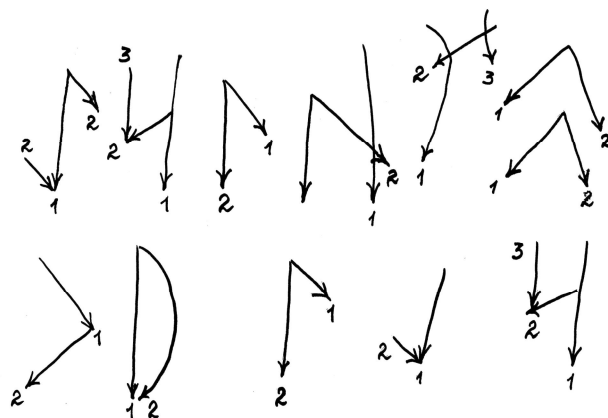

Рис. 14.

Порядок нанесения рун 1—7, 11, 12, 14, 15: стрелка — движение резца, цифра — последовательность борозд.

Орфография

Орфография надписи принадлежит к полногласному руническому письму, поскольку в ней последовательно обозначен узкий гласный звук, обычно опускавшийся, — Γi (знаки 4 и 12). Особенностью такого правописания является также пропуск на письме широкого негубного гласного (\sqrt{a}) в закрытом слове, последовательно (трижды) примененный в данном тексте (см. транскрипцию выше). Такая орфография указывает на манихейское образование автора граффити [Кызласов 1997: 165—177; Кызласов 1999а].

Привлекает внимание двоякое написание второго согласного одного и того же слова *taš*: в первом случае через руны Ψ (знак 2), а во втором — через \wedge (руна 10). Чем это объяснить, решить трудно²; следует, однако, дополнить давние наблюдения Е. Д. Поливанова (1925 г.) и Э. Р. Тенишева [Тенишев 1971; Тенишев 2006: 236—242], основанные на памятниках орхонского письма, указанием на не менее часто встречающийся «перебой» рун для *s* и \dot{s} в енисейских по алфавитной принадлежности эпиграфических материалах (хотя это явление и не описано пока подробно). Следует ли, как полагали почтенные предшественники в отношении собственно тюркской аристократии, видеть и здесь воздействие китайского языка на речь и письменность древнехакасских грамотеев?

² Опасаемся думать, что двоякое написание вызвано различием между литературным произношением слова *taš* и местным разговорным *tas*, т. е. уже свершившимся ко времени создания граффити переходом конечного \dot{s} в *s*, характерным для ряда живых саяно-алтайских тюркских языков, включая хакасский. Показательно, что аффикс обладания имеет в надписи облик *-liŋ* (*tašliŋ*), что соответствует литературному руническому языку, очевидно, свидетельствуя, что глухой вариант (ср. хак. *тастыг* ‘каменистый’) либо еще не сложился, либо не проник в письменную речь образованной части общества; так же, как начальный *j* (*jol*) еще не сменился \dot{c} (хак. *чол* ‘дорога’).

Историко-культурный взгляд

Историко-культурная сторона надписи Чарых-Пиль в настоящее время, пожалуй, не может быть понята: нет надежных оснований для прояснения заложенного в ней смысла и цели ее создания. Сегодня это всего лишь десятая известная енисейская надпись, нанесенная на камень кургана тагарской культуры. Жанр этих надписей не установлен; все они кратки и труднопонимаемы [Кызласов 1994: 183, рис. 16, 17, 23; Кызласов 1999б: 284—285, рис. 30], предложенные прочтения критикуются коллегами³. Часть этих надписей требует дополнительного полевого изучения, другие все еще остаются непрочитанными.

Однако, как бы то ни было, ни одна из этих надписей не имеет отношения к поминальным обрядам, якобы совершавшимся в средневековье на курганах раннего железного века, как о том иногда думают филологи [Кормушин 1997; Кормушин 2008: 21—28] и историки [Кляшторный 2000]; на недопустимость такого понимания уже приходилось указывать [Кызласов 2005: 431]. Дело в том, что такого обычая на Среднем Енисее не существовало: места поминальных эпохи рунического письма надежно установлены археологией — обряды происходили перед восточной или юго-восточной стороной раннесредневековых погребальных курганов, т. е. у самого места погребения усопших витязей. Вопреки представлениям С. Г. Кляшторного [Кляшторный 2000: 42], население Среднего Енисея (носители енисейской письменности) не строило «отдельных поминальных сооружений». Не было на этих землях, не входивших ни в Первый, ни во Второй тюркские каганаты, и поминальников, присущих народу *тюрк*, который (о чем нельзя забывать) не использовал енисейское письмо и не делал надписей на курганах раннего железного века.

И все же есть надежные основания для того, чтобы в целом понять причину нанесения енисейских рунических надписей на камни древних курганов. Прямое содержание текста Чарых-Пиль выглядит как путевой указатель: «(Вот) перевал Каменистой пашни и каменистый путь». Такого рода надписи, называющие местности и объекты, до сих пор были известны только среди наскальных граффити енисейского письма: как в Хакасско-Минусинской (Тепсей II, Е 112; *t(e)ps(e)j k(e)č(i)g* ‘Тепсейская переправа’, т. е. переправа у горы Тепсей) и Тувинской котловинах (Хая-Бажи II, Е 24/2; *q(a)ra s(e)η(i)r k(e)čig* ‘Кара-Сенгирская переправа’), так и на Горном Алтае (Бичикту-Бом I; *s(e)η(i)r q(a)j(a) (e)bi* ‘обитель Выступающей скалы’ [Кызласов 2004: 112—115, рис. 1]).

Такие наскальные надписи бывают не только предельно лаконичными, но и более распространенными. В этих случаях они содержат определенные восхваления, которые указывают на существование культов, связанных с объектами, например: *t(e)ps(e)j k(e)č(i)g qutl(u)γ k(e)č(i)g* ‘Тепсейская переправа — благодатная переправа’ (Тепсей IV, Е 114). Встречаются и прямые указания на обожествление гор: *t(ä)nr(i)dä qutluy t(e)ps(e)j t(ä)nr(i)* ‘с Неба (исходящей) благодатью наделенное божество Тепсей’ (Тепсей V, Е 115), — и молитвы к Верховному божеству, вырезанные на скалах.

При учете этого становится понятной и другая категория надписей, указывающая на существование писаниц: *b(e)d(i)zl(i)g q(a)ja* ‘скала с изображениями’ (Тепсей I, Е 111), — а затем и определение скал с рисунками, раскрывающее природу поклонения им: *b(e)ηkü q(a)ja* ‘вечная скала’ (Сулек I, Е 39/1), *m(e)ηkü q(a)ja* (Сулек II, Е 39/2) [Кызласов 1994: 183—188, рис. 18, 19]. Как известно, «вечными камнями» (*beηgü taš*) стелы с енисейскими эпитафиями называли их создатели; облик этих камней с поминальными надписями раскрыл для нас представления о вечности. Ни один из этих камней не был добыт в каменоломне и не был обработан каменотесом — для нанесения енисейских эпитафий использовались только древние, многие столетия простоявшие в степи менгиры раннего железного века, а также изваяния бронзового века и более ранних, еще энеолитических времен⁴ [Кызласов 2005: 435, 444; Кызласов 2006: 27—28].

Таковыми же вечными — существовавшими от создания мира и пребывающими до конца времен — были, по представлениям древних хакасов, и курганы со стоящими вдоль ограды камнями, археологами именуемые «тагарскими» — вслед за условным названием оставившей их тагарской культуры раннего железного века⁵. Именно на это указывает енисейская надпись на менгире такого кургана в с. Усть-Сос

³ Первостепенное значение имеет правильное восприятие рун. Чтение И. В. Кормушина [Кормушин 1997; Кормушин 2008: 21—28] основано на ошибочном понимании первой буквы надписи Усть-Сос, Е 134: текст начинается не руна \mathfrak{J}^2 , дающая чтение *j(e)r*, а ясно различимая руна $\mathfrak{Y}k$. Хотя слово *kr²* (см. Рис. 15) пока непонятно, оно неслучайно, т. к. начинается и не прочитанную пока надпись Е 75 на кургане Салбыкской долины. Сложно принять и предлагаемое тюркологом понимание последних знаков надписи Е 134, их следует уточнить по подлиннику. Последний знак надписи на кургане близ оз. Белё ($\mathfrak{N} n^2$) неправомерно читать как s^1 [Кляшторный 2000: 40, 42], т. к. руна для s^1 дважды начертана там иначе — \mathfrak{Y} .

⁴ В этом состоит кардинальное отличие енисейских эпитафий от орхонских.

⁵ Отражение в енисейских надписях представлений о вечности и священности земли см. в [Кызласов 1998] (транскрипции надписей испорчены опечатками).

Бейского района Республики Хакасия (Е 134): «...(вот) вечный камень (и) вечная земля...» (при различных интерпретациях частей надписи такое содержание равно признается И. Л. Кызласовым [Кызласов 1994: 183, рис. 17, 2] и И. В. Кормушиным [Кормушин 1997; Кормушин 2008: 26—28]).

Рис. 15.

Начало надписи на менгире кургана в с. Усть-Сос. Фото С. Г. Нарылкова.

Из такого мировоззрения носителей енисейского письма, их восприятия вечности и ее проявлений (земли, скал, древних вертикальных менгиров и изваяний) и следует исходить, обращаясь к прочтению и анализу кратких рунических надписей, некогда нанесенных на камни курганов раннего железного века в Хакасии (даже таких внешне простых, как надпись Чарых-Пиль). Эти древние, исконные, восходящие к доманихейскому мировоззрению, представления тюркоязычных народов о вечности и изначальности скалистых гор и водруженных в степях камней позволяют надеяться на выявление именно в этой сфере рунической письменности воззрений и даже надписей, предшествующих приходу религии пророка Мани на Енисей.

Сокращения

ср. — сравните

хак. — хакасский язык

Литература

- Васильев 1983 — *Васильев Д. Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., 1983.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. *Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Л.*, 1969.
- Кляшторный 2000 — *Кляшторный С. Г.* Об одной новой находке енисейской руники // *Altaica*. Вып. 4. М., 2000. С. 39—42.
- Кормушин 1997 — *Кормушин И. В.* Тюркская руническая надпись Е-134 из с. Усть-Сос, Хакасия // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. 1. Абакан, 1997. С. 119—122.
- Кормушин 2008 — *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии: Грамматика, текстология. М., 2008.
- Кызласов 1994 — *Кызласов И. Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
- Кызласов 1997 — *Кызласов И. Л.* Разновидности древнетюркской рунической орфографии: Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. L. Fasc. 1—3. Budapest, 1997. С. 163—184.
- Кызласов 1998 — *Кызласов И. Л.* Священная земля тюрков по руническим надписям // *Древние цивилизации Евразии: История и культура. Тезисы докладов международной конференции*. М., 1998. С. 53—55.
- Кызласов 1999а — *Кызласов И. Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // *Вопросы тюркской филологии*. Вып. 4. М., 1999. С. 85—112.
- Кызласов 1999б — *Кызласов И. Л.* Эпиграфическая поездка в Хакасию // *Археологические открытия 1997 года*. М., 1999. С. 283—285.
- Кызласов 2000 — *Кызласов И. Л.* Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // *Древности Алтая*. Вып. 5. Горно-Алтайск, 2000. С. 82—112.

Кызласов 2004 — *Кызласов И. Л.* Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л. Р. Кызласова. М., 2004. С. 111—129.

Кызласов 2005 — *Кызласов И. Л.* Особенности тюркской рунологии // Центральная Азия: Источники, история, культура. М., 2005. С. 427—449.

Кызласов 2006 — *Кызласов И. Л.* Духовное развитие Южной Сибири в свете енисейской эпиграфики // Средневековая археология евразийских степей. Сборник статей к юбилею профессора С. А. Плетневой. (Материалы по археологии Поволжья. Вып. 3.) М.—Йошкар-Ола, 2006. С. 19—39.

Кызласов 1960 — *Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960, 3. С. 93—120.

Кызласов 1965 — *Кызласов Л. Р.* О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965, 3. С. 38—49.

Тенишев 1971 — *Тенишев Э. Р.* Перебой *s/š* в тюркских рунических памятниках // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 289—295.

Тенишев 2006 — *Тенишев Э. Р.* Перебой *s/š* в тюркских рунических памятниках // Избранные труды. Кн. 2. Уфа, 2006. С. 236—242.

EDT 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

РЕЗЮМЕ

В статье публикуется новая енисейская руническая надпись, обнаруженная в 2012 г. на одном из менгиров кургана раннего железного века в Хакасии, приводится ее палеографическое и орфографическое описание. Жанр этих редких письменных отметок пока плохо изучен, а сами надписи и смысл их нанесения на древние курганы сложны для понимания.

SUMMARY

The authors publish a new runiform (runic) inscription found in the middle course of the Yenisei River in the Republic of Khakassia in 2012 and give its paleographic and spelling description. Nowadays the genre of these rare inscriptions is badly studied and it is difficult to understand them and the sense of making such inscriptions.

Ключевые слова: енисейские рунические надписи, курганы раннего железного века, Хакасия, палеография

Keywords: runiform (runic) inscriptions, Yenisei alphabet, Khakassia, Southern Siberia, paleography

Прасамодийское ударение и его внешние соответствия

Часть II. Внешние соответствия селькупского разноместного ударения в северно-самодийских и финно-угорских языках ¹

В **первой части** статьи, опубликованной в прошлом номере журнала «Урало-алтайские исследования» [УАИ 2012, 1(6)] (см. [Норманская 2012]), был проведен анализ разноместного, фонологически значимого ударения в южных и центральных диалектах селькупского языка, сделанный на основе материалов архива А. П. Дульзона и полевых данных по диалекту обских чумылькупов с. Парабель (Томская область). Было выявлено, что ударение в селькупских диалектах имеет парадигматический характер и может быть описано в терминах акцентных маркировок / валентностей ² корней и суффиксов. В результате проведенного анализа были реконструированы праселькупские акцентные маркировки / валентности, которые у корней и суффиксов с гласными полного образования сохранились без изменений во всех центральных и южных селькупских диалектах и постепенно менялись, переходя из «плюсовых» в «минусовые», у все большего количества суффиксов с редуцированными гласными в направлении от центральных к наиболее южным диалектам.

Во **второй части** статьи описаны результаты поиска внешних соответствий селькупских акцентных маркировок корней в северно-самодийских и финно-угорских языках. Данная, вторая, часть статьи состоит из трех разделов.

В **первом разделе** рассмотрены 1) акцентная система с реликтами разноместного ударения в энецком языке (по архивным материалам М. А. Кастрена) и 2) противопоставление по долготе / нейтральности в тундровых диалектах ненецкого языка по словарю [Lehtisalo 1956].

Во **втором разделе** приведен полный список корней, рефлексии которых в результате анализа, проведенного в первой части статьи [Норманская 2012], получили акцентную маркировку в селькупском языке, а также найдены этимологические параллели этим словам в ненецком и энецком ³ языках (по словарям [Lehtisalo 1956; Janhunen 1977]). На основании сопоставления акцентных маркировок корней в селькупском и энецком языках и количественного противопоставления ненецких гласных реконструируются прасамодийские (далее — ПС) акцентные маркировки и выявляется связь между маркировкой ПС корня и рефлексацией прауральских гласных в ПС языке.

В **третьем разделе** кратко описаны первые результаты поиска внешних соответствий ПС акцентных маркировок в южных и северных хантыйских диалектах, разноместное ударение в которых зафиксировано в неизданных материалах М. А. Кастрена и полевых данных 2012 г., собранных С. В. Оиной.

1. Ударение в северно-самодийских языках, его соответствия в селькупских диалектах и реконструкция прасамодийского ударения

Традиционно принято считать, что разноместное ударение отсутствует в энецком [Терещенко 1993: 345] и нганасанском [Helimski 1997: 483] языках. В ненецких же диалектах ударение не фиксировано на определенном слоге и фонологически значимо (см., например, [Терещенко 1965: 864]): примеры минимальных пар слов в Т ненец., которые различаются только местом ударения, можно видеть в словаре [Терещенко 1965]; однако, к сожалению, не существует словаря с проставленным ударением во всех словарных статьях для Т ненец., а также отсутствует информация о возможных изменениях места ударения при словоизменении. Для лесного диалекта ненецкого языка существует словарь с указанием на место ударения в исходной словоформе [Попова 1978], но он небольшого объема и не содержит информации об изменении места ударения в парадигме той или иной лексемы.

По всем трем северно-самодийским языкам были собраны полевые материалы с целью верификации информации о правилах постановки ударения: М. К. Амелиной по ненецким диалектам, А. Б. Шлуинским по энецким и В. Ю. Гусевым по нганасанским. Полевые данные подтвердили традиционную точку зрения

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ №11-04-00049а и №12-04-269.

² Подробнее об определении термина «акцентная валентность» см. [Дыбо 2000: 11—12].

³ Для энецкого только в тех случаях, когда на основании записей М. А. Кастрена удается установить акцентную маркировку корня.

о месте ударения в северно-самодийских языках. В нгансанском языке в подавляющем большинстве словоформ место ударения, по данным, полученным В. Ю. Гусевым, определяется правилом, сформулированным в терминах фонологического состава словоформы и описанным в [Helimski 1997: 483]. Характер ударения в энецком языке на основании записей, сделанных А. Б. Шлуинским по специально составленной нами анкете, имеет весьма интересный, даже необычный с типологической точки зрения характер.

Анализ энецких данных с помощью фонетической программы Praat дал следующий результат: в большинстве словоформ ударение отчетливо и единообразно падает либо на первый, либо на непервый слог во всех произнесениях. Нам не удалось выявить правила, основанного на фонетической или морфологической структуре словоформы, которое бы определяло место постановки иктуса. Таким образом, следовало бы предполагать, что место ударения в непроемных словах должно задаваться списком, что характерно для систем с парадигматическим типом акцента. Однако оказалось, что в ряде словоформ в разных произнесениях одной и той же фразы (и в разных фразах) ударение может падать то на первый, то на непервый слог слова. В настоящее время мы не можем точно определить тип акцентной системы современного энецкого языка. Но, учитывая то, что язык находится на грани исчезновения и фактически нет носителей, которые общались бы на нем в повседневной жизни, можно предположить, что так выглядит система парадигматического ударения на этапе ее исчезновения. Это предположение удалось косвенно подтвердить благодаря анализу собранных в 1844 г. материалов по энецкому языку из архива М. А. Кастрена.

1.1. Акцентная система энецкого языка по материалам М. А. Кастрена

В результате работы с архивными неизданными энецкими материалами М. А. Кастрена в 2011 г. нам удалось выявить, что в ряде словоформ проставлено ударение, которое по неизвестным причинам было опущено в издании этой рукописи [Schiefner 1855]. Введение в научный оборот энецких данных, собранных М. А. Кастреном, в полном объеме — дело будущего. Как нам сообщили в Обществе им. М. А. Кастрена (г. Хельсинки), в настоящее время этой задачей занимается немецкий ученый Ф. Зигл. В данной статье мы остановимся только на вопросе о правилах постановки ударения в энецких материалах М. А. Кастрена.

В непроемных словах, имеющих прасамодийскую этимологию, ударение в подавляющем большинстве случаев падает на первый слог. Однако был также выявлен ряд производных слов, в которых при одном и том же суффиксе и разных корнях ударение может падать как на первый, так и на непервый слог; таких суффиксов всего пять: *-i-bo*, *-a-bo*, *-t/da-bo*, *-ra-bo* и *-ba-bo*⁴. Ниже (в Таблице 1) приводится полный список слов, образованных с помощью этих суффиксов.

Таблица 1

Разноместное ударение в материалах архива М. А. Кастрена⁵

ударение на корне	ударение на суффиксе
<i>něhibo</i> 'взять'	<i>oi'bo</i> 'дождал' <i>jet'bo</i> 'клеил' <i>bir'bo</i> 'пил' <i>noot'bo</i> 'прямо сделал'
<i>tá'abo</i> 'толкнуть' <i>sóru'abo</i> 'тряс'	<i>sóra'ábo</i> 'трясал' <i>jábu'ábo</i> 'настиг'
<i>jóri'abo</i> 'стегать'	
<i>lúmitabo</i> 'испуган' <i>tédabo</i> 'принести'	<i>jubedábo</i> 'тепло стало' <i>eitábo</i> 'сказать'
<i>sígortaba</i> 'зажечь'	<i>juratábo</i> 'забыл' <i>ljiratábo</i> 'заторопил'
	<i>mokatábo</i> 'поставил' <i>toudábo</i> '??'
	<i>motadábo</i> 'вырезал' <i>faddatábo</i> 'наполнил'
<i>mújorabo</i> 'сделал' <i>jérabo</i> 'стрелял'	<i>(f)órarábo</i> 'жарить' <i>jilrábo</i> 'поднять'
<i>sárarabo</i> 'шью' <i>júforabo</i> 'распел'	<i>sěbrábo</i> 'привечал' <i>jahlrábo</i> 'знаю'
<i>sójarabo</i> 'родил' <i>kárabo</i> 'убил'	<i>serolrábo</i> 'завертел'
<i>súbabo</i> 'выбрать'	<i>soabábo</i> 'родил'

Как объяснить тот факт, что в большинстве суффиксальных производных в энецком языке ударение ставится на корень или на суффикс в зависимости от типа суффикса и независимо от корня, а при этих

⁴ Это каузативные аффиксы с тематическими гласными, а *-bo* — показатель первого лица субъектного спряжения настоящего времени.

⁵ Значения слов приведены без изменений по архивным материалам М. А. Кастрена.

пяти суффиксах наблюдается двойственность: с одним и тем же суффиксом может быть ударным то корень, то суффикс? Можно предположить, что энецкая акцентная система, зафиксированная в материалах М. А. Кастрена, демонстрирует состояние перехода от парадигматической⁶ системы ударения к системе с категориальным принципом организации акцента⁷. Возникают два вопроса: 1) как в рамках этой гипотезы можно проинтерпретировать конкретные словоформы; 2) почему предполагается направление развития от парадигматической к категориальной акцентной системе, а не наоборот?

1) Мы предполагаем, что в энецком языке на этапе существования парадигматической акцентной системы контурное правило было аналогичным селькупскому (подробнее см. первую часть настоящей статьи [Норманская 2012: 128]) и, вероятно, унаследованным из прасамодийского языка: если в словоформе **есть плюсовые морфемы**, то ударение ставится на **первую плюсовую морфему**; если в словоформе **только минусовые морфемы**, то ударение ставится на **первую минусовую морфему**. Тогда рассмотренные нами словоформы с пятью выделенными суффиксами (в которых ударение падает то на корень, то на суффикс) могут быть проинтерпретированы как производные с суффиксами, имеющими плюсовую маркировку / валентность, и корнями с плюсовой маркировкой / валентностью в тех случаях, когда ударение падает на корень, и корнями с минусовой маркировкой, когда ударение падает на суффикс. В остальных примерах из материалов М. А. Кастрена, когда в производных с каждым конкретным типом суффикса ударение падает либо всегда на корень, либо на суффикс, произошла категоризация акцента.

2) Как пишет В. А. Дыбо в [Дыбо 2000: 10] и других работах, посвященных типологии акцентных систем, для системы с парадигматическим акцентом стандартным является развитие от парадигматического типа организации акцента к категориальному. Это направление развития мы предполагаем и для энецкого языка, во-первых, потому что оно встречается и в других языках мира (а развитие от системы с категориальным акцентом к системе с парадигматическим акцентом в языках мира не выявлено); во-вторых, потому что системы с парадигматическим акцентом представлены в селькупских диалектах (см. [Норманская 2012] и раздел 1.2. настоящей статьи) и, вероятно, должны реконструироваться для прасамодийского языка.

1.2. Происхождение гласных разных степеней длительности в ненецком языке⁸

Как неоднократно было показано в работах Т. Салминена и других исследователей ненецкого языка (см. подробную историю вопроса в статьях [Salminen 1993, 2007]), для протоненцкого языка реконструируется следующая система гласных фонем: одна редуцированная гласная фонема (*ə), пять ней-

⁶ В. А. Дыбо дает следующее определение парадигматических акцентных систем. «Под парадигматическими акцентными системами понимаются такие системы, которые характеризуются двумя или несколькими типами поведения акцента в слове, именуемыми акцентными типами или акцентными парадигмами, по которым распределяются все слова соответствующего языка следующим образом:

1) в корпусе непродуцированных основ выбор акцентного типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или значении этого слова, а является присущим данному слову (приписанным ему) традиционно;

2) в корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип)» [Дыбо 2000: 10].

⁷ «(...) часть словообразовательных типов выбирает определенный акцентный тип механически, независимо от акцентного типа производящего; таким образом, в этой группе лексики (соответственно, части словообразовательной системы) акцентный тип оказывается непосредственно связанным с категорией лексики (словообразовательным типом). Подобный характер связи акцентного типа получил наименование “категориальный принцип организации акцентной системы”» [Дыбо 2000: 10].

⁸ Здесь и далее основным материалом по тундровым диалектам ненецкого языка являются записи Т. Лехтисало [Lehtisalo 1956]; в первую очередь мы приводим формы, записанные в районе Обдорска (ныне — Салехард). Недавно были опубликованы две статьи М. К. Амелиной [Амелина 2011, 2012], посвященные ударению в производных именах в ямальском, канинском и гыданском диалектах Т ненец. К сожалению, в материалах, приведенных в работах М. К. Амелиной, мало этимологических аналогов селькупских корней, для которых в [Норманская 2012] удалось установить акцентную маркировку, поэтому в настоящей статье эти данные не рассматриваются. Представляется, что публикация дальнейших материалов о месте ударения не только в именительном падеже непродуцированных имен, но и в глаголах, а также при словоизменении и словообразовании в тундровых и лесных диалектах ненецкого языка, которую планирует М. К. Амелина, позволит значительно расширить наши знания об этой проблематике и привлечь ненецкие диалектные словоформы к полноценному сравнению с селькупскими данными, описанными в [Норманская 2012].

тральных по долготе гласных фонем (*i, *e, *a, *o, *u), один дифтонг (*æ), две долгие гласные фонемы (*ī, *ū).

Эта система, по мнению Т. Салминена, сохранилась практически без изменений в тундровом диалекте ненецкого языка, тогда как в лесном диалекте произошли значительные изменения, которые повлияли как на качественные, так и на количественные характеристики гласных (подробный анализ этих изменений см. в работе [Salminen 2007]). Здесь мы кратко перечислим основные количественные изменения в лесном диалекте ненецкого языка: 1) *a > ä, *æ > ä̃, *i > ī, *u > ū (появляются четыре краткие гласные фонемы в Л ненец.); 2) *ī > i, *e > e, *a > a, *æ > ä, *o > o, *ū > u (появляются шесть нейтральных по долготе гласных фонем в Л ненец.)⁹.

Известны ли прасамодийские источники протоненецких гласных фонем, которые практически без изменений сохранились в тундровом диалекте? Оказывается, что окончательного ответа на этот вопрос нет. Дело в том, что основными работами о происхождении фонем в современных самодийских языках являются неизданные материалы Ю. Янхунена, которые он раздавал на своих лекциях (эти материалы были любезно предоставлены нам Е. А. Хелимским), и монография [Mikola 2004]. В этих источниках не объяснено происхождение долгих гласных в ненецком языке. Это же заключение эксплицитно представлено и в работе Т. Салминена [Salminen 1993]; правда, он указывает, что, по его предположению, они имеют в основном контракционную природу (т. е. возникли из стяжений), и обещает, что подробный анализ их происхождения будет в дальнейшем дан в его совместной статье с Ю. Янхуненом. Однако в течение почти двадцати лет, прошедших с момента публикации тех строк, статья с описанием позиций появления долгих протоненецких гласных так и не появилась. Таким образом, вопрос о прасамодийском и далее — прауральском происхождении протоненецкого вокализма остается открытым.

В результате проведенного анализа нами было обнаружено, что любая **нейтральная по длительности прауральская гласная**, за исключением *i (т. е. ПУ *i, *e, *ä, *a, *o, *u)¹⁰, может быть **источником как нейтральных по длительности** (по [Salminen 1993, 2007]) / **долгих** (по [Lehtisalo 1956]), так и **кратких** (по [Salminen 1993, 2007]) / **нейтральных по длительности** (по [Lehtisalo 1956])¹¹ **гласных в тундровых диалектах ненецкого языка** (см. примеры в Таблице 2).

Подобная «двойная» (с точки зрения количественной характеристики гласных) рефлексация наводит на мысль о различных просодических характеристиках прасамодийских и, возможно, даже прауральских гласных. Учитывая тот факт, что в селькупском языке представлено разноместное ударение, мы предположили, что следует соотнести позиции появления долгих и кратких протоненецких гласных, без изменения сохранившихся в тундровых диалектах, и плюсовые / минусовые основы в селькупском языке.

2. Генезис прасамодийского вокализма в зависимости от просодических факторов

Ниже проведено сопоставление 1) селькупских корней, для которых удалось определить акцентную маркировку на материале данных архива А. П. Дульзона и полевых записей нарымского диалекта селькупского языка в с. Парабель Томской области (носители И. А. Коробейникова и Я. Я. Мартынов), и 2) долготы / нейтральности гласных по длительности в тундровых диалектах ненецкого языка на примере записей Т. Лехтисало, сделанных в районе Обдорска¹² (по [Lehtisalo 1956]).

Материал представлен в двух разделах:

2.1. прасамодийские слова, которые имеют соответствия в финно-угорских языках;

2.2. прасамодийские слова, для которых неизвестны соответствия в финно-угорских языках.

Первая группа слов (раздел 2.1.) расклассифицирована по подпунктам в зависимости от прауральских гласных, которые реконструируются в этимонах ПС слов в [UEW]. В эту группу входят слова, удовлетворяющие следующим условиям: 1) в первой части статьи (т. е. в [Норманская 2012]) была установлена маркировка селькупского корня; 2) слово имеет ПС и ПУ этимологии по словарям [Janhunen 1977] и [UEW] соответственно. Если слово имеет соответствия в тундровых диалектах ненецкого языка,

⁹ Здесь мы опускаем описание качественных изменений в позициях I и Ū, которые не меняют количественных характеристик гласных.

¹⁰ Мы предполагаем, что у ПУ *i нет двух типов рефлексации в ПС языке, поскольку эта фонема реконструируется исключительно на основании ПС рефлекса *i, т. е. в тех случаях, когда в ПС другой рефлекс, например, *ä, то реконструируется не ПУ *i, а ПУ *a.

¹¹ Дальнейшее изложение материала строится на основе противопоставления долгих и нейтральных по длительности гласных в Т ненец. по [Lehtisalo 1956].

¹² В тех случаях, когда данные по долготе гласных в обдорском говоре ненецкого языка противоречат акцентной маркировке селькупских корней, мы приводим данные и других тундровых говоров ненецкого языка по [Lehtisalo 1956].

они приводятся по [Lehtisalo 1956] (в первую очередь материал обдорского говора, при необходимости и других говоров Т ненец.).

Таблица 2

**Примеры «двойной» рефлексии ПУ гласных
в тундровых диалектах ненецкого языка**

долгий гласный в первом слоге	нейтральный по длительности гласный в первом слоге
ПУ *kađa > ПС *kãjã > Т ненец. <i>χãje-</i> (О) ‘оставлять’, <i>χãjo-</i> (О) ‘оставить’; ПУ *kalma > ПС *kãlmz > Т ненец. <i>χãlmer</i> (О) ‘труп’, <i>χãlmer?</i> (О) ‘умершие, кладбище’	ПУ *lamte > ПС *lãmtz > Т ненец. <i>lãmtũ</i> (О) ‘низкий’; ПУ *lapa > ПС *lãpz > Т ненец. <i>lãbe</i> (О) ‘весло’
ПУ *koje > ПС *kãjã > Т ненец. <i>χãjer?</i> (О) ‘солнце’; ясный (о погоде); ПУ *koska > ПС *kãtã > Т ненец. <i>χãda</i> (О) ‘бабушка’	ПУ *joke > ПС *jãkã > Т ненец. <i>jaχã</i> (О) ‘река’; ПУ *korŋa > ПС *kãrã > Т ненец. <i>χarã-</i> (О) ‘прибиться к земле течением или ветром’
ПУ *kulV(-kV) > ПС *kulãjã > Т ненец. <i>χũl</i> (О) ‘ворон’; ПУ *kure > ПС *kurã ~ (? *kujrã) > Т ненец. <i>χũrã-</i> (О) ‘укреплять груз на санях’	ПУ *čukka > ПС *tãk- ~ tãkkãl > Т ненец. <i>takal-</i> (О) ‘прятать’; ПУ *puna > ПС *pãn > Т ненец. <i>paŋkãl-, panor-</i> (О) ‘плести’
	ПУ *lampe > ПС *lãmpã > Т ненец. <i>lãmbad</i> (О) ‘болото, трясина’; ПУ *šarV > ПС *šjra > Т ненец. <i>širra</i> (О) ‘снег, зима’
ПУ *ãjmã > ПС *ejmã ~ nejmã > Т ненец. <i>ñipe</i> (О) ‘игла’; ПУ *pãwe (*pãjwã [Janhunen 1981; Sammallahti 1988]) > ПС *pejwã > Т ненец. <i>pĩw</i> (О) ‘сухой, теплый ветер летом’	ПУ *ãlv- > ПС *ilã > Т ненец. <i>ila-</i> (О) ‘успокаивать’; ПУ *kakta ~ *kãktã > ПС *kitã > Т ненец. <i>šide</i> (О) ‘два’
ПУ *đimã (đũtmã) > ПС *jimã > Т ненец. <i>jĩbe, jĩme</i> (О) ‘клей’; ПУ *sile (*sũle) > ПС *tij > Т ненец. <i>čĩbe</i> (О) ‘морская сажень’	ПУ *kije (*kũje) > ПС *sãjwã > Т ненец. <i>χãeββã</i> (О) ‘водяное насекомое’ [Janhunen 1977: 132]; ПУ *kũnce > ПС *kãta > Т ненец. <i>χada</i> (О) ‘ноготь, коготь’
ПУ *kepã > ПС *kejpz- > Т ненец. <i>sĩbĩ</i> (О) ‘легкий’; ПУ *pele > ПС *pij- > Т ненец. <i>pĩũ-</i> (О) ‘бояться’	ПУ *čecã > ПС *cicã > Т ненец. <i>ĩide</i> (О) ‘дядя, младший брат матери’; ПУ *enã > ПС *inã > Т ненец. <i>ñineka</i> (О) ‘старший брат’; младший брат отца’
ПУ *iã > ПС *ejã > Т ненец. <i>ñĩse</i> (О) ‘отец’; ПУ *piŋse-me / *piŋse-me > ПС *peptãn₂ ~ pĩptãn₂ > Т ненец. <i>pĩbtĩ?</i> (О) ‘нижняя губа’	ПУ *piša > ПС *pãtã > Т ненец. <i>pađe</i> (О) ‘желчь’, <i>pađeĩlaχã</i> (О) ‘зеленый’, <i>paderãχã</i> (О) ‘цвета желчи, желтый’; ПУ *piđe (~ -kã) > ПС *pirã > Т ненец. <i>pirce</i> (О) ‘высокий’

Во вторую группу (раздел 2.2.) вошли слова, для которых 1) в первой части статьи (т. е. в [Норманская 2012]) была установлена маркировка селькупского корня; 2) слово имеет ПС этимологию по словарю [Janhunen 1977]. Ненецкие формы приводятся так же, как и в группе 2.1.

В результате анализа материала, представленного в обеих группах (разделах), мы пришли к следующим неожиданным выводам.

1) Следует реконструировать два типа акцентных маркировок для ПС корней.

1. **ПС корни с плюсовой акцентной маркировкой** имеют рефлекс:

- а) долгие (по [Lehtisalo 1956]) протоненецкие («прототундроненецкие») гласные;
- б) корни с плюсовой акцентной маркировкой в селькупских диалектах (когда ударение во всех производных фиксировано на корне).

2. **ПС корни с минусовой акцентной маркировкой** имеют рефлекс:

- а) нейтральные по длительности (по [Lehtisalo 1956]) протоненецкие («прототундроненецкие») гласные;
- б) корни с минусовой акцентной маркировкой в селькупском (когда ударение в ряде производных падает не на первый слог).

2) **Рефлексия ПУ гласных в ПС языке в корнях с плюсовой и минусовой акцентными маркировками принципиально различается.**

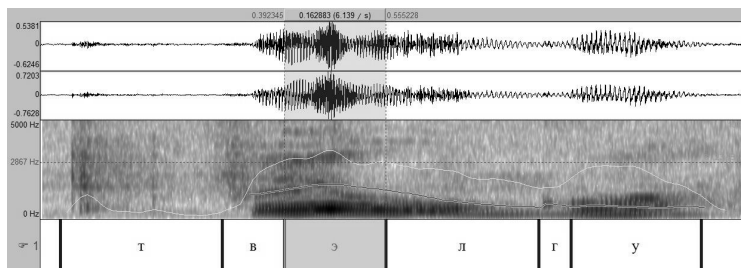
2.1. Прасамодийские слова, которые имеют соответствия в финно-угорских языках.

ПУ *a

ПС корни с плюсовой акцентной маркировкой:

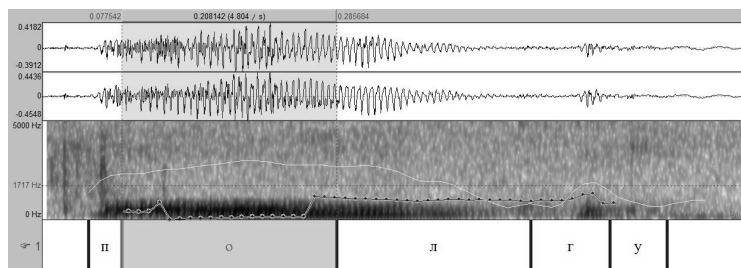
1. ПУ¹³ *sala > ПС *tälä [Janhunen 1977: 150] > Псельк. *tuälä- ‘красть’ [Alatalo 2004: 188]: сельк. Таз. *tēliqo* ‘украсть’, Пар. *твэлгу* ‘красть’, *твэрэгу* ‘воровать’, Тюхт. *твелегу* ‘украсть’, Нап. *твэлгу* ‘обокрасть’, *твелегу* ‘украсть’; Т ненец. *tāllē-* (O) ‘воровать’¹⁴;

[нарымский диалект]

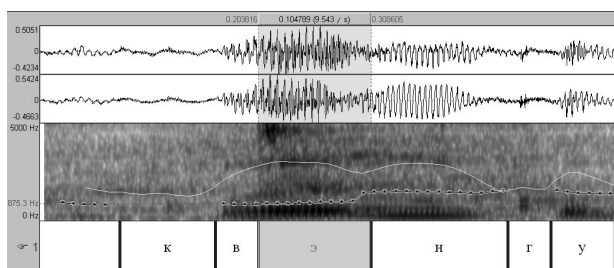
2. ПУ *pala > ПС *pälä [Janhunen 1977: 116] > Псельк. *rōlä- ‘глотать’ [Alatalo 2004: 99]: сельк. Таз. *rōliqo* ‘проглотить’, Пар., Иван. *пólгу* ‘глотать’, Чая *пólэштугу* ‘глотать’; Т ненец. *rāllē* (O) ‘глотать’;

[нарымский диалект]

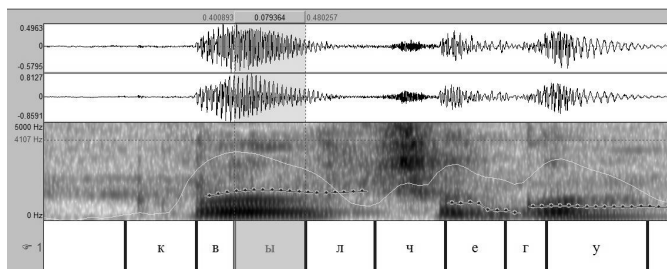
3. ПУ *kanta > ПС *kántä [Janhunen 1977: 59] > Псельк. *kuäp- ‘идти’ > *kuäntä- ‘нести’ [Alatalo 2004: 291]: сельк. Таз. *qenqo* ‘отправиться, пойти, поехать, уйти, уехать’, Пар. *кунгу* ‘пойти’, *квэнэгу* ‘пойти’, (арх.) *квонгу* ‘идти’, Тюхт. *квэнгу* ‘идти’, Нап. *квэнгу* / *квингу* ‘уйти’, *кведалгу* ‘шагать’, Ласк. *квэнгу* ‘уйти’, Мак. *кванку* ‘уйти’, Стс. *квангу* ‘сходить’, Варг. *квэнгу* ‘идти’; Т ненец. *χäpñä-* (O) ‘нести’;

[нарымский диалект]

4. ПУ *kala > ПС *kälä [Janhunen 1977: 59] > Псельк. *kuälä [Alatalo 204: 338]: сельк. Пар. *kwilčegu*¹⁵ ‘рыбачить’; Т ненец. *χällē* (O) ‘рыба’;

[нарымский диалект]

¹³ Здесь и далее ПУ формы приводятся по словарю [UEW], ПС — по [Janhunen 1977], Псельк. — по [Alatalo 2004], ненец. — по [Lehtisalo 1956].

¹⁴ Значения слов, приводимых по словарю [Lehtisalo 1956], были проверены и уточнены по словарю [Терещенко 1965].

¹⁵ Суффикс *-чегу* в нарымском диалекте селькупского языка (говоре с. Парабель) является плюсовым, т. к. при образовании словоформ с помощью этого суффикса от минусовых корней ударение падает на суффикс, например: *ырчэгу* ‘потерять’, *нэрчэгу* ‘кипеть’.

5. ПУ **kačV* > ПС **kāsāj* [Janhunen 1977: 51] > Псельк. **kōsə* [Alatalo 2004: 319]: сельк. Пар. *kóssi*¹⁶ ‘жертва’; Т ненец. *χāšsū* (O) ‘плата шаману’;
6. ПУ **aja-* (сравнение с ПС предложено Е. А. Хелимским) > ПС **ājə-* [Helimski 2007] > Псельк. **ūčə-* ‘делать ручную работу’ [Alatalo 2004: 30]: сельк. Пар. *ūdžegu* ‘работать’, Тюхт. *уду’егу* ‘работать’, Чая *учьгу* ‘работать’, Иван. *удз’ьгу* ‘трудиться’;
7. ПУ **wasa* > ПС **wātz* [Janhunen 1977: 172] > Псельк. **kuāti* [Alatalo 2004: 278]: сельк. Чая *квóдте* ‘левые’; Т ненец. *wādis’ej* (O) ‘левый; левая рука’;
8. ПУ **hacV* > ПС **hác* ~ **hácə* ~ **hácá*¹⁷ [Janhunen 1977: 105] > Псельк. **hūčə* [Alatalo 2004: 237]: сельк. Иван. *hūdžen*¹⁸ ‘траву’ (АСС); Т ненец. *hādv* (O) ‘олений мох (ягель)’;
9. (ПУ **amV-* > ПС **āmtə* (с.-самод.) ~ **āmtz* (ю.-самод.) [Janhunen 1977: 17] > Псельк. **āmti-* ‘сидеть’ [Alatalo 2004: 10]: сельк. Таз. *āmtiqo* ‘сидеть; стоять (о предмете); проживать, жить оседло (не кочуя)’, Тюхт. *амдыгу* ‘сидеть’, Нап. *амдыгу* ‘отсидеть’; Т ненец. *hāmtā* (O) ‘сидеть’¹⁹;
10. (ПУ **ajtV* (**oŋtV*) > ПС **āmtə* [Janhunen 1977: 20] > Псельк. **āmtə* ‘рог’ [Alatalo 2004: 10]: сельк. Таз. *āmti* ‘рог, рога’, Нап. *амдал’гу* / *’amgálgu* ‘бодать’, Ласк. *амдъгу* ‘бодать’, Стс. *амдалгу* ‘бодать’; Т ненец. *hāmt* (O) ‘рог’);
11. (ПУ **aŋe* (**oŋe*) > ПС **āŋ* [Janhunen 1977: 20] > Псельк. **āŋ* ‘рот’ [Alatalo 2004: 36]: сельк. Таз. *āqqa* ‘челюсть’, Нап. *амгу* ‘зевать’, *’амъгу* ‘разинуть’, Ласк. *амеинугу* ‘зевать’, Иван. *амеибугу* ‘зевать’; Т ненец. *hā*²⁰ (O) ‘рот’);
12. (ПУ **šalV* > ПС **sārə* [Janhunen 1977: 137] > Псельк. **sārə* ‘связывать’ [Alatalo 2004: 376]: сельк. Иван. *сáргу*, *сáръгу* ‘завязать’; Т ненец. *šārā* (O) ‘завязать, связать, привязать’);
13. (ПУ **kanV* (**kaŋV*) > ПС **kā-* ‘звать, просить’ [Janhunen 1977: 56] > Псельк. **kuəŋə-* ‘звать’ [Alatalo 2004: 326]: сельк. Таз. *qeriqo* ~ *qeriqo* ~ *qerqo* ‘звать, приглашать, называть (по имени)’, Тюхт. *квѣргу* ‘позвать’, Нап. *квергу* ‘пригласить’ / *квергу* ‘звать’, Ласк. *квѣргу* ‘завать’, *квѣреинугу* ‘звать’, Иван. *квѣргу* ‘подзывать’, Чая *квѣрелбыгу* ‘позвать’; Т ненец. *χāhīs* (O) ‘звать’);
14. ПУ **šarV* > ПС **sārə-* ~ **sārə-* ‘идти (о дожде)’ [Janhunen 1977: 135] > Псельк. **suəŋə* ‘дождь’ [Alatalo 2004: 378]: сельк. Таз. *sēriqo* ‘дождить; замочить дождем’, Тюхт. *хвѣра* ‘ливень’, Нап. *свѣра* ‘дождь’; Т ненец. *sārū* (O) ‘дождь’;
15. (ПУ **kajV* > ПС **kuj* [Janhunen 1977: 76] > Псельк. **kūla* ‘сосуд с ручкой’ [Alatalo 2004: 306]: сельк. Пар. *күя* ‘черпак’, Тюхт. *күя* ‘сачок’, Чая *зкүла* ‘сачок’; Т ненец. *χū* (O) ‘ложка’).

Противоречие между селькупской акцентной маркировкой корня и ненецкой долготой:

(ПУ **apV* > ПС **āpā* ‘старшая сестра’ [Janhunen 1977: 21] > Псельк. **apa* ‘старшая сестра’ [Alatalo 2004: 4]: сельк. Иван. *абá* ‘тетя’; Т ненец. *hāB’akku* (O) ‘старшая сестра’).

ПС корни с минусовой акцентной маркировкой:

1. ПУ **lamte* > ПС **lāmtV* [Janhunen 1977: 81] > Псельк. **lamtu* ‘низкий’ [Alatalo 2004: 390]: сельк. Пар. *labdāžugú*²⁰ ‘опустить; склонить голову’; Т ненец. *lamtū* (O) ‘низкий’;
2. ПУ **wata* ‘удочка для ловли рыбы’ (сравнение с ПС предложено нами) > ПС **wātə-* ‘крючок’ [Janhunen 1977: 170] > Псельк. **kotə-* ‘крючок’ [Alatalo 2004: 279]: сельк. Таз. *kota* ~ *kotj* ‘крюк’, Нап. *кодáл’жугу* / *кодáл’жугу* ‘застегнуть’, Ласк. *кодáлжугу* ‘застегнуть’, Иван. *кодá* ‘вязальный крючок’, Чая *кадá* ‘крюк’; Т ненец. *βadv* (O) ‘крючок’;

¹⁶ Суффикс *-ы* в нарымском диалекте селькупского языка (говоре с. Парабель) является плюсовым, т. к. при образовании словоформ с помощью этого суффикса от минусовых корней ударение падает на суффикс, например: *апты* ‘запах’.

¹⁷ Маркировка маркера аккузатива в кетском диалекте селькупского языка не вполне ясна, поэтому форму сельк. кет. *нүчам* (АСС) ‘траву’ в настоящее время нельзя считать еще одним доказательством минусового характера корня. Но, учитывая, что в большинстве других селькупских диалектов маркер аккузатива имеет плюсовую маркировку, представляется, что эту кетскую форму все же следует принимать во внимание.

¹⁸ Маркер аккузатива *-en* в обском диалекте селькупского языка (говоре с. Иванкино Колпашевского р-на Томской области) является плюсовым, т. к. при образовании словоформ с помощью этого суффикса от минусовых корней ударение падает на суффикс, например: *түл’сén* (АСС) ‘ружья’.

¹⁹ Здесь и далее без дополнительных комментариев (для экономии места) в скобках приводятся этимологии, в которых реконструкция вокализма недостаточно надежна; по этой причине рефлекс вокализма в таких словах не учитываются в вышеприведенной таблице. Подробный алгоритм реконструкции вокализма см. в [Норманская 2008, 2010].

²⁰ Суффикс *-əžugi* в нарымском диалекте селькупского языка (говоре с. Парабель) является плюсовым, т. к. при образовании словоформ с помощью этого суффикса от минусовых корней ударение падает на суффикс (пример см. в тексте этимологии), а от плюсовых корней — на корень, например: *чвэдэлжугу* ‘встретиться’.

3. ПУ **amta-* > ПС **ām-* [Janhunen 1977: 15] > Псельк. **am-* ‘есть’ [Alatalo 2004: 7]: сельк. Таз. *amqo* ‘съесть, привести в омертвелое состояние, сжечь, заморозить и т. д. (о стихийных силах); постигнуть (о неприятности)’, Нап. *амгү* ‘съесть’, Иван. *амгү* ‘съесть’, Ласк. *ав’ешпугу* ‘нагореть’, *амгү* ‘съесть’, Тиб. *ав’ешпугу* ‘есть’, Стс. *амгү* ‘съесть’; Т ненец. *ḡamṡṡ* (O) ‘есть’.

Противоречие между селькупской акцентной маркировкой корня и ненецкой долготой:

(ПУ **warV* > ПС **wār-* [Janhunen 1977: 170] > Псельк. **kuärä* ‘ворона’ [Alatalo 2004: 326]: сельк. Таз. *kerä* ~ Тур. *kērä* ‘ворона; тrefы (в картах)’, Тюхт. *квэр’е* ‘ворона’, Иван. *квэр’е* ‘ворона’, Ласк. *квэр’е* ‘ворона’, Нап. *квэр’е* ‘ворона’, Стс. *квэл’ер’е* ‘ворона’; Т ненец. *ḡarṡä* (O) ‘ворона’. Не вполне ясно, с чем связано ударение на первом слоге в селькупских рефлексах; создается впечатление, что ударение падает на первый слог, потому что в нем долгий гласный).

ПУ *o

ПС корни с плюсовой акцентной маркировкой:

1. ПУ **poske* > ПС **pāt-* (ю.-самод.) ~ **pātz* (с.-самод.) [Janhunen 1977: 117] > Псельк. **pūtäl* ‘щеки’ [Alatalo 2004: 69]: сельк. Тюхт. *пуде* ‘щека’, Чая *пудоль*²¹ ‘щека’; Т ненец. *päidj* (O) ‘щека’;
2. ПУ **hōḡda-* (**hōwda-*) > ПС **hō-* [Janhunen 1977: 118] > Псельк. **hō-* [Alatalo 2004: 233]: сельк. Пар. *hōdigu* ‘погнать’; Т ненец. *hōdā* (O) ‘преследовать, гнаться (за кем-либо); следовать’;
3. ПУ **komV(rV)* > ПС **kāmā* ~ **kema* ‘широко раскрытые руки’ [Janhunen 1977: 63] > Псельк. **kāmā* ‘руки; отпрыск, побег’ [Alatalo 2004: 265]: сельк. Нап. *хамалгү / камалгү* ‘охватить’, *кавалгү* ‘обнимать’, Ласк. *хавалгү* ‘обхватить’, Иван. *кавалгү* ‘обнимать’; Т ненец. *ḡēḡβāi* (O) ‘охапка’;
4. ПУ **kora* > ПС **korā* [Janhunen 1977: 73] > сельк. (центр.) Пар. *кэбон*²² (ACC) ‘шкуру’; Т ненец. *ḡōḡv* (O) ‘шкура’;
5. (ПУ **kola* > ПС **kāâ-* [Janhunen 1977: 56] > Псельк. **kū-* ‘умереть’ [Alatalo 2004: 254]: сельк. Таз. *қиго* ‘умереть; отняться (о руке, ноге)’, Нап. *күгу* ‘отживать’, Иван. *күгу* ‘умереть’; Т ненец. *ḡāṡ* (O) ‘умереть’; энец. *kārabo* ‘убил’);
6. ПУ **hōma(-IV)* > ПС **hāmā* [Janhunen 1977: 105] > Псельк. **hōma* ‘заяц’ [Alatalo 2004: 235]: сельк. Фар. *hōma* ‘заяц, зайчиха’, Тюхт. *hēva* ‘заяц’; Т ненец. *hāḡḡv* ‘заяц’;
7. ПУ **koke* > ПС **ko-* ‘видеть, находить’ [Janhunen 1977: 72] > Псельк. **ko-* ‘искать, найти’ [Alatalo 2004: 249]: сельк. Нап. *когү* ‘найти, обнаруживать’, Ласк. *когу / когү* ‘найти’, Иван. *когу / когү* ‘найти’; Т ненец. *ḡōṡ* (O) ‘найти’.

ПС корень с минусовой акцентной маркировкой:

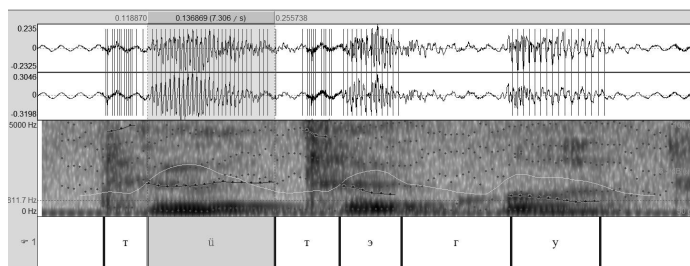
ПУ **konta* > ПС **kāntz-* (? **kāntä-*) [Janhunen 1977: 53] > Псельк. **kāntä-* [Alatalo 2004: 290]: сельк. Пар. *kānpṡḡbugi* ‘морозить’, Нап. *кандыгү / кандугү* ‘замерзать’, *кандешпугү* ‘замерзать’, Ласк. *кандегү* ‘обмерзать’, *кандэмбугү* ‘обмерзать’ / *кәннэмбугү* ‘остыть’, *кандешпугу / кандешпугу* ‘стыть’; Т ненец. *ḡāñ* (O) ‘ночные заморозки’.

ПУ *u

ПС корни с плюсовой акцентной маркировкой:

1. ПУ **tule* > ПС **tuj* [Janhunen 1977: 161] > Псельк. **tū* [Alatalo 2004: 139]: сельк. Пар. *tūtegu* ‘гореть’; Т ненец. *tū* (O) ‘огонь’;

[нарымский диалект]

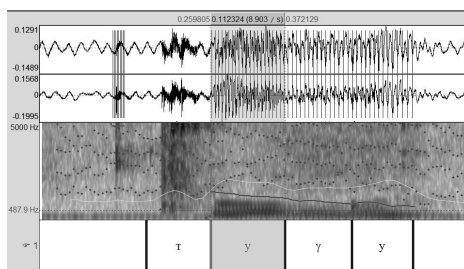

²¹ Суффикс *-ol* в языке первых селькупских книг является плюсовым, т. к. при образовании словоформ с помощью этого суффикса от минусовых корней ударение падает на суффикс, например: *моголь* ‘спина’.

²² Как было сказано выше, маркер аккузатива в большинстве селькупских диалектов, в том числе и в говоре с. Парабель, имеет плюсовую маркировку, т. к. в словоформах, образованных с помощью маркера аккузатива от минусовых корней, ударение падает на падежный показатель, например: *ажан* (ACC) ‘отца’.

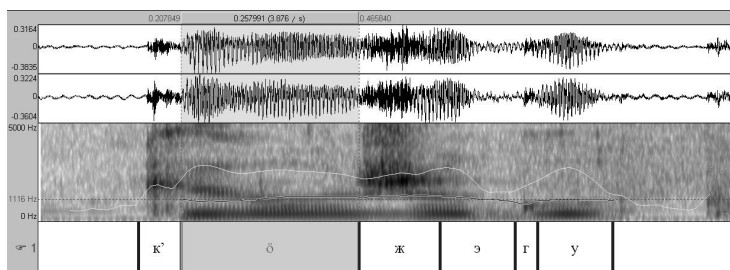
2. ПУ **tulka* > ПС **tuəj* [Janhunen 1977: 166] > Псельк. **tū* ‘перо, плавник, иглолка дерева’ [Alatalo 2004: 136]: сельк. Пар. *tūyu* ‘летать’; Т ненец. *tō* (O) ‘крыло’;

[нарымский диалект]

3. ПУ **kuñce* > ПС **kunsə* [Janhunen 1977: 77] > Псельк. **küse* ‘моча’ [Alatalo 2004: 322]: сельк. Таз. *küšj* ‘моча’, Пар. *күже* ‘моча’, *көжэгу* ‘помочиться’, *күжэмбугу* ‘мочиться’, *күжэшпугу* ‘мочиться’, Нап. *күже* ‘моча’, Стс. *көзугу* ‘мочиться’;

[нарымский диалект]

4. ПУ **ije* ~ **oje* > ПС **i-* [Janhunen 1977: 29] > Псельк. **i-* ‘плавать’ [Alatalo 2004: 1]: сельк. Таз. *iyo* ‘плыть, плавать’, Пар. *ýpəgu* ‘плавать’, Тюхт. *ýpчу* ‘купаться’; Т ненец. *iš* (O) ‘плавать’;

5. ПУ **tule* > ПС **toj-* ~ **tuj-* [Janhunen 1977: 164] > Псельк. **tū-* ‘приходить’ [Alatalo 2004: 140]: сельк. Таз. *tūgo* ‘прийти, приехать’, Нап. *тöгу* ‘объявиться’, Иван. *түгу* ‘слезть с коня’; Т ненец. *tōš* (O) ‘приходить’;

6. ПУ **juta* > ПС **jātā* ‘идти, уходить’ [Janhunen 1977: 38] > Псельк. **čuātā-* ‘встречать’ [Alatalo 2004: 215]: сельк. Таз. *cētiqo* ‘встретить(ся)’, Пар. *чвэдыгу* ‘встретить, застать’, Ласк. *чвэс’е* ‘назад’, Иван. *квэс’е* ‘назад’, Нап. *ч’вэдыгу* ‘повстречать’, *ч’вэс’е* ‘назад’, *ч’вэдалжугу* ‘встретиться’, Чая *квэсе* ‘навстречу’; Т ненец. *jādā-* (O) ‘ходить пешком’;

7. ПУ **kumpra* > ПС **kämpā* (с.-самод.) ~ **kämpā* (сельк.)²³ [Janhunen 1977: 59] > Псельк. **kämpā-* [Alatalo 2004: 266]: сельк. Пар. *kāmbildžegu* ‘навалить лодку на бок, навалиться’, Чая *кәмбальджугу* ‘выплыть, всплыть’; Т ненец. *χāmpā* (O) ‘волна’;

8. ПУ **kuse* > ПС **kot* [Janhunen 1977: 150] > Псельк. **kot-* ‘кашлять’ [Alatalo 2004: 279]: сельк. Таз. *gotqo* ‘кашлять’, Пар. *кóтку* ‘кашлять’, Нап. *кóдегу* ‘болеть’, *кóтку* ‘кашлять’; Т ненец. *χō*²⁴ (O) ‘кашель’;

9. (ПУ **puwV* (**puγV*) > ПС **pu-* (? **puəj-*) [Janhunen 1977: 128] > Псельк. **pū-* [Alatalo 2004: 59]: сельк. Пар. *pūgu* ‘дуть’, Чая *пүгогу* ‘дунуть, дуть’; Т ненец. *pūš* (O) ‘дуть’);

10. (ПУ **šurV* (ФУ **ši/ura-* [Janhunen 1981; Sammallahti 1988]) > ПС **tār-* ~ **tārə-* [Janhunen 1977: 154] > Псельк. **tār-* ‘делить, менять’ [Alatalo 2004: 183]: сельк. Таз. *tāriqo* ~ *tārqo* ‘разделить’, Пар. *tārgu* ‘менять’, Нап. *tārgu* ‘отделить, отчеркнуть’, *tārgu* ‘разделиться’, *tāp’энджугу* ‘отделиться’, *maRéшпугу* / *tāp’ешпугу* ‘отдалять’, Иван. *tārgu* ‘сменить’, *tāp’ешпугу* ‘обменять’; Т ненец. *tār-* (O) ‘делить’);

11. (ПУ **šulkVt-* ‘шить’ (> саам. I *sulgad* ‘пришивать большими стежками’ [Itkonen, 3: 187]) > ПС **šājtā* [Janhunen 1977: 134] > Псельк. **šūt-* / **šūt-* ‘шить’ [Alatalo 2004: 357]: сельк. Таз. *šūtqo* ‘сшить’, Нап. *шöдолгү* ‘шить’, *шүткү* ‘прошить’, Ласк. *сöтколгү* ‘нашить’, *сöткү* ‘ушивать’, *сöдешпугу* ‘обшивать’; Т ненец. *sēdā* (O) ‘шить’; энец. *sārarabo* ‘шью’);

12. ПУ **suye* > ПС **tuə-* [Janhunen 1977: 166] > Псельк. **tū-* ‘грести’ [Alatalo 2004: 137]: сельк. Таз. *tūgo* ‘грести’, Пар., Нап. *түгу* ‘грести’;

13. ПУ **küse* (**kuse* ~ **kose* [UEW: 222]) > ПС **kāt* [Janhunen 1977: 61] > Псельк. **kātā* ‘ель’ [Alatalo 2004: 273]: сельк. Таз. *qūt₁* ‘ель’, Пар. *кādэ* ‘пихта, ель’, Варг. *kāde* ‘лес’, Чая *kāde* ‘пихта’; Т ненец. *χādī* (O).

²³ Как видно из ПС реконструкции, предложенной Ю. Янхуненом, принадлежность селькупской формы к этой этимологии проблематична: она отличается от других форм как семантически (рефлексы в северно-самодийских языках имеют значение ‘волна’, в селькупском — ‘плавать’), так и фонетически (в северно-самодийских языках представлены рефлексы гласного заднего ряда, а в селькупском — гласного переднего ряда). В [Alatalo 2004: 266] сравнение, предложенное Ю. Янхуненом, не принято.

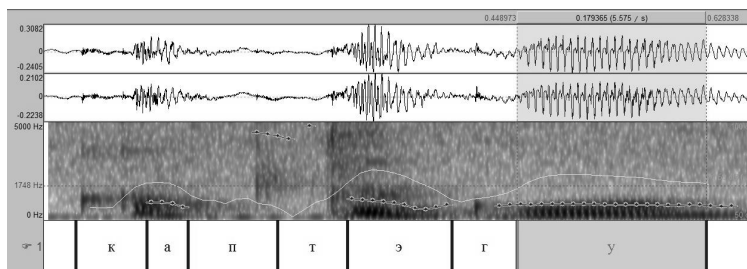
Противоречие между селькупской акцентной маркировкой корня и ненецкой долготой:

ПУ **kunV* > ПС **kunā*- [Janhunen 1977: 77] > Псельк. **kūnā*- ‘бежать’ [Alatalo 2004: 297]: сельк. Таз. *kūnīqo* ‘убежать, удрать, сбежать’, Пар. *кунэгу* ‘выбежать’, Иван. *кунгу* ‘удрать’; Т ненец. *χunā*- (O) ‘убежать’.

ПС корни с минусовой акцентной маркировкой²⁴:

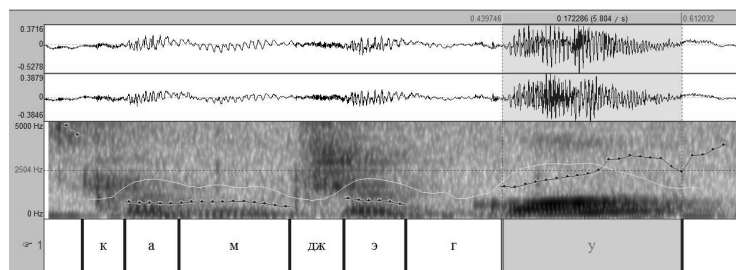
1. ПУ **kupsa* > ПС **kāptā* [Janhunen 1977: 54] > Псельк. **ḱartā*- ‘гасить’ [Alatalo 2004: 259]: сельк. Таз. *qartīqo* ‘погасить; гаснуть’, Пар. *каптэгу* ‘потушить’, *каптэштэгу* ‘потушить’, Нап. *каптэштунгу* ‘залить огонь’, *каптыгу* ‘тушить’, Ласк. *каптэгу* ‘гасить’, *каптэмбэгу* ‘затухнуть’, Иван. *каптыгу* ‘выключать’; Т ненец. *χartā*- (O) ‘погасить, потушить’;

[нарымский диалект]

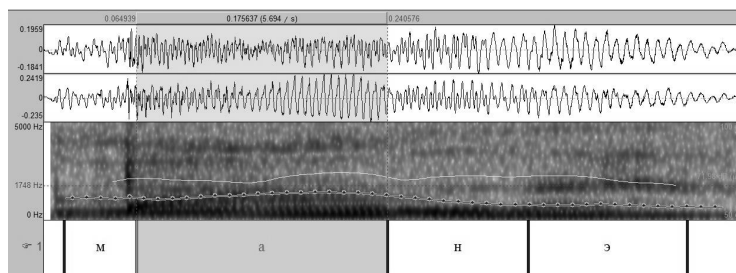
2. ПУ **kuta* > ПС **kātā* [Janhunen 1977: 52] > Псельк. **ḱat* [Alatalo 2004: 264]: сельк. Пар. *кавтэ* ‘лицом навзничь’, Ласк. *кавте* ‘навзничь’; Т ненец. *χāḱḱā*- (O) ‘падать’;

[нарымский диалект]

3. ПУ **mupa* > ПС **māpā* [Janhunen 1977: 86] > Псельк. **mapā* [Alatalo 2004: 113] > сельк. Пар. *манэ*²⁵ ‘пенис’;

[нарымский диалект]

4. ПУ **mura* > ПС **mārā* [Janhunen 1977: 129] > Псельк. **mor-* / **mōr-* / **mur-* [Alatalo 2004: 87]: сельк. Пар. *морелгу* ‘обломить’, *морелешунгу* ‘наломать веток’; Т ненец. *mardā* (O) ‘ломать’;

5. (ПУ **suŋe* > ПС **tāŋ* [Janhunen 1977: 148] > Псельк. **taŋə* [Alatalo 2004: 178]: сельк. Пар. *тайт* ‘лето’, Чай *таыды* ‘лето’; Т ненец. *taŋGaḱ* (O) ‘летняя обувь из ровдуги’);

6. (ПУ **nusV* (**nušV*) > ПС **nāt* [Janhunen 1977: 97] > Псельк. **nat-* [Alatalo 2004: 197]²⁶: сельк. Таз. *natqo* ‘выскоблить шкуру (очистив от пленок)’, Тюхт. *наткэгу* ‘молот’, Иван. *наткалгу* ‘оттереть’ / *натка/ылгу* ‘стереть’, *наткэлгу* ‘обтирать’, *надкылгу* ‘смолоть’; Т ненец. *naŋ* (O) ‘скоблить, выделять (шкуру)’);

²⁴ Здесь не рассматривается слово ПУ **kūna* > ПС **kānV* ‘закрывать’ > сельк. Иван. *кайгу*, Тюхт. *кайгу* ‘укрывать’, потому что реконструкция вокализма не представляется надежной: гласный первого слога в фин. *куулу* ‘полузакрывое состояние глаз’ должен быть рефлексом ПУ **ū*, а в морд. *koŋa* (E), *koŋe-* (M) ‘закрывать глаза’ — рефлексом ПУ **u*, **o*.

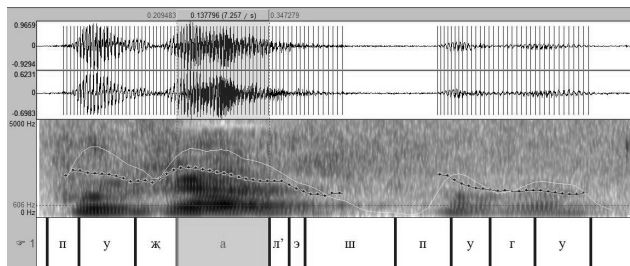
²⁵ Место ударения в этом слове не вполне ясно.

²⁶ В ряде случаев в словаре [Alatalo 2004] не приводится праселькупское значение.

7. (ПУ **kurV* > ПС **kārā* ~ **kārā* [Janhunen 1977: 55] > Псельк. **karu* [Alatalo 2004: 323]: сельк. Пар. *karoldžekugú* ‘пригибать, сгибать’, Чая *karóльджигу* / *káрольджигу*; Т ненец. *χárrv* (O) ‘изгиб, извилина, поворот’);

8. (ПУ **ričkV* > ПС **ricə* [Janhunen 1977: 129] > Псельк. **ričəpčə* [Alatalo 2004: 68]: сельк. Пар. *rudžálešprigu* ‘шелкать орехи’, Иван. *пуджá* ‘ядрышко ореха’, Чая *пучáлгу*; Т ненец. *pūd^v* (O), Л ненец. *puttū* (Nj) ‘металлическое украшение на женской шапке’);

[нарымский диалект]

9. ПУ **kurke* > ПС **kārā*- (? **kārājā*) [Janhunen 1977: 55] > Псельк. *ķara* ‘журавль’ [Alatalo 2004: 323]: сельк. Таз. *qara* ‘журавль’, Иван., Чая *kará* ‘журавль’; Т ненец. *χárr'ū* (O) ‘журавль’;

10. ПУ **muka* > ПС **mākā* [Janhunen 1977: 85] > Псельк. **moķə* ‘спина’ [Alatalo 2004: 121]: сельк. Пар. *mogné* ‘назад’, Чая *могóль* ‘спина’, *могнэ* ‘назад’; Т ненец. *máχā* (O) ‘спина’;

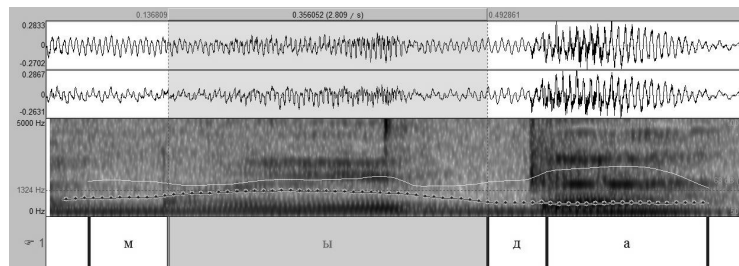
11. ПУ **jukta*- (сравнение с ПС предложено Е. А. Хелимским) > ПС **jāptā* ‘рассказывать’ [Janhunen 1977: 35] > Псельк. **čaptā* ‘сказка’ [Alatalo 2004: 209]: сельк. Таз. *čaptā* ‘сказка’, Тютх. *č'āntmé* ‘легенда’, Нап. *čāntmé* ‘сказка’, Ласк. *čāntmé* ‘сказка’, Пар. *č'āntmé* ‘сказка’, Тиб. *č'āntmé* ‘сказка’.

ПУ *i

ПС корни с плюсовой акцентной маркировкой:

1. ПУ **miksa* > ПС **mītā* [Janhunen 1977: 93] > Псельк. **mītā* [Alatalo 2004: 111]: сельк. Пар. *mída*²⁷ ‘печень’; Т ненец. *mīd^{se}* (O), *mīd^s* (T₁₂), *mīd^s* (Sj), *mīd^{se}* (U) ‘печень’;

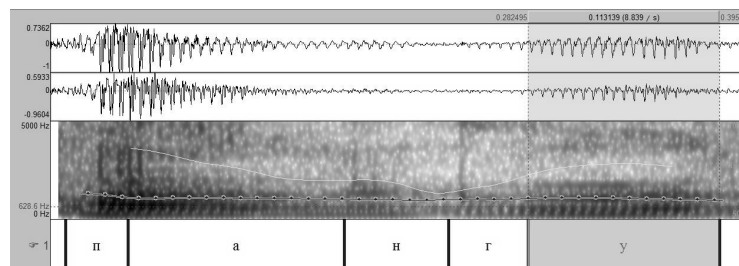
[нарымский диалект]

2. (ПУ **ñirV*²⁸ > ПС **ñer-* [Janhunen 1977: 108] > Псельк. **ñarķə*- ‘ива’ [Alatalo 2004: 242]: сельк. Тютх. *ñ'árp'a* ‘тальник’; Т ненец. *ñērū* (O) ‘ивняк, тальник’);

3. ПУ **riñi* > ПС **reñ-* [Janhunen 1977: 118] > Псельк. **reñ-* [Alatalo 2004: 73]: сельк. Пар. *rāngú*²⁹ ‘положить’; Т ненец. *rāññš-* (O) ‘положить’.

[нарымский диалект]

²⁷ Место ударения в этой форме не вполне ясно.

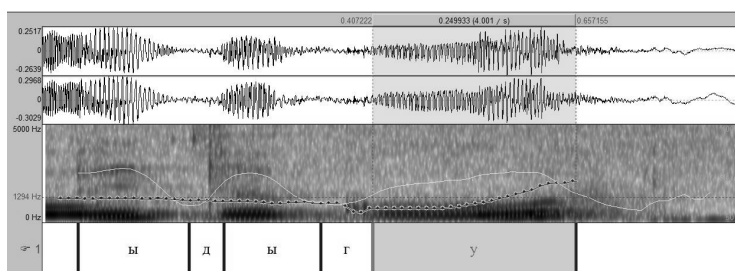
²⁸ В этой и следующей этимологиях мы приводим реконструкцию с **i* в первом слоге, руководствуясь правилом, описанным в [Sammallahti 1988], по которому соответствие ФУ **a* — ПС **e* восходит к ПУ **i*.

²⁹ Как видно из приведенной ниже спектрограммы, однозначно поставить ударение в этом слове сложно.

ПС корни с минусовой акцентной маркировкой:

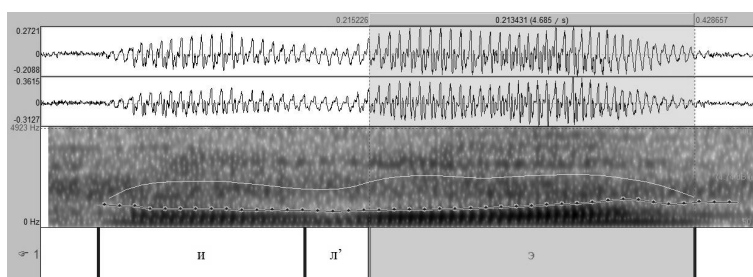
1. ПУ *ikta > ПС *ikta > Псельк. *j̄t(i)ə- ‘вешать’ [Alatalo 2004: 17]: сельк. Пар. *ыдыгу* ‘висеть; повесить’, Нап. *ыдгу* ‘навешать’, *’едгу* ‘занавесить’ / *’дыгу* ‘вывесить’, Ласк. *’дыгу* ‘навешать’, Иван. *’дыгу* ‘подвесить’³⁰; Т ненец. *j̄dā-* (O) ‘повесить’;

[нарымский диалект]

2. ПУ *ila > ПС *il̄ā [Janhunen 1977: 24] > Псельк. *il̄ [Alatalo 2004: 53]: сельк. Таз. *il̄* ‘место под; внизу, под’ (основа адвербиалов — послелогов-наречий), Пар. *ил̄* ‘вниз’, Иван. *ell̄é* ‘вниз’, Тюхт. *el̄’é* ‘вниз’, Кел. *’ell̄é* ‘вниз’, Ласк. *el̄’l̄’é* ‘вниз’, Чая *ил̄lé* ‘вниз’; Т ненец. *j̄j̄l̄’* (O) ‘вниз, под’.

[нарымский диалект]

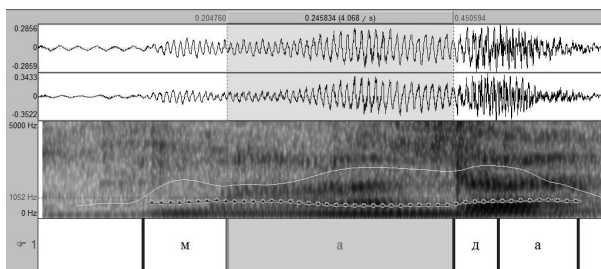
ПУ *ä

ПС корни с плюсовой акцентной маркировкой:

1. (ПУ *j̄äp̄se > ПС *j̄äp̄sə- ‘тонкие палочки для жарки’ [Janhunen 1977: 41] > Псельк. *c̄äp̄ə- ‘зажигаться’ [Alatalo 2004: 209]: сельк. Таз. *c̄äp̄iqo* ‘загореться’, Нап. *ч̄äбгу* ‘гореть’, *ч̄äбьгу* ‘разгораться’, Ласк. *ч̄äбугу* ‘подпалить’, *ч̄’ädeunugu* ‘(угли) нажигать, пережигать’; Т ненец. *j̄äp̄t̄s̄ä* (O) ‘испечь, жарить’);

2. (ПУ *m̄ättV > ПС *m̄ät [Janhunen 1977: 90] > Псельк. *m̄ät ‘дом, чум’ [Alatalo 2004: 107]: сельк. Таз. *m̄ät̄i* ‘чум, дом’, Пар. *м̄атэ* ‘в дом’, *м̄ада* ‘дверь’, Тюхт. *м̄ада* ‘дверь’, Нап. *м̄ада* ‘дверь’, Чая *м̄ада* ‘дверь’; Т ненец. *m̄äddō* (O) ‘их чум, их дом’);

[нарымский диалект]

3. (ПУ *jelä > ПС *jälä [Janhunen 1977: 40] > Псельк. *c̄älä [Alatalo 2004: 230]: сельк. Пар. *ч̄элышпа* ‘становится светлым’, Нап. *ч̄’элембугу* ‘осветить’, *ч̄’елéunugu* ‘освещать’; Т ненец. *j̄äl̄’é* (O) ‘свет, солнце’);

4. (ПУ *räwe (*räjwä [Janhunen 1981; Sammallahti 1988]) > ПС *rejwä [Janhunen 1977: 120] > Псельк. *r̄öi- ‘нагреваться’ [Alatalo 2004: 61]: сельк. Таз. *r̄ötqo* ‘нагреться; потеплеть; вспотеть’, Нап. *н’öчалджугу* / *н’öчалджугу* ‘погреть’, *н’öчугу* ‘отогреть’, Иван. *н’öчугу* ‘согреть’, *н’öчалджугу* ‘обогревать’);

5. (ПУ *märtV [Тезаурус 2010: 75] (> мар. *mardéz* ‘ветер’) > ПС *merkä ‘ветер’ [Janhunen 1977: 93] > Псельк. *merkä [Alatalo 2004: 130]: сельк. Тюхт. *м’ерга* ‘пурга’; Т ненец. *m̄er̄t̄s̄é* (O), *m̄er̄t̄é* (T₄) ‘ветер’; Л ненец. *m̄ièr̄’s̄s̄ar̄* (Nj) ‘ветер’);

³⁰ В «Южноселькупском словаре» Н. П. Григоровского (см. [Хелимский 2007]) *ыдыгу* не является релевантной для определения маркировки корня формой: в языке первых селькупских книг суффикс инфинитива имеет минусовую маркировку, поэтому вне зависимости от маркировки корня ударение в формах инфинитива будет падать на первый слог слова.

6. (ПУ **kāri* [Aikio 2002] > ПС **ker-* ~ **kerā* [Janhunen 1977: 68] > Псельк. **šēr-* ‘одевать’ [Alatalo 2004: 381]: сельк. Таз. *šērqo* ‘одеться; надеть (предмет одежды, обуви); надеть (наконечник на стрелу и т. д.)’, Нап. *w'ep'gú* / *wárgu* ‘обуть’, Ласк. *w'érgu* ‘надеть’, *w'ép'eun'gu* ‘надевать’, Пар. *w'érgu* ‘переодеть’, Иван. *w'érgu* ‘надеть’, *w'ep'eun'gú* ‘одевать’; Т ненец. *šērā* (O) ‘надевать одежду’).

Противоречие между селькупской акцентной маркировкой корня и ненецкой долготой:

ПУ **älV-* > ПС **ilā-* ~ **jilā* ‘поднимать’ [Janhunen 1977: 26] > Псельк. **ilā-* ‘поднимать, взвешивать’ [Alatalo 2004: 56]: сельк. Нап. *iléun'gu* ‘отвешивать’, *il'gu* ‘взвесить’, Ласк. *il'mb'gu* ‘взвесить’, Иван. *il'gu* ‘отвесить’; Т ненец. *jilā* (O) ‘поднимать’.

ПУ **ü*

ПС корни с плюсовой акцентной маркировкой:

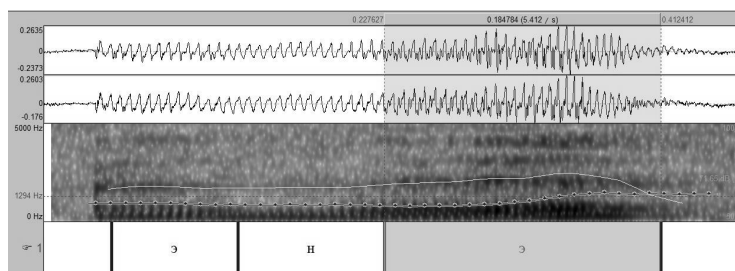
1. ПУ **süde* > ПС **sijā* [Janhunen 1977: 140] > Псельк. **sičā* / **sičā* ‘уголь’ [Alatalo 2004: 363]: сельк. Тюхт. *wéd'ua* ‘уголь’;

2. (ПУ **ürV* > ПС **er* [Janhunen 1977: 21] > Псельк. **ēr-* ‘пить’ [Alatalo 2004: 47]: сельк. Пар. *ér'gu* ‘попить воды’, Нап. *ér'gu* ‘погулять; похмельствовать’, Ласк. *ér'gu* ‘погулять’, *ér'gu* ‘гулять’; Т ненец. *jä'ér'š* (O) ‘пить’).

ПС корни с минусовой акцентной маркировкой:

1. ПУ **wülā* > ПС **i(-)* ~ **ni* [Janhunen 1977: 150] > Псельк. *i-* ‘на’ [Alatalo 2004: 2]: сельк. Таз. *innä* ~ *in* ‘вверх’, Ласк. *ynné* ‘вверх’, Иван. *enné* ‘вверх’, Нап. *enē* ‘вверх’, Кул. *enē* ‘вверх’, Чая *änne* ‘вверх’; Т ненец. *ñi* (O), Л ненец. *ni* (Nj) ‘на’;

[нарымский диалект]

2. ПУ **miye*³¹ > ПС **mi-* ‘отдавать’ [Janhunen 1977: 94] > Псельк. **mi-* ‘давать’ [Alatalo 2004: 106]: сельк. Нап. *m'ugú* ‘отдать’; Т ненец. *mišš* (O) ‘давать’;

3. ПУ **künče* > ПС **kāta* [Janhunen 1977: 55] > Псельк. **katā* ‘ноготь, коготь’ [Alatalo 2004: 271]: сельк. Таз. *qatī* ‘ноготь; коготь; копыто; крюк (остроги, лыжной палки); черви (в картах)’, Нап. *kād'gu* ‘очистить’, *kād'ol'gu* ‘окутить, причесать’, Ласк. *kām'dol'gu* ‘чиркать’, *kādeun'gu* ‘чистить (рыбу)’, Стс. *kād'al'gu* ‘починить’, *kād'ol'gu* ‘причесать’, Иван. *kād'ol'gu* ‘счищать’, Чая *k/gād'ol'gu* ‘царапать’ / *gād'ol'gu* ‘загрести землю’; Т ненец. тунд. *χaδv*, (O) ‘ноготь, коготь’;

4. ПУ **đimā* > ПС **jimā* [Janhunen 1977: 45] > Псельк. **čimā* ‘клей’ [Alatalo 2004: 213]: сельк. Ласк. *č'ev'déun'gu* ‘приклеивать’, *č'ud'éun'gu* ‘оклеивать’; Т ненец. *jīVè* (O), *jībe* (OP), *jīV'ē* (Sj), *jīV'è* (I), *jīttāp* (S) ‘клей’.

Противоречие между селькупской акцентной маркировкой корня и ненецкой долготой:

(ПУ **jāje* (в [Helimski 2007] предложена реконструкция **iw*, более корректная фонетически) > ПС **ni-* ~ **ji-* ‘пояс’ [Janhunen 1977: 102] > Псельк. **čī-* ‘пояс’ [Alatalo 2004: 208]: сельк. Таз. *ci* ~ *cī* ‘пояс’, Пар. *čēndž* ‘пояс’, Иван. *k'ōnd'eun'gu* ‘препоясываться’, Нап. *č'ōnd'éun'gu* ‘опоясываться’; Т ненец. *ñi* (O), Л ненец. *ñi* (Nj) ‘пояс’).

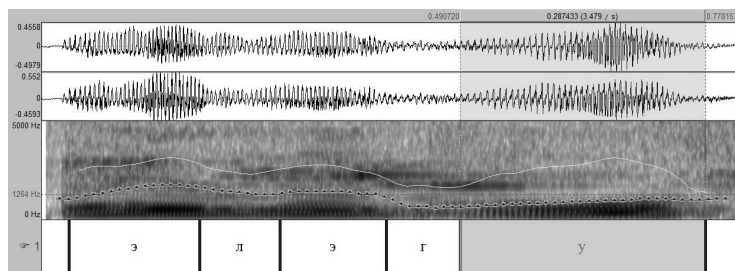
ПУ **e*

ПС корни с плюсовой акцентной маркировкой:

1. ПУ **elā* > ПС **ilā-* (сельк.) ~ **jilā-* (ненец.) [Janhunen 1977: 27] > Псельк. **ē* ‘быть’ [Alatalo 2004: 1]: сельк. Таз. *ēqo* ‘быть, являться, находиться (где-либо), иметься’, Нап. *'ēgu* ‘есть’, Ласк. *ēgu* ‘побывать’, Пар. *elegú* ‘жить’; Т ненец. *jīle-* (O) ‘жить’;

³¹ На основании рефлексов в фин. *tuu-*, *tuö-* ‘продавать’ следует восстанавливать ПУ **ü* в первом слове.

[нарымский диалект]

2. ПУ **meke* (? **meye*) > ПС **mej-* ‘делать’ [Janhunen 1977: 92] > Псельк. **mē-* ‘делать’ [Alatalo 2004: 105]: сельк. Таз. *mēqo* ‘сделать; приготовить; построить; вылечить, исцелить’, Нап. *mēgu* ‘отстраивать’, Иван. *mēgu* ‘сделать’; Т ненец. *mīrkkā* (O) ‘немного делать’.

Противоречие между селькупской акцентной маркировкой корня и ненецкой долготой:

ПУ **éecä* > ПС **cicä* [Janhunen 1977: 33] > Псельк. **čičä* ‘младший брат матери’ [Alatalo 2004: 163]: сельк. Таз. *čičä* ‘дядя (младший брат матери)’, Пар. *čič’э* ‘дядя’, Бел. *čič’á* ‘дядя’; Т ненец. *čičē* (O) ‘дядя, младший брат матери’.

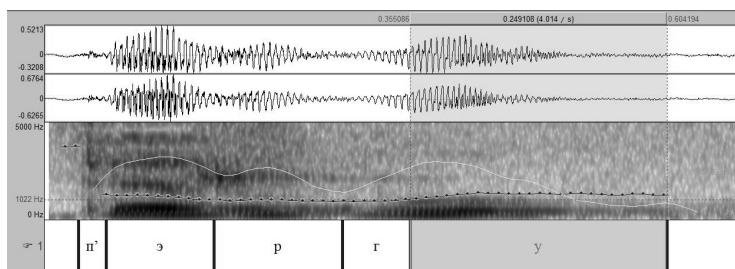
ПС корни с минусовой акцентной маркировкой:

1. ПУ **erV* > ПС **irV* ~ **jirV-* [Janhunen 1977: 27] > Псельк. **ira* / **era* ‘старик’ [Alatalo 2004: 49]: сельк. Таз. *ira* ‘мужчина; муж; старик; король (в картах)’, Тюхт. *epá* ‘старик’, Ласк. *äpá* ‘старик’, Иван. *apá* ‘старик’; Т ненец. *jīrī* (O, Sj, U, U-Ts), *jīr’ī* (OP) ‘дедушка’;

2. ПУ **wete* > ПС **wit* [Janhunen 1977: 176] > Псельк. **üt* / **ūtä* ‘вода’ [Alatalo 2004: 20]: сельк. Таз. *üt₁* (*ütj-*, редко *ūtj-*) ‘вода; спиртное, водка; вино’, *üt₁* Тур. ‘вино’, Пар. *üđä* ‘вода; водка’, *üđägu* ‘промокнуть’, *ümäljugu* ‘напоить, спить’, *üđimugu* ‘пить’, Иван. *üđägu* ‘опустить в воду’, Тюхт. *ümäl’джегу* ‘напоить’, Нап. *ömäljugu* ‘отпаивать’; Т ненец. *jī[’]* (O, OP, T₁, T₇, Sj, U, N), *βi[’]* (S); Л ненец. *βi^l* (Lj), *βiⁿ* (Nj), *βiⁿ* (Ni), *βi^p* (P) ‘вода’; энец. *birībo* ‘пил’;

3. (ПУ **peje* > ПС **pi* [Janhunen 1977: 124] > Псельк. **pirä* ‘жарить’ [Alatalo 2004: 98]: сельк. Пар. *pergü* ‘жарить’; Т ненец. *pīš* (O) ‘свариться’);

[нарымский диалект]

4. (ПУ **reškä-* (**räškä-*) > ПС **ricä* ~ **ričä* [Janhunen 1977: 150] > Псельк. **ričä-* ‘стричь волосы’ [Alatalo 2004: 70]: сельк. Таз. *ričiqo* ‘состричь, сбрить; срезать (цветы, траву), скосить (сено)’, Нап. *n’üdjugu* ‘брить’, *n’üdj’imugu* ‘совсем остригать’, Иван. *pödj’imugu* ‘состригать’, *n’ödjü* ‘стричь’, *n’ödjügu* ‘стричь’; Т ненец. *ričä-* (O) ‘стричь, резать (волосы, бороду)’);

5. (ПУ **lupša* (**lepša*) > ПС **japtä* [Janhunen 1977: 35] > Псельк. **čaptä-* ‘роса’ [Alatalo 2004: 210]: сельк. Таз. *capčj* ‘роса, туман’, Тюхт. *č’änna* ‘роса’, Нап. *č’ančembugu* ‘отмокнуть’; Т ненец. *japtw* (O) ‘роса’).

ПУ **i*

ПС корни с плюсовой акцентной маркировкой:

1. ПУ **kičV* ‘болеть’³² > ПС **käčä-* ‘чихать’ [Janhunen 1977: 150] > Псельк. **käčči-* ‘чихнуть’ [Alatalo 2004: 275]: сельк. Таз. *qčttiqo* ‘чихнуть’, Нап. *káčembugu* ‘чихать’, *káčегу* ‘чихать’, Ласк. *káčimugu* ‘чихать’, *káčугу* ‘зачихать’;

2. (ПУ **nijä* > ПС **ne* [Janhunen 1977: 100] > Псельк. **ne* ‘женщина’ [Alatalo 2004: 194]: сельк. Таз. *näl’* ‘женского пола, самка’, Пар. *nēga* ‘дочь; кукла’, Тюхт. *n’ēga* ‘кукла’, Чая *nēka* ‘кукла’; Т ненец. *nē* (O) ‘женщина’);

³² Сближение ФУ **kičV* [UEW: 153] с ПС **käčä-* ‘чихать’ впервые (насколько нам известно) предлагается в настоящей статье.

3. ПУ **icä* > ПС **ejsä* [Janhunen 1977: 22] > Псельк. **acäa* ‘папа’ [Alatalo 2004: 29]: сельк. Таз. *esj* ‘отец’, Тюхт. *áджа* ‘папа’, Пар. *аж’á* ‘отец’; Т ненец. тунд. *ñis̄s̄è* (O), *ñis̄s̄è* (Sj), *ñis̄s̄əp* (U) ‘отец’.

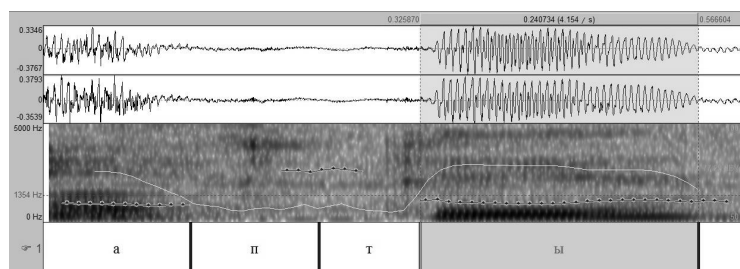
ПС корни с минусовой акцентной маркировкой:

1. ПУ **ime-* > ПС **nim-* [Janhunen 1977: 110] > Псельк. **nim-* [Alatalo 2004: 235]: сельк. Пар. *ne-wrēšpegu* ‘сосать’, Тюхт. *н’ивьр’эуна* ‘сосет’, Иван. *н’емгу* ‘обсасывать’; Т ненец. *ñimñe* (O) ‘сосать’;

2. ПУ **itā* > ПС **âtâ-*, **âtâ-ljVj/m-* [Janhunen 1977: 17] > Псельк. **atu-* ‘быть видным’ [Alatalo 2004: 14]: сельк. Пар. *áдыгу* ‘виднеться’, *адымбыгу* ‘виднеться’, Нап. *адгу* ‘быть видным’; Т ненец. *ñadā* (O) ‘быть видимым’;

3. (ПУ **ipV* ~ **ipV-sV* ~ **ipV-šV* > ПС **áptâ* [Janhunen 1977: 150] > Псельк. **aptə* ‘запах’ [Alatalo 2004: 4]: сельк. Таз. *aptj* ‘запах, аромат; вкус (как положительное свойство пищи)’, Пар. *áнтэмбэгу* ‘нюхать’, Нап. *’ánme* ‘запах’, *антáгу* ‘чуют’, Ласк. *абтáгу* ‘пахнуть’, *áнтáлбугу* ‘обнюхать’, Иван. *антáгу* ‘нюхать’; Т ненец. *ñapt* (O) ‘запах’);

[нарымский диалект]

4. (ПУ **minV* > ПС **munV* ~ **m̄nV* ‘гнуть’ [Janhunen 1977: 95] > Псельк. **m̄nə-* ‘гнуть’ [Alatalo 2004: 117]: сельк. Таз. *m̄ñiqo* ‘согнуть’, Тюхт. *мынгу* ‘гнуть’, Нап. *м̄нньгу* ‘загнуть’).

Итоги анализа ПС слов, имеющих ПУ этимологию по [UEW], можно представить в виде Таблицы 3.

Итак, видно, что долгота / нейтральность по длительности (по [Lehtisalo 1956]) гласных в ненецких формах и плюсовая / минусовая акцентная маркировка селькупских корней достаточно четко соотносятся друг с другом в словах, имеющих соответствия в финно-угорских языках: в 82 словах селькупская акцентная маркировка корня и количество гласного в ненецких диалектах соответствуют друг другу; в 6 случаях наблюдаются отклонения. В четырех из шести случаев с отклонениями в ненецких формах в первом слоге представлен узкий гласный (один раз — *u*, три раза — *i*): Т ненец. *χunā-* (O) ‘убежать’, Т ненец. *jillā* (O) ‘поднимать’, Т ненец. *ñī* (O) ‘пояс’ (и Л ненец. *ñī* (Nj) ‘пояс’), Т ненец. *tide* (O) ‘дядя, младший брат матери’.

Надо отметить, что большинство ненецких слов с *i* в первом слоге имеет нестабильную долготу по диалектам по словарю [Lehtisalo 1956]. Практически все отклонения в 82 примерах, в которых наблюдается корреляция между акцентной маркировкой селькупского корня и количеством ненецкого гласного, касаются ненецких диалектных форм с *i* в первом слоге:

- 1) Т ненец. *ñī^{sd}* (O); Л ненец. *nit* (Nj) ‘на’;
- 2) Т ненец. *jīBè* (O), *jīBε* (OP), *jīB^fē* (Sj), *jīB^fè* (I), *jīm̄m̄əp* (S) ‘клей’;
- 3) Т ненец. *jī^{sd}* (O, OP, T₁, T₇, Sj, U, N), *βī^{sd}* (S); Л ненец. *βit* (Lj), *βit* (Nj), *βit* (Ni), *βit* (P) ‘вода’;
- 4) Т ненец. *jīrī* (O, Sj, U, U-Ts), *jīr̄r̄i* (OP) ‘дедушка’.

С чем это связано? Косвенный ответ на этот вопрос может дать полевой материал, собранный М. К. Амелиной, по канинскому, ямальскому и гыданскому диалектам Т ненец. [Амелина 2011, 2012]. В этих статьях представлен экспериментальный фонетический анализ акустических характеристик гласных первого и второго слогов в непроединных ненецких именах. В работах М. К. Амелиной представлены данные, касающиеся также трех слов из упомянутых выше: ‘дядя, младший брат матери’, ‘клей’, ‘дедушка’. В двух первых словах³³ в трех исследованных тундровых диалектах представлена одна и та же картина соотношения долготы и интенсивности гласных первого и второго слогов: гласный первого слога менее длительный, но более интенсивный, чем гласный второго слога. Интересно, что в тундровых диалектах ненецкого языка такое соотношение долготы и интенсивности гласных первого и второго слогов характерно для подавляющего большинства слов с *i* в первом слоге. Таким образом, получается, что оба слога оказываются маркированы разными способами: первый — с помощью интенсивности,

³³ В слове со значением ‘дедушка’ в трех из рассмотренных в [Амелина 2011, 2012] диалектах Т ненец. может наблюдаться просодическое выделение гласного второго слога как по интенсивности, так и по длительности (динамическое и темпоральное выделение) или только по длительности [Амелина 2011: 19, 29, 31; Амелина 2012: 16, 18—20].

Таблица 3

Рефлексация ПУ гласных первого слога в зависимости от акцентной маркировки ПС корней

ПУ гласный первого слога	рефлекс ПУ гласного в ПС корнях с плюсовой акцентной маркировкой	кол-во примеров	рефлекс ПУ гласного в ПС корнях с минусовой акцентной маркировкой	кол-во примеров	противоречия между акцентной маркировкой корня в сельк. и долготой / краткостью гласного в ненец. ³⁴
*a	ПС *ā	15	ПС *ə ³⁵	3	2 (сельк. противоречит ПС)
*o	ПС *o, *ā, ? *ā / *e (1 пример)	7	ПС *ə	1	0
*u	ПС *u, *ā, ? *o (1 пример)	14	ПС *ə	11	1 (ненец. <i>u</i> противоречит ПС)
*i	ПС *i, *e	3	ПС *i	2	0
*ä	? ПС *ä, *e	6	—	0	1 (ненец. <i>i</i> противоречит ПС)
*ü	ПС *i	2	ПС *i, *ə	4	1 (ненец. <i>i</i>)
*e	ПС *e, *i	2	ПС *i	5	1 (ненец. <i>i</i>)
*i	ПС *ä	3	ПС *i, *ə	4	0
итого:		52	итого:	30	6 (3 — ненец. <i>i</i>)

второй — с помощью темпорального выделения гласного; по этой причине после прослушивания записей, сделанных М. К. Амелиной, у автора данной статьи сложилось ощущение, что на слух определить, какой именно слог в фонетическом слове выделен просодически, практически невозможно. Вероятно, по этой же причине в словаре [Lehtisalo 1956] для слов с *i* в первом слоге часто наблюдается «биение» долготы / нейтральности по длительности (по [Lehtisalo 1956]) по диалектам и говорам.

Представляется, что вопрос о месте ударения в словах с *i* в первом слоге нуждается в дальнейших исследованиях. Во-первых, интересно было бы получить информацию о соотношении акустических характеристик гласных первого и второго слогов в других диалектах Т и Л ненец. Во-вторых, важно иметь полные данные о месте ударения при склонении каждого из имен с *i* в первом слоге, поскольку, на основании наблюдений М. К. Амелиной, в ненецких диалектах непроемные двусложные имена с ударением на первом слоге в исходном падеже имеют при склонении фиксированное ударение на первом слоге, а слова с ударением на втором слоге — иную акцентную кривую³⁶. В-третьих, известно, что в процессе школьного обучения носители ненецкого языка учатся ставить ударение в ненецких словах; интересно было бы получить информацию о том, как в этих словах ставят ударение сами носители языка. Вероятно, на основании данных, которые М. К. Амелина планирует представить в своих дальнейших публикациях, можно будет сделать более обоснованное заключение о месте ударения в ненецких словах с *i* в первом слоге. В настоящее время нам кажется, что данные о количестве гласного первого слога в этих словах в ненецких диалектах не могут быть привлечены к сравнению с селькупскими материалами.

³⁴ В этой графе в скобках приводится информация о количестве слов, в которых зафиксировано противоречие между акцентной маркировкой селькупских корней и долготой / нейтральностью по длительности (по [Lehtisalo 1956]) гласного в ненецких диалектах, и указывается, если просодические характеристики ненецких или селькупских корней противоречат ПС качеству гласного, реконструируемого для этого корня (см. *Таблицу 3*). Например, ПУ *warV > ПС *wār- > Псельк. *kuärä 'ворона' [Alatalo 2004: 326]: сельк. Таз. *kerä* ~ Тур. *kērä* 'ворона; трефы (в картах)', Тюхт. *kwēp'e* 'ворона', Иван. *kwēp'e* 'ворона', Ласк. *kwēp'e* 'ворона', Нап. *kwēp'e* 'ворона', Стс. *kwālep'e* 'ворона'; Т ненец. *ḅarḅäḅ* (O) 'ворона'. В этом примере селькупские данные противоречат ПС качеству гласного, т. к. ПУ *a > ПС *ə только в корнях с ПС минусовой акцентной маркировкой; данные по Т ненец., где в первом слоге зафиксирован нейтральный по длительности гласный (по [Lehtisalo 1956]), правильно указывают на минусовую маркировку ПС корня, а селькупские слова с ударением на корне указывают на плюсовую маркировку ПС корня, что неверно с точки зрения рефлексации гласного.

³⁵ Символом *ə здесь и далее в тех случаях, когда мы не можем точно реконструировать качество гласного, обозначена архифонема *ä / *ə.

³⁶ Сообщено автору статьи в личной беседе. Данные об изменении места ударения в парадигме склонения в ненецких диалектах М. К. Амелина в настоящее время готовит к публикации.

Таким образом, на материале слов, имеющих финно-угорскую этимологию, приблизительно в 82 случаях наблюдается корреляция между количеством гласного в ненецких тундровых диалектах и акцентной маркировкой корня в селькупских диалектах, а в шести случаях есть отклонения. Представляется, что эта статистика достаточно убедительно показывает корреляцию между селькупскими и ненецкими акцентными характеристиками гласных первых слогов в ПС исконной лексике.

2.2. Прасамодийские слова, для которых неизвестны соответствия в финно-угорских языках

В этом разделе представлены слова, для которых 1) неизвестна прауральская, но известна прасамодийская этимология (по [Janhunen 1977] или [Alatalo 2004]) или селькупско-ненецкое соответствие, а также 2) в [Норманская 2012] определена акцентная маркировка селькупских корней, являющихся ПС рефлексами. Если в словаре [Lehtisalo 1956] есть ненецкие рефлексы ПС этимологии, то они приводятся в первую очередь по обдорскому диалекту.

Здесь представляется целесообразным дать классификацию рассматриваемых этимологий по двум признакам: 1) соответствует ли акцентная маркировка селькупских рефлексов количеству гласных первого слога в ненецких; 2) как селькупско-ненецкие просодические характеристики соотносятся с *Таблицей 3*, по данным которой ПС **ā*, **o*, **ä* и **e* встречаются только в ПС корнях с плюсовой акцентной маркировкой (т. е. с фиксированным на корне ударением в селькупском языке и долготой, по [Lehtisalo 1956], гласного первого слога в тундровых диалектах ненецкого языка), ПС **ə* — только в корнях с ПС минусовой акцентной маркировкой (с ударением не на первом слоге в некоторых селькупских производных с определенными суффиксами и нейтральным по длительности, по [Lehtisalo 1956], гласным первого слога в Т ненец.), а ПС **i*, **i* и, вероятно, **e*, **u* могут встречаться в любых позициях.

ПС корни с плюсовой акцентной маркировкой:

1) ПС **ā*

1. ПС **jārā* [Janhunen 1977: 38] > Псельк. **cūrā*- ‘плакать’ [Alatalo 2004: 229]: сельк. Таз. *cūrīqo* ‘плакать’, Тюхт. *ч’ура* ‘вой’, Нап. *ч’ургу* ‘плакать’, Ласк. *ч’ургу* ‘плакать’, Стс. *т’ургу* ‘плакать’, Иван. *т’ура* ‘плачет’, *т’урешнугу* ‘оплакивать’; Т ненец. *jārīš* ‘плакать’ (O);

2. ПС **nāj-* [Janhunen 1977: 98] > Псельк. **nī-* ‘открывать’ [Alatalo 2004: 194]: сельк. Таз. *nīqo* ‘открыть’, Нап. *н’огу* ‘откупорить’, *н’оуолгу* ‘откупоривать’, Иван. *н’огу* ‘отпереть’; Т ненец. *nāēs* ‘открыть’ (O);

3. ПС **ājta-* [Janhunen 1977: 17] > Псельк. **ūtā-* ‘посылать, оставлять’ [Alatalo 2004: 22]: сельк. Таз. *ūtīqo* ‘послать, отправить; пустить, отпустить, выпустить’, Пар. *ūtку* ‘послать’, Нап. *удешнугу* ‘отправлять’ / *удешнугу* ‘ослаблять’, *удугу* ‘отослать’, Иван. *удугу* ‘послать’, *удьгу* ‘отослать’, *удьгу* ‘спустить’, *удешнугу* ‘спускать’; Т ненец. *nāēdā* (O) ‘посылать’;

2) ПС **o*

ПС **so-* [Janhunen 1977: 142] > Псельк. **sō-* ‘черпать’ [Alatalo 2004: 344]: сельк. Таз. *sō-* ‘черпать’, Нап. *х’оуолгу* ‘отчерпать’, Иван. *с’оуолгу* ‘черпать’; Т ненец. *sōšš* (O) ‘вычерпать’;

3) ПС **ä*

1. ПС **kārā* [Janhunen 1977: 64] > Псельк. **qarā-* ‘прилеплять’ [Alatalo 2004: 258]: сельк. Таз. *qārīqo* ‘тесать’, Тюхт. *кабыгу* ‘надо зашить’, Нап. *кабалгу* / *кабалгу* ‘подтесывать’, *кабгу* ‘перечинить’, Ласк. *кабалгу* ‘подтесывать’ / *кабалгу* ‘тесать’, *кабьмбугу* ‘перечинить’, Иван. *кабьгу* ‘починить’, *кабгу* ‘чинить’ / *кабгу* ‘штопать’, *кабалгу* ‘обтесать’; Т ненец. *šābarīš* (O) ‘тесать топором’;

2. ПС **šāmtcājā* [Janhunen 1977: 32] > Псельк. **šāmtčä* ‘лягушка’ [Alatalo 2004: 150]: сельк. Таз. *tāmtä* ‘лягушка’, Ласк. *ч’амдже* ‘жаба’, Иван. *ч’амдже* ‘лягушка’, Тюхт. *ч’амджи* ‘лягушка’, Тиб. *ч’амдже* ‘лягушка’; Т ненец. *šāmtē*^{”””} (O₁), *tāmtē*^{”””} (Sj), *tāmD*^{”””} (I) ‘лягушка’;

4) ПС **e*

1. ПС **emä* [Janhunen 1977: 23] > Псельк. **emā* ‘мать’ [Alatalo 2004: 12]: сельк. Таз. *emī* ‘мать’, Нап. *ама* ‘мать’, Бел. *āwwa* ‘мать’, Ел. *ām’ä* ‘мать’, Чая *āva* ‘матушка’; Т ненец. *nēB’è* (O) ‘мать’;

2. ПС **sil-* ~ **sel-* [Janhunen 1977: 141] > Псельк. **selā-* ‘точить’ [Alatalo 2004: 384]: сельк. Таз. *selīqo* ‘наточить, заострить’, Тюхт. *х’алгу* ‘точить’, Нап. *х’елгу* ‘обтачивать’, *х’елешнугу* ‘оттачивать’, Ласк. *āлгу* / *āлгу* ‘выточить’, Пар. *елгу* ‘точить’, Иван. *салешнугу* ‘обтачивать’; Т ненец. *šīlīš* (O) ‘точить’;

3. ПС **keñkā* [Janhunen 1977: 67] > Псельк. **šāñkā-* ‘ночевать’ [Alatalo 2004: 374]: сельк. Таз. *šāqqīqo* ‘ночевать’, Нап. *ш’екегу* ‘ночевать’, *ш’еугу* ‘ночевать’, Ласк. *ш’екьгу* ‘ночевать’; Т ненец. *šēñG’ā* (O) ‘ночевать’;

4. ПС **je* [Janhunen 1977: 41—42] > Псельк. **čē-* ‘топтать’ [Alatalo 2004: 208]: сельк. Таз. *cel’cīqo* ‘стоптать, затаптать’, Нап. *ч’ел’д’ж’олгу* ‘вытаптывать’, *ч’алд’ж’олгу* ‘наследить’, *ч’ел’д’ж’олгу* ‘затаптывать’,

протаптывать', *ч'ел'джолгу* 'наступать', *ч'ел'джолгу* 'топтать', *ч'ел'чолгу* 'растаптывать', *ч'ел'чолгу* 'топнуть', Ласк. *чал'д'ж'олбугу* 'наследить', *чал'д'ж'олгу* 'истоптать', *чал'д'ж'олгу* 'втаптывать', *чал'д'ж'олгу* 'перетоптать', *чал'д'ж'ыгу* 'натаптывать'; Т ненец. *jēšš* (O) 'топтать; пнуть ногой';

5) ПС *e

1. ПС **keptā* [Janhunen 1977: 66] > Псельк. **keptā* ~ *kepti* 'черная смородина' [Alatalo 2004: 264]: сельк. Таз. *keptā* 'черная смородина', Нап. *kanmé* 'смородина', Иван. *kanme* 'смородина', Чая *kanme* 'черная смородина'; Т ненец. *χēpt* (O) 'смородина';

2. ПС **jzjwā* [Janhunen 1977: 50] > Псельк. **čijā* 'сирота' [Alatalo 2004: 220]: сельк. Ласк. *ч'эга* 'сирота', Иван. *m'éga* 'сирота'; Т ненец. *jēβakku* (O) 'сирота';

3. Псельк. **čij-*³⁷ 'стрелять' [Alatalo 1998: 208]: сельк. Таз. *čiqo* 'бросать; стрелять', Нап. *ч'ун'дгу* 'кидаться; стрелять' / *ч'ондугу* 'отстреливаться', Ласк. *ч'огу* 'постреливать', *ч'ондугу* (?) 'обстреливать'; Т ненец. *jēñēřš* (O) 'стрелять';

4. Псельк. **čoččā-*³⁸ 'ставить' [Alatalo 2004: 158]: сельк. Нап. *чочугу* 'отставить', *чочугу* 'обставить', Ласк. *чотку* 'застать', *чочегу* 'установить', Иван. *чочугу* 'отставить'; Т ненец. *tōttē* (O).

ПС корни с минусовой акцентной маркировкой:

1) ПС *ə

1. ПС **mācā-* [Janhunen 1977: 84] > Псельк. **mācā-* 'резать' [Alatalo 2004: 108]: сельк. Таз. *mātiqo* 'разрезать, срубить, спилить', *tō mātiqo* 'отрезать, обрезать', Тюхт. *маджегу* 'надрезать', *маджгу* 'заколоть', Нап. *ил'э маджугу* 'свалить' / *ил'э маджгу* 'свалить', *мад'ешугу* 'обрезаться'; Т ненец. *madā* (O) 'разрезать, рубить; переходить через реку';

2. ПС **čākz-* [Janhunen 1977: 31] > Псельк. **čākz-* 'стонать' [Alatalo 2004: 172]: сельк. Таз. *tāqiqo* ~ *taqiqo* 'кряхтеть, стонать', Нап. *чаку'ьгу* 'стонать', Ласк. *ч'уьгу* 'ныть' / *ч'уьгу* 'стонать'; Т ненец. *tāχā* (O) 'стон';

3. ПС **pāj-* [Janhunen 1977: 112] > Псельк. **pacā-* [Alatalo 2004: 75]: сельк. Таз. *pacalqo* ~ *pacalqo* 'срубить, прорубить, рубить, расколоть; скосить (траву); сбить (ягоды кузовом-битком); лягнуть, ударить копытом', Тюхт. *паджалгу* 'рубить', Нап. *п'аджугу* 'отколоть', *паджалджугу* 'отколоть', *пач'алгу* 'рубить', Иван. *пад'алгу* 'отрубать'; Т ненец. *pāēřš* (Sjo) 'расколоть (дрова)';

4. ПС **lākā* 'кусок, часть, ком' [Janhunen 1977: 80] > Псельк. **laka* 'куски' [Alatalo 2004: 395]: сельк. Таз. *laka* 'кусок, штука; ком, кучка', Тюхт. *лагá* 'штука', Нап. *лака* 'штука', Иван. *лагá* 'куча'; Т ненец. *lāχāřš* (O) 'холмик, болотная кочка';

2) ПС *i

ПС **kitā-* ~ **kitā-* [Janhunen 1977: 72] > Псельк. **šitā-* 'будить' [Alatalo 2004: 358]: сельк. Нап. *ш'едгу* 'будить', Ласк. *ш'едьгу* 'добудиться'; Т ненец. *šidē* (O) 'будить';

3) ПС *e

ПС **kecz-* ~ (**kicz-*) [Janhunen 1977: 65] > Псельк. **kijča* 'муравей' [Alatalo 2004: 283]: сельк. Таз. *kija* 'муравей', Чая *кычá* 'муравей';

4) ПС *i

ПС **kjra* [Janhunen 1977: 69] > Псельк. **kjra-* 'сдирать шкуру' [Alatalo 2004: 333]: сельк. Нап. *к'ергу* / *кыр'гу* 'ободрать', Ласк. *кыр'гу* 'ободрать', Иван. *кыр'гу* 'обдирать'; Т ненец. *χirā* 'снять шкуру с убитого животного' (O);

5) ПС *u

1. ПС **ju-* [Janhunen 1977: 47] > Псельк. **čiu-* 'таять' [Alatalo 2004: 206]: сельк. Таз. *čiqo* 'растаять, согреться', Нап. *чудгу* 'таять (в избе), отогреть', *ч'ут'мбугу* 'греть', *ч'удугу* 'оттаять', Ласк. *ч'од'ешугу* 'подтаять', *ч'удугу* / *ч'удугу* 'таять'; Т ненец. *juš* (O) 'согреться; растаять'; энец. *jubedābo* 'тепло стало';

2. Псельк. **kātrā-*³⁹ 'лить, заливать' [Alatalo 2004: 266]: сельк. Таз. *qatpalqo* ~ *qatpolqo* 'политься, посыпаться', Пар. *камджэгу* 'налить', Нап. *кам'олджугу*, *кам'алджугу* 'опрокинуть', *кам'дж'ешугу* 'отливать', Ласк. *кам'алджугу* 'опрокинуть', *кам'дж'ешугу* 'вливать', Иван. *кам'джугу* 'отлить'; Т ненец. *šetrē* (O) 'идти, не проваливаясь'.

Особым образом следует выделить три корня с ПС *e в первом слоге, в селькупских рефлексах которых представлена минусовая акцентная маркировка корня, а в ненецких — долгота гласного первого

³⁷ Сравнение отсутствует в [Janhunen 1977], а приведено только в [Alatalo 2004] без реконструкции ПС формы.

³⁸ Сравнение отсутствует в [Janhunen 1977], а приведено только в [Alatalo 2004] без реконструкции ПС формы.

³⁹ Сравнение отсутствует в [Janhunen 1977], а приведено только в [Alatalo 2004] без реконструкции ПС формы.

слога. Несмотря на несоответствие селькупской маркировки и ненецкой долготы, представляется, что эти корни не являются исключениями из предложенного правила, поскольку, по данным [Lehtisalo 1956: CVIII], в ненецком языке нет краткой фонемы *e*.

1. ПС **ket-* ~ **ketz-* [Janhunen 1977: 66] > Псельк. **ket-* ‘говорить’ [Alatalo 2004: 284]: сельк. Таз. *ketiqo* ‘сказать’ (в отличие от *tomqo* употребляется при прямой или косвенной речи), Тюхт. *камтыгу* ‘сказать’, Нап. *кадегу* ‘ответить’, *кадешуугу* ‘отвечать’, Ласк. *кадьгу* / *кадьгу* / *кадьгу* ‘признаться, объявить’, *кадешуугу* ‘подсказывать’, Тиб. *катыку* ‘рассказать’, Иван. *кадешуугу* ‘наговаривать’, *кадьгу* ‘предсказать’; Т ненец. *xēttā* ‘сказать, рассказать’ (O);

2. ПС **tem-* [Janhunen 1977: 155] > Псельк. **tem-* ‘купить’ [Alatalo 2004: 152]: сельк. Таз. *temiqo* ‘купить’, Нап. *тавгу* ‘откупать’, Иван. *тавгу* ‘выкупить’; Т ненец. *tēmtā* (O) ‘купить’;

3. ПС **etā* [Janhunen 1977: 22] > Псельк. **et-* ‘ждать’ [Alatalo 2004: 18]: сельк. Таз. *etiqo* ‘ждать, ожидать (чего-либо, какого-либо события)’, *etiptiqo* ‘спрятать(ся)’, Пар. *адольжигу* ‘дождаться’, Нап. *аттыгу* ‘спрятаться’ / *ачугу* / *атъгу* ‘ждать’, Ласк. *атмэгу* ‘спрятаться’, Иван. *адъгу* / *адъгу* ‘дождаться’; Л ненец. *ñjēttās* (Lj) ‘ждать’.

Противоречие между минусовой акцентной маркировкой селькупского корня и ненецкой долготой гласного первого слога:

ПС ? **jikkā* ~ **jekkā* (ненец.) [Janhunen 1977: 45] > Псельк. **čikk-* ‘отвязать’ [Alatalo 2004: 222]: сельк. Таз. *sikkīqo* ~ *cekkiqo*, *tō sikkīqo* ~ (*cekkiqo*) ‘развязать’, Нап. *ч’икыгу* / *ч’икугу* ‘отвязать’, Ласк. *ч’у/екелджугу* ‘выпрягать’, *ч’икешуугу* ‘отвязывать’; Т ненец. *jēkkā* (O) ‘развязывать’.

Эта этимология ненадежна, т. к. ненецкая форма не соответствует рефлексам этого слова в других самодийских языках: в нганасанском, энецком и маторском языках представлено *i* в первом слоге, в ненецком — *e*. Не вполне ясно, насколько надежна Псельк. реконструкция гласного первого слога, предложенная Я. Алатало, т. к. Псельк. **i* не является стандартным рефлексом ПС **i*; также обращают на себя внимание дублиеты по вокализму в тазовском диалекте: (*sikkīqo* ~ *cekkiqo*), которые не были учтены в словаре [Alatalo 2004]. Таким образом, представляется, что ПС этимология ? **jikkā* ~ **jekkā* (ненец.) крайне ненадежна, а дублиеты по вокализму даже на уровне селькупских диалектных форм, вероятно, указывают на заимствованный характер слова.

Противоречия между плюсовой акцентной маркировкой селькупского корня и ненецкой краткостью гласного первого слога, которая коррелирует с ПС качеством гласного:

1. ПС **əntāj* [Janhunen 1977: 15] > Псельк. **antu* ‘лодка’ [Alatalo 2004: 24]: сельк. Таз. *antj* ‘челнок, лодка-долбленка («ветка»)', Тюхт. *анда* ‘лодка’, Чая *анда* ‘лодка’; Т ненец. *ñāññū* (O) ‘лодка’;

2. ПС **kālājā* [Janhunen 1977: 52] > ? Псельк. **kalil'ek* ~ **kalil'ak* ‘чайка’ [Alatalo 2004: 337]: сельк. Таз. *qal'l'ijz* ‘чайка’, Тюхт. *кällä* ‘чайка’, Чая *кällя* ‘чайка’; Т ненец. *kallēβ* (O) ‘чайка’.

Противоречие между минусовой акцентной маркировкой селькупского корня и ненецкой долготой гласного первого слога, которая коррелирует с ПС качеством гласного:

ПС **kontā-* [Janhunen 1977: 73] > Псельк. **kont-* ‘спать’ [Alatalo 2004: 295]: сельк. Таз. *qontiqo* ‘спать; уложить спать, лечь спать’, Нап. *кондугу* / *кондъгу* / *кондъгу* ‘спать’, *кондál'жегу* ‘усыплять’, *кондálгу* ‘вздремнуть’, Ласк. *кондугу* ‘спать’, *кондálбугу* ‘спать’, *кондál'жегу* ‘усыплять’, *кондешуугу* ‘залегать’, Пар. *кондугу* ‘спать’, Иван. *кондálджугу* ‘усыплять’; Т ненец. *xōññō* (O) ‘спать’.

Совпадение селькупской минусовой акцентной маркировки и ненецкой нейтральности гласного первого слога по длительности, которые противоречат качеству ПС гласного⁴⁰:

ПС **ñenz-* ~ **ñeñz-* [Janhunen 1977: 109] > Псельк. **ñeñ-* ‘сердиться’ [Alatalo 2004: 239]: сельк. Нап., Иван. *n'ajáldжугу* ‘осердить’; Т ненец. *ñeññā* (O) ‘злоба’.

На материале ПС слов, для которых неизвестна ПУ этимология, закономерности, предложенные в предыдущем разделе, в целом сохраняются, но количество исключений значительно больше: в 25 случаях наблюдается корреляция между ненецкими и селькупскими просодическими характеристиками с ПС качеством гласного (16 слов с ПС плюсовой акцентной маркировкой и 9 слов с минусовой); в 5 случаях наблюдаются отклонения. Возможно, это связано с тем, что среди слов, для которых неизвестна ПУ этимология, представлен определенный процент заимствованной лексики, в которой могут быть нарушения как фонетических, так и просодических соответствий.

Как видно из вышеприведенного материала, в энецком языке мало слов, для которых в материалах архива М. А. Кастрена зафиксированы производные с «плюсовыми» суффиксами (т. е. такие словофор-

⁴⁰ Противоречие заключается в том, что ПС **e* (на материале слов с ПУ этимологией, см. Таблицу 3) встречается только в корнях с плюсовой акцентной маркировкой.

мы, в которых при корне с плюсовой акцентной маркировкой ударение будет падать на корень, а при корне с минусовой — на окончание). Кроме того, многие из этого небольшого количества слов не имеют параллелей среди селькупских корней, для которых, по данным [Норманская 2012], известна акцентная маркировка. По этой причине энецкий материал для реконструкции ПС просодических характеристик представляется малорелевантным и не вполне достоверным.

3. Внешние соответствия прасамодийского ударения

Как было показано выше, на основании сравнения ненецких и селькупских данных удается реконструировать два типа акцентных маркировок ПС корней, которые обуславливают развитие ПУ вокализма первого слога. Возникает вопрос: чему соответствуют два типа акцентных маркировок за пределами самодийских языков?

В 2011 г. в Хельсинки в процессе работы с архивом М. А. Кастрена было установлено, что подавляющее большинство хантыйских словоформ, собранных М. А. Кастреном на р. Иртыш (т. е. принадлежащих южным диалектам⁴¹), имеет разноместное ударение, которое не удается объяснить фонетическими особенностями словоформы. В 2011—2012 гг. был начат поиск разноместного, фонологически значимого ударения в современных северных хантыйских диалектах, были обследованы казымский, шурышкарский, среднеобской и низямский диалекты. Предварительный анализ показал, что в настоящее время только в низямском диалекте есть разноместное, фонологически значимое ударение⁴². Летом 2012 г. в с. Кышик Ханты-Мансийского района ХМАО С. В. Онина собрала материал по ударению в различных формах 200 лексем, которые были записаны в исполнении четырех носителей низямского диалекта. Из собранных 200 лексем низямского диалекта более 100 имеют параллели в материалах М. А. Кастрена по иртышским южнохантыйским диалектам. В подавляющем большинстве случаев⁴³ место ударения в южных (иртышских) говорах и низямском диалекте совпадает; именно это место ударения с большой долей вероятности следует восстанавливать для празападнохантыйского языка (праязыка северных и южных хантыйских диалектов)⁴⁴.

Неожиданно оказалось, что празападнохантыйское ударение коррелирует с акцентными маркировками, которые в настоящей работе были реконструированы для ПС языка. Из собранных 200 лексем низямского диалекта и приблизительно 300 слов иртышских диалектов (примерно 100 слов в этих списках «пересекаются») 34 слова имеют параллели среди тех ПС слов, для которых удается реконструировать ПС акцентную маркировку корня. Всего в трех из 34 слов наблюдаются несовпадения ПС акцентной маркировки и места ударения в празападнохантыйском. В остальных случаях, если ПС корень имеет плюсовую маркировку, то его рефлекс в низямском и иртышских хантыйских диалектах характеризуется фиксированным ударением на первом слоге; если корень в ПС имеет минусовую маркировку, то ударение в празападнохантыйском в ряде форм падает не на первый слог.

Пока мы не приводим здесь этот список соответствий, т. к. в настоящее время целесообразными представляются сбор полного проакцентуированного словаря низямского диалекта, анализ собранных данных с помощью фонетической программы и их дальнейшее сопоставление с акцентными маркировками ПС корней. Обработка представительного корпуса низямских лексем, включая все слова, которые имеют ПУ этимологию, позволит в несколько раз увеличить количество сопоставлений. В ближайшее время С. В. Онина планирует сбор и фонетическую обработку низямского словаря. Мы надеемся представить в дальнейших публикациях полный список хантыйско-самодийских сопоставлений, снабженный спектрограммами низямских слов, данными об ударении в их этимологических коррелятах в иртышских говорах по материалам М. А. Кастрена и информацией о ПС акцентной маркировке. Только после этого можно будет с уверенностью утверждать о совпадении места ударения в ПС и празападнохантыйском языках.

⁴¹ В настоящее время они считаются исчезнувшими.

⁴² На основании анализа собранных данных с помощью фонетической программы Praat в шурышкарском диалекте также было выявлено выделение разных слогов слова с помощью длительности и интенсивности. Однако пока не вполне ясен фонологический статус этого выделения, поскольку в ряде случаев в одной и той же форме в разных фразах могут быть просодически выделены разные слоги.

⁴³ Количество исключений — менее десяти слов.

⁴⁴ Как следует из анализа материалов архива А. П. Дульзона, в восточнохантыйском (васюганском) диалекте зафиксировано другое ударение, которое коррелирует с прахантыйской долготой / краткостью: в корнях с долгой прахантыйской гласной в первом слоге ударение при словоизменении фиксировано на первом слоге, в словах с краткой гласной в первом слоге ударение при словоизменении либо падает на последний слог, либо — в ряде глаголов — сохраняет подвижный характер (в одних формах падает на первый слог, в других — на последний).

С о к р а щ е н и я

Я з ы к и

мар. — марийские	ПС — прасамодийский	с.-самод. — северносамодийские
морд. — мордовские	Псельк. — праселькупский	фин. — финский
Е — эрзянский	ПУ — прауральский	ФУ — финно-угорский
М — мокшанский	саам. — саамский	энец. — энецкий
	І — диалект Инари	ю.-самод. — южносамодийские
- ненец. — ненецкий
 Т — тундровый ненецкий
 І — ижемский говор, говор с. Ижма Ижемского района Республики Коми (по [Lehtisalo 1956])
 О — обдорский говор, говор Обдорска, говор Салехарда (по [Lehtisalo 1956])
 ОР — нижнеобской говор, говор нижней Оби (по [Lehtisalo 1956])
 Sj — говор по р. Сейда, притоку р. Уса на Полярном Урале (по [Lehtisalo 1956])
 Sjo — канинский диалект (по [Lehtisalo 1956])
 T₁, T₄, T₇, T₁₂ — тазовские говоры, говоры по р. Таз (по [Lehtisalo 1956])
 U — говор д. Устье Заполярного района НАО, рядом с Пустозерском (по [Lehtisalo 1956])
 U-Ts — усть-цилемский говор, говор д. Усть-Цильма Усть-Цилямского района Республики Коми (по [Lehtisalo 1956])
 Л — лесной ненецкий
 Lj — ляминский диалект, говоры по р. Лямин (по [Lehtisalo 1956])
 Ni — говор по р. *Ni'ise'ej* говор д. *Toropkova*⁴⁵ (по [Lehtisalo 1956])
 Nj — назымский диалект, говор по р. Назым (по [Lehtisalo 1956])
 Р — пуровский диалект, говоры по р. Пур (по [Lehtisalo 1956])
- сельк. — селькупский
 Бел. — говор с. Белояровка Колпашевского района Томской области (архив А. П. Дульзона)
 Варг. — говор д. Варгананджино Каргасокского района Томской области (архив А. П. Дульзона)
 Ел. — елогуйский диалект, говоры по р. Елогуй (архив А. П. Дульзона)
 Иван. — говор с. Иванкино Колпашевского района Томской области (архив А. П. Дульзона)
 Кел. — говор с. Келлог Туруханского района Красноярского края (архив А. П. Дульзона)
 кет. — кетский диалект
 Кул. — говор с. Кулеево Каргасокского района Томской области (архив А. П. Дульзона)
 Ласк. — говор д. Ласкино Парабельского района Томской области (архив А. П. Дульзона)
 Мак. — говор д. Максимкин Яр Верхнекетского района Томской области (архив А. П. Дульзона)
 Нап. — говор с. Напас Каргасокского района Томской области (архив А. П. Дульзона)
 Пар. — говор с. Парабель Парабельского района Томской области (по полевым материалам, собранным в 2009 г.)
 Параб. — говор с. Парабель Парабельского района Томской области (архив А. П. Дульзона)
 Стс. — говор с. Старо-Сондорово Верхнекетского района Томской области (архив А. П. Дульзона)
 Таз. — тазовский диалект (по материалам словаря [Helimski 2007])
 Тиб. — говор д. Тибиняк Колпашевского района Томской области (архив А. П. Дульзона)
 Тур. — говор с. Туруханск Туруханского района Красноярского края (архив А. П. Дульзона)
 Тюхт. — говор д. Тюхтерево Парабельского района Томской области (архив А. П. Дульзона)
 Фар. — говор с. Фарково Туруханского района Красноярского края (архив А. П. Дульзона)
 центр. — центральные диалекты
 Чая — говоры по р. Чая

Общие

арх. — архаичное

АСС — аккузатив

Л и т е р а т у р а

Амелина 2011 — Амелина М. К. Акцентные характеристики производных имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть I. Ямальский и канинский диалекты // Урало-алтайские исследования. 2011, 2(5). С. 7—38.

⁴⁵ В настоящее время нам не удалось точно идентифицировать этот говор.

- Амелина 2012 — Амелина М. К. Акцентные характеристики имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть II. Гыданский диалект // Урало-алтайские исследования. 2012, 1(6). С. 7—54.
- Дыбо 2000 — Дыбо В. А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. 1. Москва, 2000.
- Норманская 2008 — Норманская Ю. В. Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008.
- Норманская 2010 — Норманская Ю. В. Новый взгляд на историю пермского вокализма: Описание развития вокализма первого слога в коми и удмуртском языках в зависимости от прапермского ударения и гласного второго слога // Вопросы уралоистики. СПб., 2009. С. 260—295.
- Норманская 2012 — Норманская Ю. В. Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Часть I. Разноместное ударение в центральных и южных диалектах селькупского языка // Урало-алтайские исследования. 2012, 1 (6). С. 117—148.
- Попова 1978 — Попова Я. Н. Ненецко-русский словарь: Лесное наречие. Szeged, 1978. (Studia Uralo-Altaica. 1978, 12.)
- Тезаурус 2010 — Норманская Ю. В., Дыбо А. В. Тезаурус: Лексика природного окружения в уральских языках. Москва, 2010.
- Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Терещенко 1993 — Терещенко Н. М. Энецкий язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993. С. 343—349.
- Хелимский 2007 — Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского / Обработано и издано Хелимский Е. А. Hamburg, 2007. (HSFUM. 2007, 4.)
- Aikio 2002 — Aikio A. New and old Samoyed etymologies // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2002, 57. P. 9—57.
- Alatalo 2004 — Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Donner K., Sirelius U. T. und Alatalo J. / Zusammengefasst und hrsg. von Alatalo J. Helsinki, 2004.
- Helimski 1997 — Helimski E. Nganasan // *Uralic Languages* / Ed. by Abondolo D. London—New York, 1997. P. 480—515.
- Helimski 2007 — Helimski E. Marginalia ad Uralisches Etymologisches Wörterbuch // www.helimski.com, 2007.
- Itkonen — Itkonen E. Inarilappisches Wörterbuch. Bd. I—IV. Helsinki, 1986—1991.
- Janhunen 1977 — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. (Castrenianumin toimiteita, 17.)
- Janhunen 1981 — Janhunen J. Uralilaisen kantakielen sanastosta // JSFOu. 1981, 77. S. 219—274.
- Lehtisalo 1956 — Lehtisalo T. Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (LSFU, 13.)
- Mikola 2004 — Mikola T. Studien zur Geschichte der samojedischen Sprachen / Hrsg. von Wagner-Nagy B. Szeged, 2004.
- Salminen 1993 — Salminen T. Phonological Criteria in the Classification of the Nenets Dialects // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. Vol. 51. Helsinki, 1993. P. 344—350.
- Salminen 2007 — Salminen T. Notes on Forest Nenets phonology // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia*. Helsinki, 2007. P. 349—372. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 253.)
- Sammallahti 1988 — Sammallahti P. Historical Phonology of the Uralic Languages // *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden—Brill, 1988. P. 478—554.
- Schiefner 1855 — Castrén M. A. Wörterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen / Bearbeitet von Schiefner A. St. Petersburg, 1855.
- UEW — Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1988.

РЕЗЮМЕ

Во второй части статьи приводится полная выборка селькупских корней, 1) для которых в первой части статьи удалось установить акцентную маркировку: плюсовую (ударение фиксировано на корне) или минусовую (ударение может сдвигаться на определенные суффиксы); 2) которые имеют этимологические аналоги в ненецком языке. Выяснилось, что в подавляющем большинстве случаев, если селькупский корень имеет плюсовую маркировку, то в тундровом диалекте ненецкого языка гласный первого слога долгий, а если минусовую — нейтральный по длительности (по [Lehtisalo 1956]); поэтому просодические характеристики корней могут быть реконструированы для прасамодийского уровня. В статье также рассматриваются рефлексы прауральских гласных в прасамодийском языке, показана их зависимость от просодической характеристики корня, сохранившейся в селькупском и ненецком языках.

SUMMARY

In the second part of the article the full list of the Selkup roots is given. In the first part of the article it was possible to establish the accent markings for these roots: plus marking (word accent is fixed on a root) or minus marking (word accent can

move to the certain suffixes); these roots have their etymological analogues in the Nenets language. It turned out, that in the majority of cases if the Selkup root has a plus marking, a vowel of the first syllable in Tundra Nenets is long and if the Selkup root has a minus marking, a vowel of the first syllable in Tundra Nenets is neutral. Therefore the prosodic features of the roots can be reconstructed on the Proto-Samoyed level. The article also deals with the reflexes of the Proto-Uralic vowels in the Proto-Samoyed language, their dependence from the prosodic features of the roots (which were kept in Selkup and Nenets) is shown.

Ключевые слова: ударение, селькупский язык, ненецкий язык, сравнительно-историческое языкознание, прасамодийская система вокализма

Keywords: word accent, stress, the Selkup language, the Nenets language, comparative linguistics, the Proto-Samoyed vowel system

Картографический метод исследования удмуртских аэрофонов (терминологический аспект)

Одним из методов исследования предметов и явлений традиционной культуры является картографирование, основная задача которого заключается в отображении на карте их пространственного расположения. Этот метод дает возможность очертить ареал бытования того или иного явления, выявить его терминологию на исследуемой территории, а в дальнейшем — раскрыть вероятные пути его распространения. Ареальные исследования, частью которых является картографирование, успешно используются в этномузыковедении для изучения музыкально-песенного фольклора, реже — инструментального.

Обращение автора статьи к данному методу закономерно и актуально для удмуртского этноинструментоведения. В настоящей статье ставится задача точечного обозначения на картографируемой территории терминов, определяющих в народной традиции одну из групп удмуртских музыкальных инструментов — аэрофонов. В дальнейшем это сделает возможным сравнительный анализ инструментов и их названий как внутри удмуртской культуры, так и с аналогичными инструментами и их обозначениями в других культурах (финно-угорской, тюркской, славянской), а также позволит очертить ареал бытования и вероятные пути распространения и заимствования музыкальных инструментов.

Аэрофоны (от греч. *ἀήρ* ‘воздух’ и *φωνή* ‘звук’) представляют собой архаичный пласт инструментальной культуры удмуртов, о чем свидетельствуют звуковые орудия, найденные в археологических памятниках финно-угорских народов Волго-Уралья [Бояркин 2008]. Так, на территории Удмуртской Республики (далее — УР) на раскопках городища Чеганда I (Каракулинский р-н УР) был найден свисток из медвежьего зуба начала I тысячелетия до н. э.¹ Его ствол имеет два канала и боковое отверстие, что, вероятно, позволяло извлекать звуки разной высоты [Корепанов 1998: 10]. На городище Иднакар (Глазовский р-н УР) были найдены рябчиковые манки *сяла чипсон*, датируемые X—XIII вв. (94 шт.). По определению сотрудника Института экологии растений и животных УрО РАН П. А. Косинцева, все найденные манки сделаны из бедренных костей соболя или куницы [Радя 1991]. Сигналы-манки были также обнаружены на местах поселения пермских народов — на Гремячанском поселении-святилище и Буйском городище эпохи железа [Корепанов 1998: 10].

Аэрофоны были обнаружены и на территории Нижнего Прикамья при раскопках Луговского могильника конца VIII—VI вв. до н. э. [Корепанов 1998: 7]. Это костяные флейты (19 трубок), связанные между собой ремешком, что, по мнению К. И. Корепанова, позволяло приспособить флейту для исполнения различной музыки, в том числе и культовой. Более того, судя по наличию сопровождающих предметов в могильнике, исследователь предполагает, что погребенный был не просто музыкантом, «но и выполнял при жизни какие-то культовые действия» [Корепанов 1998: 9].

Практически все найденные инструменты (как на поселениях, так и в могильниках) изготовлены из кости. Отсутствие подобных инструментов из дерева и других растений можно объяснить недолговечностью материала. Современные экспедиционные данные подтверждают сезонный характер этих инструментов: каждый из них соответствует определенному периоду.

Рис. 1.
Удмуртская Республика.

¹ Инструмент хранится в Национальном музее Удмуртской Республики им. Кузеева Герда под № 116/42.

Звук в группе аэрофонов возникает при помощи колебаний воздушной струи. Встречаются разнообразные наименования для обозначения данных инструментов; среди этих названий можно выделить пять основных, имеющих этимологические соответствия в языке коми, т. е. принадлежащих к **исконной пермской лексике**: *шулан*, *гумы*, *чипсон*, *пеллян* и *сюр*. Надо отметить, что этимоны трех последних слов в коми также описывают названия музыкальных инструментов, а два первых — нет [ССКЗД], поэтому на прапермском уровне они, видимо, еще не употреблялись в этом значении.

1) **Шулан** — наиболее распространенный термин, имеющий значения ‘дудка, свисток, свистушка, флейта’ [Борисов 1991: 350], ‘свистулька’ [Вахрушев 1983: 508]. Это название происходит от звукоподражательного глагола *шуланы* ‘свистеть, свистнуть’. Видимо, «свистковый» тембр стал одной из главных причин для обозначения данным термином разных по конструктивным особенностям инструментов. Это наименование, согласно экспедиционным материалам и письменным источникам, распространено на юге Удмуртии (Алнашский, Граховский, Можгинский, Завьяловский и Киясовский р-ны), а также встречается в северной части УР (Кезский, Глазовский и Ярский р-ны); см. *Рис. 1*.

2) Термин *гумы* ‘трубка, полый стебель растения, полый предмет’ [Вахрушев 1983: 115] подразумевает изготовление инструмента из стебля зонтичного растения, т. е. связан с материалом изготовления. Встречается несколько названий инструментов, которые «отсылают» к растению, из которого они сделаны: *чирсгумы*, *колысгумы* ‘борщевик сибирский’ [Соколов, Туганаев 1994: 23], *узьыгумы* ‘дягиль лесной, дудник’ [Соколов, Туганаев 1994: 47], *сардагумы* ‘снять обыкновенная’ [Соколов, Туганаев 1994: 40]. К этому же ряду примыкает музыкальный инструмент *чипчирган*, название которого связано с растением, из которого он изготавливается, — *чипчирган* ‘какалия / недоспелка копьевидная’ [Соколов, Туганаев 1994: 49; Вахрушев 1983: 475].

3) Для обозначения инструментов употребляется также термин **чипсон** ‘свистулька, свирель’ [Борисов 1991: 321], ‘свисток, свистулька, свирель, манок, дудочка, пищик’ [Вахрушев 1983: 475]. Видимо, в традиционном сознании *шулан* и *чипсон* воспринимаются как тождественные друг другу инструменты, т. к. звук имеет тот же «свистковый» тембр (отсюда несколько названий одного и того же инструмента). Это наименование, как правило, встречается на севере Удмуртии, хотя зафиксировано и на юге Удмуртии (Малопургинский р-н).

4) Название **пеллян** ‘дуновение, дутье, раздувание, дудка’ [Вахрушев 1983: 337] связано со способом звукоизвлечения — *пелляны* ‘дуть’ (а также ‘раздувать, нашептывать с целью излечения’) [Борисов 1991: 217]. Термином *пеллян* в центральных районах Удмуртии (Увинский и Вавожский р-ны) обозначаются практически все аэрофоны; встречается он и в некоторых южных районах УР (Кизнерский р-н). Анализируя этимологию этого слова, исследователь А. Н. Голубкова отмечает, что двойное значение слова — ‘дуновение, дутье, раздувание’ и ‘лечение нашептыванием, наговором’ (*пелляськон кыл* ‘лечебный заговор’) — дает возможность предположить использование инструмента *пеллян гумы* как обрядового в знахарской практике удмуртов [Голубкова 1992: 66]. Подтверждения этому мы не нашли, однако в Алнашском районе УР нами была зафиксирована информация об игре на *суй шулан* ‘глиняных свистульках’ во время праздника *гырон быдтон* ‘окончание пахоты’. Использование этого инструмента в другое время запрещалось во избежание нанесения вреда будущему урожаю [НОА 2005: 6].

5) Термин **сюр** ‘рог’ служит для обозначения трубы, которая изготавливалась из рога крупного животного, вытачивалась из дерева или гнулась из металлической жести.

Термины *быз* и *бургы* имеют **тюркское происхождение**.

1) Термин **быз** ‘волынка’ был заимствован удмуртами от соседних тюркских народов — татар. Так, исследователь татарских аэрофонов Г. М. Макаров отмечает, что это название перешло к удмуртам от татар: тат. *быз* является укороченной формой слова *кубыз* ‘губной музыкальный инструмент’ [Макаров 2008: 83]. Такое развитие слова *кубыз* в татарском языке могло быть обусловлено влиянием звукоподражаний: ср. ПТю звукоподражательный глагол **buzla-* / **bozla-* ‘реветь, кричать (о животных)’ с именной основой **buz-* [ЭСТЯ 1978: 239—241]; сюда же удмуртское *бозгетыны* ‘жужжать, гудеть’.

2) В удмуртском языке сохранилось понятие *бургетыны* ‘трубить’; существительное *бургы* обычно употребляется в значении ‘медная трубка (в самогонном аппарате)’, однако в кукморском и бавлинском диалектах удмуртского языка (Республика Татарстан) *бургы* / *бурзь* употребляется и для обозначения дудки, сделанной из дудника [Тараканов 1981: 56]. Отсутствие информации о конструкции инструмента затрудняет определение его принадлежности к той или иной группе аэрофонов. Этимологически слово *бургы* связано с татарским *быргы* ‘горн, рожок, труба, дудка’ (музыкальный инструмент).

Музыкальные инструменты могут иметь одно или несколько наименований, что связано с разными локальными традициями удмуртов. Определяющим признаком для обозначения на карте аэрофонов является, прежде всего, конструкция инструмента. При систематизации музыкальных инструментов мы придерживаемся общепринятой отечественными и зарубежными исследователями классификации Эриха

М. фон Хорнбостеля и Курта Закса, основанной на числовых обозначениях², которые предусматривают расположение инструментов от простых к сложным по конструкции, материалу изготовления и способу игры [Хорнбостель, Закс 1987].

Материалом для исследования послужили записи фольклорных экспедиций Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (2004—2011 гг.), в которых принимал участие и автор статьи, а также письменные источники XIX—XXI вв.

1. Свободные аэрофоны

Извлечение звука происходит с помощью свиста, при этом колеблющийся воздух не ограничен корпусом инструмента. Основными материалами для этой группы музыкальных инструментов являются природные: лист, злаки (осока, тимopheевка), береста, пленка лука-пороя, стручки гороха, акации и т. д.

Свободные аэрофоны распространены повсеместно на всей территории Удмуртии, а также за пределами УР — в районах проживания других групп удмуртов (Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Пермский край, Кировская область, Свердловская область):

- 1) *турын шулан* ‘свистулька из травы’ (412.1);
- 2) *туй шулан* ‘свистулька из тонкой бересты’³ (412.1);

см. Рис. 2;

3) *тыпы мульы шулан* ‘свистулька из желудя’ (412.1; д. Ожмос-Пурга и с. Бабино Завьяловского р-на УР) [▲];

4) *пулэсь шулан* ‘свистулька из дерева’ (412.14; д. Курегово Глазовского р-на УР) / *чипсон* ‘свистулька’ (412.14; д. Чутожмон Малопургинского р-на УР) — инструмент представляет собой берестяную ленточку, туго натянутую и обрамленную деревянными брусками [●];

5) *жуужжалка* (412.22; совр. Шарканский р-н УР) — вихревая вертушка, один из архаичных инструментов [◇].

Судя по описанию, сделанному Г. Е. Верещагиным, у удмуртов «жуужжалка» представлена в виде цилиндра, сделанного из дерева, длиной не менее 45 см, толщиной 1 см. В середине цилиндра с обеих сторон на одинаковом расстоянии друга от друга вырезается по две дырочки, в которые продевается нитка или шнурок с завязанным концом. Один конец нитки надевается на указательный палец правой руки, а другой — на указательный палец левой руки; нитка натягивается в горизонтальном направлении. Для извлечения звука нитку необходимо скрутить, после чего потянуть за оба конца нитки, то ослабляя, то натягивая ее. «Жуужжалка» будет крутиться то в одну, то в другую сторону и издавать звук, похожий на жужжание [Верещагин 1886: 190].

2. Флейтовые аэрофоны

Исполнитель направляет струю воздуха на край верхнего отверстия трубки; струя воздуха ограничена корпусом инструмента. Выделяется несколько разновидностей флейтовых аэрофонов:

1) закрытая флейта из стебля растения с продольной прорезью-щелью (из расщепленного стебля) — *шулан* / *пеллян гумы* ‘дудка из дудника / дягиля лекарственного’ (д. Чиргино и д. Курегово Глазовско-

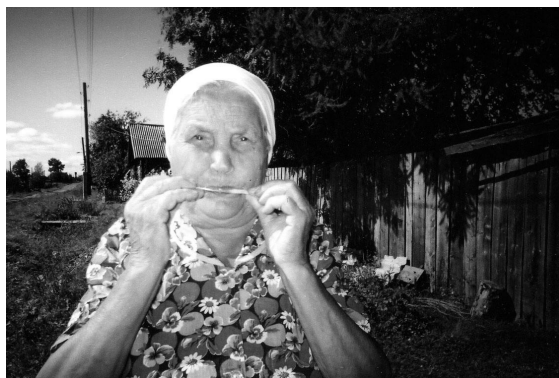

Рис. 2.

Игра на инструменте *туй шулан*.

Рис. 3.

Игра на инструменте *шулан*.

² См. числовые обозначения в круглых скобках при описании аэрофонов (например, 412.1 и т. д.).

³ Инструменты *турын шулан* и *туй шулан* встречаются во всех районах УР, поэтому мы не обозначаем их на карте.

го р-на, д. Озерки Ярского р-на УР); представляет собой переходную форму от свободных к собственно музыкальным инструментам [=];

2) закрытая одиночная продольная флейта без игровых отверстий (длиной 5—30 см) — *шулан / пеллян гумы* (421.111.21; д. Золотарево Глазовского р-на УР) [≠]; см. Рис. 3;

3) открытая продольная губно-щелевая флейта (длиной 15—50 см) со свистковым вырезом, с игровыми (не более двух — 421.111.12) или без игровых отверстий (421.111.11) — *чыжы чирсгумылэсь шулан* (д. Чиргино Глазовского р-на УР), *узыгумы шулан* (д. Жувам Юкаменского р-на УР) [Попова 2005], *колысгумылэсь шулан* (д. Ожмос-Пурга, с. Бабино и д. Сапарово Завьяловского р-на УР, с. Кирга Куединского р-на Пермского края), *шулан гумы* (д. Чиргино, д. Курегово и д. Золотарево Глазовского р-на УР, д. Чутожмон Малопургинского р-на УР) ‘свисток из дудника / дягиля лекарственного / борщевика’ [≠];

4) открытая продольная губно-щелевая флейта (длиной 50—80 см) со свистковым вырезом и без игровых отверстий; изготавливается из стебля растения или современных материалов (резинового шланга, алюминиевых или пластмассовых трубочек) — *узыгумы* ‘дудка из дудника / дягиля’, *гумы* ‘дудка’ (421.111.12; д. Новый Унтем Кезского р-на УР, д. Кельмовыр-Жикья Селтинского р-на УР [Гиппиус, Эвальд 1989: 28, 80], д. Нижняя Тига Чаинского р-на Томской области) [≠]; см. Рис. 4;

5) закрытая продольная флейта (длиной 5—20 см) со свистковым вырезом, вставной деревянной пробкой с щелью, без игровых или с игровыми отверстиями / с передвигающейся нижней частью инструмента — втулкой (421.221.31); материал, из которого изготовлен инструмент, отражается в его названии — *беризь / бадьпу / палэзьпу шулан* (д. Новый Утчан и д. Верхний Утчан Алнашского р-на УР, д. Чутожмон и д. Нижние Юри Малопургинского р-на УР, д. Лолошур-Возжи Граховского р-на УР, д. Ожмос-Пурга и д. Сапарово Завьяловского р-на УР, д. Озерки Ярского р-на УР), *беризь / бадьпу / палэзьпу чипсон* ‘липовый / ивовый / рябиновый свисток’; *сяла чипсон* (городище Иднакар IX—XIII вв. на территории Глазовского р-на УР, д. Чутожмон Малопургинского р-на УР), *сяла пеллян* (д. Вишур и д. Вуж Бодья Кизнерского р-на УР) ‘рябчиковый манок’ [≠]; см. Рис. 5;

6) окарина в форме рыбы или птицы с продолговатой щелью, со свистковым и боковыми отверстиями (421.221.42) — *сюй шулан* ‘глиняная свистулька’ (д. Казаково и д. Новый Утчан Алнашского р-на УР, д. Нижние Юри Малопургинского р-на УР, с. Большая Кибья Можгинского р-на УР), ‘кукла-свистулька’ [Верещагин 1886: 189—190] (совр. Шарканский р-н УР) [Δ].

Рис. 4.

Игра на инструменте *узыгумы*.

Рис. 5.

Игра на инструменте *бадьпу шулан*.

3. Язычковые аэрофоны

Инструмент имеет встроенные пластинки (язычки), за счет колебания которых струя воздуха толчкообразно подводится к столбу воздуха, находящемуся в трубке инструмента. К этой группе аэрофонов относятся два удмуртских инструмента:

1. закрытый свисток (длиной 11—17 см) с одинарным бьющимся язычком из стебля ржаной соломы (422.211.1) — *куро чипсон / куро шулан* ‘свистулька из ржаной соломы’ (д. Чиргино, д. Курегово и д. Золотарево Глазовского р-на УР, д. Озерки Ярского р-на УР), *куро быз* ‘соломенная волынка’ [Попова 2005: 86] (д. Жувам Юкаменского р-на УР); использовался также в качестве пищика для волынки⁴ [—]; см. Рис. 6;

2. волынка (422.22) — *быз* ‘бесермянская волынка’ (д. Жувам Юкаменского р-на УР, совр. с. Укан Ярского р-на УР) [Луппов 1911: 272], *шудэм бьж* ‘музыкальный инструмент, похожий на волынку’ [Насибуллин 1978: 149] (Красноуфимский р-н Свердловской

Рис. 6.

Игра на инструменте *куро шулан*.

⁴ Быз хранится в фондах Российского Этнографического музея (г. Санкт-Петербург) под №1111-112 abcde.

области) [◀].

Рис. 7.

Игра на инструменте *чипчирган*.

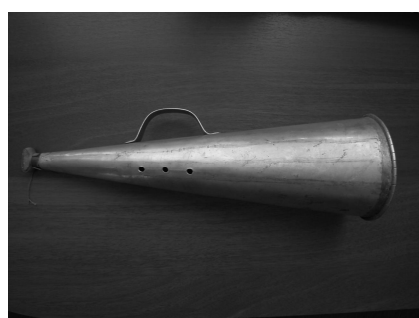

Рис. 8.

Рожок.

Рис. 9.

Карта распространения аэрофонов.

4. Трубы

Звук возникает за счет движения губ исполнителя, плотно сжатых и приложенных либо к верхнему краю инструмента, либо к специально изготовленному приспособлению — мундштуку (в качестве последнего может выступать деревянная шпилька из-под ниток):

1. натуральная продольная труба из полого стебля растения (длиной 1,5—2 м) без игровых отверстий и мундштука (423.121.11) — *чипчирган* (д. Кельмовыр-Жикья Селтинского р-на УР) [Гиппиус, Эвальд 1989: 28, 80], *чупчурга* (д. Новый Унтем Кезского р-на УР), *чипчиргангумы* (д. Чутожмон Малопургинского р-на УР), *пеллян гумы* (д. Чиргино Глазовского р-на УР) [■]; см. Рис. 7;

2. труба, изготовленная из рога крупного животного, дерева или металлической жести, с мундштуком, с игровыми или без игровых отверстий (423.121.22) — *сюр* / *скал сюр* ‘рог / коровий рог’ (д. Удмуртский Тоймобаш Алнашского р-на УР) [Бойкова, Владыкина 1992: 9], *рожок* / *дудка́* (д. Кузубаево, д. Новый Утчан, д. Верхний Утчан и д. Оркино Алнашского р-на УР; с. Большая Кибья Можгинского р-на УР; д. Среднее Кечево, д. Чутожмон и д. Нижние Юри Малопургинского р-на УР; д. Чиргино Глазовского р-на УР) [■]; см. Рис. 8.

На представленной карте (Рис. 9) показана степень распространенности аэрофонов на севере и юге Удмуртии; отсутствие подобной информации о центральной части Удмуртской Республики связано с недостаточной изученностью инструментальной традиции на этой территории. Первоначальная информация о бытовании аэрофонов общепермского происхождения у северных удмуртов подтвердилась. Более того, функционирование многих из них (*пулзсь шулан*, *чирсгумьлзсь шулан* / *узьыгумы шулан* / *колысгумьлзсь шулан* / *шулан гумы*, *узьыгумы*, *беризь* / *бадьпу* / *палзсьпу шулан* / *чипсон*, *чипчирган*, *тутэктон* / *скал сюр* / *рожок*) говорит о повсеместном распространении аналогичных инструментов в раз-

ных локальных традициях удмуртов. Однако некоторые аэрофоны встречаются довольно редко и только в отдельных местах: *сюй шулан* — на юге, *куро чипсон / куро шулан / куро быз* — на севере, *быз / шүдэм бьж* — у бесермян и красноуфимских удмуртов. Относительно последнего инструмента (*быз / шүдэм бьж* ‘волынка’) можно предположить, что его распространение и сохранение связано с влиянием тюркской культуры, а также проживанием этноса в иноэтническом окружении⁵.

Данная статья является первой попыткой картографирования названий удмуртских музыкальных инструментов с точки зрения этноинструментоведения, требуется дальнейшая работа в этом направлении.

С о к р а щ е н и я

Языки

греч. — греческий ПТю — пратюркский тат. — татарский

Общие

совр. — современное ср. — сравните УР — Удмуртская Республика

Л и т е р а т у р а

Бойкова, Владыкина 1992 — *Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г.* Песни южных удмуртов. Вып. 1. Ижевск, 1992.

Борисов 1991 — *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие.) Ижевск, 1991.

Бояркин 2008 — *Бояркин Н. И.* Древние звуковые комплексы восточных финнов (по археологическим материалам) // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений. Сборник научных трудов / Отв. ред. *Бояркин Н. И.* Саранск, 2008. С. 23—70.

Вахрушев 1983 — Удмуртско-русский словарь / Ред. *Вахрушев В. М.* М., 1983.

Верещагин 1886 — *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сосновского края. СПб., 1886.

Владыкин, Попова 2003 — *Владыкин В. Е., Попова Е. В.* Этническая мобилизация бесермянского народа // Феномен Удмуртии. Т. 3. Идеология и технологии этнической мобилизации. Кн. 3. Единство и многообразие этнических мобилизаций / Под общ. ред. *Губогло М. Н.* М.—Ижевск, 2003. С. 354—358.

Гиппиус, Эвальд 1989 — *Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.* Удмуртские народные песни. (Памятники культуры: Фольклорное наследие.) Ижевск, 1989.

Голубкова 1992 — *Голубкова А. Н.* Роль музыкальных инструментов и инструментальной музыки в духовной культуре удмуртов // Вестник Удмуртского университета. 1992, 6. С. 63—69.

Корепанов 1998 — *Корепанов К. И.* Музыкальные инструменты эпохи железа Волго-Камского региона VIII века до н. э. — III века н. э. Уфа, 1998.

Луппов 1911 — *Луппов П. Н.* Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911.

Макаров 2008 — *Макаров Г. М.* О формировании музыкально-инструментальной культуры финно-угров Волго-Камья в древности (по материалам народной терминологии) // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений / Отв. ред. *Бояркин Н. И.* Саранск, 2008. С. 71—89.

Насибуллин 1978 — *Насибуллин Р. Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия / Отв. ред. *Вахрушев В. М.* Ижевск, 1978. С. 86—151.

НОА 2005 — Дело № 2Н-13836 // Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2005.

Попова 2005 — *Попова Е. В.* Игрушки из растений в детской игровой культуре удмуртов и бесермян // Традиционная культура. 2005, 3. С. 85—93.

Радя 1991 — *Радя В. В.* Опыт акустической характеристики манков с городища Иднакар // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Сборник статей. Ижевск, 1991. С. 75—79.

⁵ Бесермяне — группа южных удмуртов, испытывавшая сильное и длительное тюркское влияние. В состав бесермян, возможно, влилась какая-то раннетюркская группа, родственная чувашам [Владыкин, Попова 2003: 354]. В настоящее время бесермяне считаются отдельным этносом.

Соколов, Туганаев 1994 — *Соколов С. В., Туганаев В. В.* Биологической нимкыльёсын кылбугор. Словарь биологических терминов / Под общ. ред. *Соколова С. В.* Ижевск, 1994.

ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Ред. *Сорвачева В. А.* Сыктывкар, 1961.

Тараканов 1981 — *Тараканов И. В.* Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. Учебное пособие по лексикологии удмуртского языка для студентов высших учебных заведений. Ижевск, 1981.

Хорнбостель, Закс 1987 — *Хорнбостель Э. М., Закс К.* Систематика музыкальных инструментов // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. Ч. 1. М., 1987. С. 229—261.

ЭСТЯ 1978 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Ред. *Севортян Э. В. М.*, 1978.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются народные термины, обозначающие удмуртские аэрофоны: *шулан, чипсон, пеллян, гумы, сур* и *быз*. Первые пять являются словами общепермского происхождения и встречаются практически на всей территории Удмуртии. Последний имеет древнетюркское происхождение и распространен на юге Удмуртии.

SUMMARY

The article deals with the terms for the Udmurt aerophones such as *šulan, čipson, pell'an, gummy, s'ur* and *byz*. The first five terms are the Proto-Permic words, they are spread in all parts of the Udmurt Republic. The last term is the Old Turkic word, it is spread on the South of the Udmurt Republic.

Ключевые слова: удмуртский язык, удмуртский фольклор, аэрофоны, термины, этимология, картографирование

Keywords: the Udmurt language, the Udmurt folklore, aerophones, terms, etymology, mapping (cartography)

Модели предложений с глаголами речи в тувинском языке

Описание формальной и содержательной структуры элементарных простых предложений с глаголами речи в тувинском языке представляет собой мало исследованную область и интересную научную задачу. Прежде всего, это описание позволит значительно уточнить структуру лексико-семантического поля глаголов речи в тувинском языке, поскольку нынешние словарные толкования для данной области в толковом и переводных словарях тувинского языка не дают представления о синтаксических связях глаголов, что объясняется недостаточной изученностью самих этих связей и отсутствием единого общепринятого критерия для их разграничения. К тому же, в свет вышли только первый (А—Й) и второй (К—С) тома «Толкового словаря тувинского языка».

Ср. в [ТРС 1968]: *чугаала* = 'сказать, говорить, повествовать' [ТРС 1968: 544], *сөглө* = 'сказать, говорить' [ТРС 1968: 385], *төөгү* = 'рассказывать о чем-либо' [ТРС 1968: 419], *дыңнат* = 'сообщать' [ТРС 1968: 194], *ыытта* = 'издавать звуки; говорить; откликаться' [ТРС 1968: 602]. Ср. в [ТСТЯ]: *дыңнат* = 1) 'сообщать, извещать, доводить до сведения', 2) 'предупреждать' [ТСТЯ, 1: 556]; *сөглө* = 1) 'говорить, выражать словами', 2) 'ругать', 3) 'быть свидетелем, доказательством', 4) 'показывать' [ТСТЯ, 2: 725]. На основании этих толкований невозможно установить правила, по которым при порождении предложений тувинского языка выбирается тот или другой из этих глаголов. Расплывчатость в представлении данных о семантике и употреблении глаголов связана с недоучетом необходимости включения в толкование глагола сведений о его актантной структуре.

Вкратце современные лингвистические представления о лексической семантике можно очертить следующим образом; подробнее см.: [Гак 1969; Алисова 1970; Ломтев 1973; Богданов 1977; Касевич, Храковский 1983; Падучева 1985]. Слово естественного языка — знаковая единица, т. е. двусторонняя единица, имеющая форму и значение. При семантическом анализе отдельные значения многозначного слова рассматриваются как составные части отдельных единиц. По крайней мере для значительной части слов-лексических единиц (прежде всего для тех, ядерная функция которых в предложении — предикат) следует считать, что каждое из них описывает стандартизованное представление о некотором типе реальных ситуаций.

Типизованная ситуация («фрейм» в одной из терминологий) включает «участников ситуации» (они же «семантические роли»), связанные элементарными отношениями. Семантические роли делятся на: 1) «ядерные» («обязательные») — сущностно важные для ситуации, т. е. такие участники, без которых сама ситуация не может иметь места и которые характеризуют в данном наборе именно этот тип ситуаций; 2) «неядерные» — не характеризующие специфически данный тип ситуаций (хотя, возможно, и необходимо присутствующие в нем). Пример — ситуация торговли: 1) включает как ядерные роли покупателя, продавца, акт передачи (сам по себе может быть описан как фрейм с более элементарными участниками), предмет торговли («ресурс» в терминологии В. Ю. Розенцвейга), деньги (или иной кодифицированный эквивалент обмена); 2) «неядерные» роли здесь — время, когда совершается сделка, место, где она совершается (роли, характеризующие любую ситуацию типа события или процесса), цель сделки (в принципе, может отсутствовать); о последнем типе «неядерных» ролей иногда говорят как о «внешних» ролях.

Типы ситуаций могут быть расклассифицированы внутри тезауруса, соответственно, вступая между собой в отношения включения, пересечения и подчинения. Торговля — подтип ситуации обмена, в ситуации обмена не специфицирован как кодифицированный эквивалент второй ресурс; купля и продажа — подтипы ситуации торговли, в зависимости от того, покупатель или продавец рассматривается как главный герой ситуации; спекуляция — еще один подтип ситуации торговли, где участник «цель» включен как внутренний, т. е. торговля с целью получения неоправданно высокой прибыли (для нас не важно, что реально соответствующая ситуация, возможно, ничем не отличается от просто торговли — здесь речь идет об обычном значении слова).

Предполагается, что словарь каждого языка представляет собой базу данных с «фреймовыми» толкованиями для слов, включающую информацию о синтаксической интерпретации «семантических ролей» и (если того требует грамматика языка) о стандартном морфологическом выражении этой синтаксической интерпретации (или, возвращаясь к принятой у нас терминологии, информацию о модели управления слова). Кроме того, для каждого фрейма имеются ссылки на все слова, фреймы которых совпадают с данным или находятся с ним еще в каких-либо отношениях. Пожалуй, наиболее подробная

разработка «фреймовой» семантики сейчас принадлежит Ч. Филлмору и его сотрудникам; см. [Berkeley Framenet Project] (сам Ч. Филлмор ведет исследования в этом направлении с 1982 г.).

Что касается более ранних работ, ориентированных на применение электронных средств в изучении естественного языка, то предикатное представление лексической семантики было принято как в модели «Смысл — Текст» (ср. у Ю. Д. Апресяна: «В общем случае толкуемой единицей должно быть не отдельно взятое слово, а содержащее его выражение вида XPY , где P — толкуемое слово, а X и Y — переменные, сообщающие данному выражению форму предложения или словосочетания» [Апресян 1967: 97]; еще раньше, с 1960 г., — в работах Ю. И. Мартемьянова [Мартемьянов 1964: 34]), так и в различных направлениях генеративистики (несколько позже, поскольку генеративная грамматика далеко не сразу признала необходимость работы с семантическим уровнем языка).

Настоящая работа пользуется положениями и терминологией Новосибирской синтаксической школы, основанной М. И. Черемисиной, подход которой в основных чертах перекликается с изложенными выше. По мнению М. И. Черемисиной, основной синтаксической единицей является элементарное простое предложение (далее — ЭПП). ЭПП как языковые сущности недоступны прямому наблюдению, поэтому их записывают в виде моделей, в которых отражается понимание исследователем структурно-семантического устройства этих языковых объектов. Модель ЭПП фиксирует необходимые компоненты синтаксической единицы, которые представляются с помощью традиционных «символов классов слов» [Черемисина 1997: 58]. Подобный подход к описанию структурно-семантического устройства предложений позволяет за пестрым, поистине бесконечным множеством фраз увидеть небольшое число минимальных «образцов», к которым это разнообразие можно и нужно свести, чтобы понять их истинную природу [Черемисина, Скрибник 1996: 47]. План выражения ЭПП можно представить в виде структурной схемы; планом же содержания ЭПП является пропозиция — абстракция, которая соответствует смыслу предложения как знака языка [Черемисина 1995: 47].

Универсальным семантическим типом описываемых ниже ЭПП является ситуация передачи информации, что конституируется глаголами речи, имеющими три обязательные валентности: субъект речи, тема и адресат речи¹ [Тыбыкова 1991: 206]. Однако для описания поведения глаголов речи в тувинском языке выделение трех указанных элементов не всегда достаточно (подробнее см. ниже).

Под формальной структурой предложения понимается система актантов, выраженных именами в определенных падежных формах. Содержательной структурой предложения мы называем смысловые отношения между актантами² и предикатом. В описываемой группе конструкций субъект выражается существительным в именительном (по другой терминологии — в неопределенном) падеже; тема сообщения выражается существительным в винительном, неопределенном или исходном падежах; адресат выражается дательным или направительным падежами.

Содержание сообщения также может выражаться предикативным (сентенциальным) актантом, например: *Канчаар аңнап чораанын кадайын=га ол дыка-ла хөөрөп бериксээн* [КЭК, ЧЧ: 128] ‘Он очень хотел рассказать своей жене о том, как он ездил на охоту’. Предикативное выражение темы речи выступает не в форме исходного падежа, а в форме послеложной конструкции (с послелогом в вершине), например: *Канчаар аңнап чораанының дугайында кадайында ол дыка-ла хөөрөп бериксээн* ‘Он очень хотел рассказать своей жене о том, как он ездил на охоту’.

В зависимости от отсутствия или наличия выражения адресата мы предлагаем выделять модели³ 1) с адресованной информацией — {N1 N3 N4/6 Vf} и {N1 N дуга-йын=да N3 N4 Vf} (а также структурно-семантические варианты модели {N1 N дугайын N3 Vf} и {N1 N7 Vf}); 2) с неадресованной информацией — {N1 N4 Vf}.

Нами были использованы примеры, взятые из произведений художественной литературы классиков тувинского языка — С. А. Сарыг-оола, М. Б. Кенин-Лопсана, С. С. Сурун-оола, К.-Э. К. Кудажи, С. Тамба, Ш. Куулара и др. Предложений с адресованной и неадресованной информацией встретилось около 2000 примеров.

¹ Одноактантные модели с глаголами звучания рассмотрены автором в статье «Семантические варианты модели звучания простых предложений в тувинском языке» [Серээдар 2011: 43—46].

² Актант (в сложившейся терминологии) — участник ситуации, наличие которого в содержательной структуре предложения обязательно.

³ Ниже при описании структурных схем предложений используются принятые в Новосибирской синтаксической школе условные обозначения: N1 — имя существительное в именительном падеже, N2 — имя существительное в родительном падеже, N3 — имя существительное в дательном падеже, N4/6 — имя существительное в винительном и исходном падежах, Vf — спрягаемый глагол.

Модели предложений, выражающих адресованную информацию

1) В модели с адресованной информацией {N1 N3 N4/6 Vf} с типовым значением ‘сообщить кому что’ выделяются следующие семантические роли: N1 — субъект-адресант (обычно одушевленное имя существительное или местоимение); N3 — адресат, получатель информации (одушевленное имя существительное или местоимение в форме дательного падежа); N4 — объект, указывающий на содержание сообщения (существительное в форме винительного падежа или послеложная конструкция с причастием); Vf — предикат. В нашем корпусе с данной конструкцией встретилось около 1500 примеров.

Адресатом речи может быть человек или группа людей, поэтому для его обозначения употребляются имена собственные, существительные со значением лица или группы лиц, личные местоимения в **дательном падеже**: (Сен) *меңээ эки-ле сөс чугааладың, думам* [КЭК, УХ, кт: 114] ‘Ты мне сказал хорошее слово, брат младший’; *Эртенинде эштерим=ге авамның чагыы=н дөгөрезин чугаалап бердим* [САС, АТ: 205] ‘Утром я своим друзьям передал (рассказал) наказ моей мамы’.

Эта модель представлена предложениями со следующими глаголами: *чугаала*= ‘сказать, говорить, повествовать’, *сөгле*= ‘сказать’, *ытта*= ‘говорить’, *сүмеле*= ‘советовать’, *төөгү*= ‘рассказать’, *дыңнат*= ‘сообщать’, *тоолда*= ‘рассказывать; рассказывать сказку’, *ыт*= ‘рассказать сказку’, *илетке*= ‘докладывать, отчитывать, сообщать’, *медээле*= ‘сообщать, раскрывать, выявлять’. Например: 1) *Эртенинде эштерим=ге авамның чагыы=н дөгөрезин чугаалап бердим* [САС, АТ: 205] ‘Утром своим друзьям передал (рассказал) наказ моей мамы’; 2) *Ындыг кижии ооң=ну адаң-иең=ге мурнунда-ла чоп сөглөвээн сен!* [САС, АТ: 236] ‘Раз такой человек, почему заранее об этом не сказал родителям!?’; 3) *Мен ажылым=ны сеңээ канчап хуннуң-не илеткеп турар-дыр мен* [САС, ЧЧ: 54] ‘Я же тебе каждый день докладываю о своей работе’; 4) *Боражык Онза судтуң ажыл-чорудулгазы=н кадайың=га ынчан бирден бирээ чокка төөгүп берген* [АД, ЧЧ: 10] ‘Боражык рассказал подробно своей жене о процессе работы Особого суда’; 5) *Мен бичишимде, кырган-ачам меңээ бир тоол ыдып берген* [СТ, АС: 86] ‘Когда я был маленьким, мой дедушка рассказал мне одну сказку’; 6) *Ол бир-ле катап кожазын=га ону сүмелээн* [КЧ, ДА: 25] ‘Он один раз своему соседу посоветовал его’; 7) *Ол меңээ ажыл-херээ=н дыңнатты* ‘Он мне сообщил о своей работе’⁴; 8) *Чазактың даргазы ажыл-ижии=н чон=га медээледи* ‘Председатель правительства сообщил свою работу народу’; 9) (...) (Ол) *элиниң эдин чеңгизи пажынга дүлгөш, (...) аңнап чоруурунуң аргаз=н бис=ке тоолдап олурда (...)* [СТ, АС: 16] (...) ‘(Он), сварив мясо марала в своем медном казане, (...) рассказывал нам о методах охотоводческих дел’ (...); 10) *Соскар Буян=га сөс ыттаваан* [КЭК, УХ, кт: 127] ‘Соскар не сказал Буяну ни одного слова’.

В форме винительного падежа могут стоять слова, отражающие собственно содержание речи, нередко с оценкой: *чажыт* ‘тайна’, *шын* ‘правда’, *билдинмес чүве* ‘что-то непонятное’, *сактыышкын* ‘воспоминания’, *таварылга* ‘случай, событие, происшествие’, *медээ* ‘новость; сведения’, *чагыг* ‘наказ’, *эрбениг сөс* ‘упрек’, *хөй чаа чүве* ‘много нового’, *чугула чүве* ‘что-то важное’, *херекчок чүве* ‘вздор и т. д. Они передают значение внутреннего эмоционального переживания или мышления.

Глагол *сөгле*= ‘сказать’ часто сочетается с именами существительными с отвлеченным значением, например: *чажыт* ‘тайна’, *сеткил* ‘душа’, *шын* ‘правда’, *чагыг* ‘наказ’, *човулаң* ‘мучение’. Данный глагол в сочетании с именами существительными *чажыт чүве* ‘тайна’, *сеткил* ‘душа’ и *шын* ‘правда’ передает значение ‘сообщать кому-либо скрываемую информацию, то, о чем не следует сообщать’: *Ачаңга кандыг чажыт чүве сөгледиң, уруум?* [ЭД, СЧ: 81] ‘Отцу своему какую тайну сказала, дочка?’; *Ол Дуктүг-оол кадайы дыңнаан, билген сеткили=н меңээ дораан-на сөглей каапты* [САС, АТ: 332] ‘Жена того Дуктүг-оола сразу рассказала мне все услышанное и увиденное’; *Сен дөмей-ле бисти Хөндөргей суурнуң чаңгыс шагдаазыңга сөглөптер сен* [КЛ, АЧ: 247] ‘Ты все равно про нас расскажешь единственному милиционеру села Хөндөргей’.

В этой модели также употребляются перифрастические наименования речевой деятельности. Значение передачи информации могут приобретать сочетания существительных, имен передачи информации (например, со значениями ‘наказ’, ‘разговор’, ‘информация’), со вспомогательным глаголом *бер*= ‘давать’: *чагыг-сөс бер*= ‘дать наказ’, *сөс бер*= ‘дать слово’, *чөпиээрел бер*= ‘дать согласие’, *сүме бер*= ‘дать совет’. Например: *Кожазы аалдың кырганы чаңгыс өдектиң оолдарың=га чагыг-сөзүң берген* [ШК, Б: 249] ‘Пожилой человек соседского аала дал наказ парням’; *А кажан комиссия хуралыңга аңаа сөс бээрге (...)* [СТ, ЧЧ: 72] ‘Когда ему дали слово на собрании комиссии’ (...).

Некоторые глаголы с исходно неречевым значением: *төк*= ‘выливать, разливать; высыпать, рассыпать’, *тө каг*= ‘проливать, опрокидывать (открытый сосуд с жидкостью)’, *кут*= ‘лить, сыпать’, *хөөре*= ‘бурлить, бежать (о кипящей жидкости)’ — употребляются в переносном значении ‘рассказывать (гово-

⁴ Это предложение придумано автором этой статьи, который является носителем тувинского языка. Далее все примеры без ссылки на источник в квадратных скобках — примеры автора статьи.

речь) с увлечением»; ср. русское выражение *изливать душу* ‘искренне говорить’. Человек произносит что-либо с большим чувством, эмоциональным напряжением или очень быстро, часто, так что речь наминает интенсивное движение чего-то льющегося или сыпучего. Данные глаголы также употребляются в конструкции с адресованной информацией, например: *Оон башка ишти-хөңнүм кайын улус=ка тө каап чоруур мен?* [ШК, Б: 15] ‘Иначе почему я буду людям изливать свою душу?»; *Ашак шунту чүвени аңаа хөөрөн берген* ‘Старик обо всем рассказал ему’. Эти глаголы могут употребляться без валентности содержания, т. е. может быть включенный объект.

Отметим, что в тувинском языке существительное в винительном падеже обозначает **определённый объект**. Аффиксом винительного падежа всегда оформляются имена существительные с аффиксом принадлежности 3-го лица в значении ‘их, свой’, например: (*Ол*) *оон кээп, Сүлдем ашак=ка номчаан чүүлдэрин чугаалап эгелээр* [КЭК, УХ, кт: 348] ‘Потом, приходя, он рассказывает старику Сулдему все прочитанное’. В большинстве случаев имя существительное в неопределённом падеже в тувинском языке (в функции объекта) представляет **неопределённый объект** — группу или единичный предмет данного типа, никак не индивидуализированный, не несущий на себе специального показателя, например: *Оон аңгыда сеңээ бир чажыт чүве чугаалаайн* [СС, ТК: 150] ‘Кроме того, я тебе кое-что тайное расскажу’ (букв. ‘что-то тайное’). Когда речь идет о неиндивидуализированном объекте, тогда чаще всего употребляется имя существительное в неопределённом или исходном падежах, а когда объект индивидуализированный — в винительном падеже, например: *Мен ол дугайында чамдык чүвелерни чугаалаайн* ‘Я об этом кое-что расскажу’; *Кандыг-бир чүведен меңээ чугаалап бер* ‘Расскажи мне что-нибудь’; *Ол аңаа кандыг-бир чүве чугаалаан* ‘Он ему рассказал что-нибудь’.

Слова с аффиксом принадлежности 3-го лица в функции объекта никогда не употребляются в неопределённом падеже. Для передачи значения неопределённости используются неопределённый и исходный падежи. В отличие от винительного и неопределённого падежей, исходный падеж занимает позицию только непосредственно перед глаголом; существительное в исходном падеже в роли прямого объекта стоит непосредственно перед глаголом и при этом выражает либо **неопределённый объект**, либо **часть целого**. Выбор этого падежа определяется наклоном и временем глагола: он употребляется, если глагол стоит в повелительном, условном, согласительном и сослагательном наклонениях или в будущем времени изъявительного наклонения.

Во всех этих случаях есть точка соприкосновения с планом будущего, например: 1) *Бир солун чүве=ден сеңээ чугаалап берейн* ‘Расскажу тебе кое-что интересное’; *Кандыг-бир солун чүве=ден сеңээ чугаалап берейн* ‘Расскажу тебе что-нибудь интересное’ (приведены контрастные примеры); 2) в будущем времени изъявительного наклонения — *Солун чүве=ден хөөрээр сен* [СТ, АС: 13] ‘Будешь рассказывать интересные вещи’; 3) в повелительном наклонении — *Солун соот=тан сөглөп берем* ‘Расскажи что-нибудь интересное’; 4) в согласительном наклонении — *Ол тоол=дан ыткай* ‘Он пусть расскажет сказку’; 5) в сослагательном наклонении — *Ол тоол=дан ыткай аан* ‘Он пусть расскажет сказку’; 6) в условном наклонении — *Бир эвес тоол=дан ыдар болза* {...} ‘Если он будет рассказывать сказку’ {...}. В нашем корпусе не обнаружилось примеров, где имя существительное употребляется в исходном падеже при глаголах речи в прошедшем времени: **Ол тоол=дан ыткан*.

2) В модели с адресованной информацией {N1 N дугайын=да N4 N3 Vф} с типовым значением ‘сообщить кому о чем что’ семантическая роль содержания может выражаться расчлененно — как содержание информации + тема информации. Актант с послелогом выражает тему, а прямой объект в винительном или неопределённом падеже — содержание. В отличие от предыдущей модели, прямой объект в данной конструкции в исходном падеже не употребляется. Подтип конструкции: когда содержание опускается, выражается только тема. В нашем корпусе встретилось 150 примеров с данной конструкцией.

В данной конструкции чаще всего выступает глагол *чугаала*=‘сказать, говорить, повествовать’. Однако есть один-два примера с глаголами *сөглө*=‘сказать’, *коптарла*=‘рассказывать все досконально’, *ыыттава*=‘не говорить’, *тоолда*=‘рассказывать; рассказывать сказку’, *тайылбырла*=‘объяснять’ и *илетке*=‘докладывать, отчитывать, сообщать’, а также фразеологическим оборотом *сөс эдер* ‘вымолвить слово’⁵, которые выступают в данной конструкции.

В предложениях с глаголами речи такого типа выделяются следующие семантические роли: N1 — субъект-адресант (обычно одушевленное имя существительное или местоимение); N дугайын=да — объект, указывающий на содержание речи (существительное со склоняемым послелогом в форме местного падежа); N4 — объект, выражающий содержание речи (существительное в винительном или не-

⁵ Букв. «слово делать»; мы не считаем данную фразеологизованную единицу сложным глаголом, поскольку она допускает подстановку зависимых слов к именному члену (см. пример ниже); но следует отметить, что в этой предикативной единице валентность содержания (*сөс* ‘слово’) встроена.

определенном падеже); N3 — адресат, получатель информации (одушевленное имя существительное или местоимение в форме дательного падежа); Vf — глагол. Например: *Кымга-даа ол дугайында артык чүве сөглеве* [СС, АД: 97] ‘Никому не говори про него ничего лишнего’; *Ооң дугайын=да кымга-даа чүнү-даа чугаалавас сен* [ШК, Б: 329] ‘О нем никому ничего не говори’.

В этих предложениях содержится указание на то, что тема — это *ол дугайында* ‘о ком-то’, а содержание определяется сочетаниями и словами *чүнү-даа* ‘ничего’, *хөйнү* ‘многое’, *шуптузун* ‘все’, *артык чүве* ‘лишнее’, *сөс* ‘слово’, *хомудал* ‘жалоба’, *таварылга* ‘случай’ и т. д. Например: *Буян дугайында кымга-даа чаңгыс сөс эдип болбас* [КЭК, УХ, кт: 76] ‘Не нужно говорить о Буяне ни одного слова’.

Наш материал показывает, что перед *дугайында* в основном используются имена существительные в **неопределенном падеже** — (N=) + *дугайында* (N= + *дугайы=н=да*): *амыдырал дугайында* ‘о жизни’; *тыва=лар дугайында* ‘о тувинцах’; *чүдүлге дугайында* ‘о религии’; *хар-чам дугайында* ‘о снеге’; *аап-саап чүүл=дер дугайында* ‘о разных вещах’; *чогум чүү дугайында* ‘конкретно о чем’; *дарга=лар дугайында* ‘о начальниках’; *Кара-Хөл, Шивээлиг-Хем, Хараалдыг-Хем, Шыжыма-Хем дугайында* ‘о Кара-Холе, Шивээлиг-Хеме, Хараалдыг-Хеме, Шыжыма-Хеме’; *мал-маган, ыт-куш, хар-чам дугайында* ‘о скоте, собаке, снеге’; *Буян дугайында* ‘о Буяне’ и т. д. В этой конструкции в основном употребляются отвлеченные имена существительные или имена существительные во множественном числе. Если же в этой конструкции употребляется собственное имя существительное в единственном числе, то говорится о разных сторонах человека. Личные местоимения при послелогое могут стоять в неопределенном или родительном падеже; как показывает приведенная выше пара предложений с *ол дугайында* (неопр.) и *ооң дугайында* (род.), родительный падеж местоимения при послелогое предпочтителен в случае, если тема сообщения, выраженная послеложным сочетанием, стоит в фокусе высказывания.

В таких предложениях с глаголами речи одновременно называется и тема речи (N=*ның дугайы=н=да*), и ее содержание (N4). В этих предложениях содержится указание на то, что тема — это ‘кто-то’, ‘отец’, ‘учитель’, а содержание определяется словами *хомудал* ‘жалоба’, *сөстөр* ‘слова’ или *таварылгалар* ‘происшествия’. Такие предложения демонстрируют семантическую противопоставленность двух форм выражения объекта (N *дугайын=да* и N *дугайы=н*).

Послеложные конструкции не всегда взаимозаменяемы. Если в предложениях с *дугайында* присутствует объект, выражающий содержание речи, данное служебное имя в винительном падеже (**башкымның дугайы=н*) не употребляется. Например: *Хоочун башкымның дугайын=да* (N *дугайы=н=да*) *бодумнуң билир таварылгаларымны* (N *дугайы=н*) *чугааладым* [КЭК, ЧЧ: 269] ‘О своем опытном ветеране-учителе я рассказал все, что с ним случалось, все что, я знал’; ср. **Хоочун башкымның дугайы=н бодумнуң билир таварылгаларым=ны чугааладым*.

Характерная особенность данной модели {N1 N *дугайын=да* N4 N3 Vf} состоит в том, что объект обычно выражается именем существительным в неопределенном падеже.

Модель {N1 N *дугайын=да* N4 N3 Vf} имеет **четыре структурно-семантических варианта**.

1. Структурно-семантический вариант {N1 N *дугайын=да* N4 Vf}, в котором **адресат отсутствует**, представлен в нашем корпусе девятью примерами: 1) *Мезилдей ол дугайында чүве чугаалавайн турда* <...> [КЛ, ЧЧ, 2: 36] ‘Когда Мезилдей не говорил об этом ничего’ <...>; 2) <...> *Ооң дугайында чүве чугаалавайн барган* <...> [САС, ЧЧ: 175] ‘Он ничего не сказал о нем’; 3) *(Ол) сээң дугайың=да элээн-не хомудал чугаалады* [КЭК, ЧЧ: 271] ‘(Он) рассказал про тебя обиду, жалобу’ (букв. ‘несколько жалоб’); 4) *Ачам дугайын=да кончуг-ла чылыг-чымчак сөстөр чугааладыңар* [КЛ, ЧЧ, 2: 202] ‘Про моего отца сказали очень много добрых, теплых слов’; 5) *Ол* <...> *амыдырал дугайында чүнү-даа чугаалап көрбээн* [КЭК, ЧЧ: 60] ‘Он <...> о жизни ничего не говорил’; 6) <...> *Ооң биче сеткилдиг хамаарылгазының дугайында хөй=нү чугаалап болур* [КЭК, ЧЧ: 5] <...> ‘Можно многое рассказать о его скромном отношении’; 7) *Биче-кыс дугайында Кодур-оол чаңгыс сөс-даа чугаалаваан* [СТ, АС: 80] ‘О Биче-кыс Кодур-оол не сказал ни одного слова’; 8) *Ам ооң дугайында чаңгыс-даа сөс этпес* [КЭК, ЧЧ: 243] ‘Теперь о нем не надо говорить ни одного слова’; 9) *(Олар) амы-хууда амыдырал, өг-буле дугайында чаңгыс-даа сөс этпээннер* [КЭК, ЧЧ: 36] ‘(Они) ни одного слова не обмолвили о жизни, о семье’.

2. Структурно-семантический вариант {N1 N *дугайын* N4 N3 Vf}, в котором служебное имя употребляется в **винительном падеже** (*дугайы=н*), а объект (существительное в винительном падеже) выражает содержание речи (N4), не является синтаксической нормой языка. В нашем корпусе представлено всего шесть примеров этого структурно-семантического варианта. Кажется, что в следующих предложениях вместо служебного имени *дугайын=да* используется слово *дугайын*: видимо, иногда аффикс =*да* может опускаться. Объект определяется словами *хөй=нү* ‘многое’, *шуптузу=н* ‘все’, *дөггези=н* ‘все’, которые не выражают содержания речи, а только характеризуют переданное содержание количественно, не раскрывая его. В этом варианте имена существительные не выступают в качестве объекта.

Примеры: 1) *Ынчалза-даа аң-меңниң аажызының, бойдустуң өскерлишикиннериниң дугайын аажы-төлге хөйнү чугаалап болур* [САС, ЧЧ: 9] ‘Но можно многое рассказать детям о повадках зверей, о

переменах погоды»; 2) (...) *Мен кээргенчиг ачаңның дугайын сеңээ моон хойну чугаалап бээр мен* [КЭК, ЧЧ: 102] ‘Я расскажу тебе многое о твоём бедном отце’; 3) *Орукка Бичииней бодунуң амыдыралының дугайын хойну чугаалаксаан* [КЭК, ЧЧ: 107] ‘На дороге Бичииней хотела рассказать о своей жизни многое’; 4) *Ол Шивилиг суурнуң дугайын хойну-ле чугаалаар ийик* [КЭК, ЧЧ: 305] ‘Он мог бы рассказать многое о селе Шивилиг’; 5) *Докур-оол дарга илеткелинге часкы тарылгага белеткел дугайын дөгөрезин коптарлап каапты* [КЭК, ЧЧ: 172] ‘Председатель Докур-оол рассказал все о подготовке (колхоза) к весеннему посеву’.

3. В структурно-семантическом варианте {N1 N дугайын=да N3 Vf}, в котором содержание опускается, а выражается только тема с типовым значением ‘сообщить кому о чем’, выделяются следующие семантические роли: N1 — субъект-адресант (обычно одушевленное имя существительное или местоимение); N дугайын=да — объект, указывающий на содержание сообщения (существительное в форме неопределенного падежа со склоняемым послелогом в форме местного падежа); N3 — адресат, получатель информации (одушевленное существительное или местоимение в форме дательного падежа); Vf — глагол. В нашем корпусе данный структурно-семантический вариант представлен десятью примерами.

Например: *Ол акыйның дугайын=да бир катан сургуулдарымга чугаалаан мен* [КЛ, АЧ: 235] ‘Я однажды говорила своим ученикам про того дядю’; *Николай-биле ачазының дугайын=да Ылыяа ашакка Тарак-оол бирден бирээ чокка чугаалап берген* [КЭК, ЧЧ: 140] ‘Тарак-оол старику Ылыяа рассказал все досконально о Николае и о его отце’.

4. Структурно-семантический вариант {N1 N дугайын=да Vf}, в котором отсутствуют адресат и объект, представлен в нашем корпусе всего тремя примерами. В конструкциях без объекта с дугайын=да могут употребляться усилители и конкретизаторы: *шоолуг* ‘не очень’, *бирден бирээ чокка* ‘с начала до конца, очень подробно’, *кысказы-биле* ‘кратко’, *каксы* ‘кратко’, *каш удаа* ‘несколько раз’.

Примеры: 1) *Маңаа мен чоокта чаа Таңдының «Элегес» деп курэкономга болган улуг чыыштың дугайын=да кысказы-биле чугаалап берейн* [СТ, ЧЧ: 34] ‘Здесь я кратко расскажу о собрании, которое было в «Элегесе» Танды’; 2) *Бодунуң дугайы=ы=н=да авам шоолуг-ла чугаалавас чораан* (...) [СТ, АС: 45] ‘О себе моя мама нечасто говорила’ (...); 3) *Ол ашакты тыпкаш, мээң дугайымда чугаалап бээр сен* [КЭК, ЧЧ: 31] ‘Найдешь того мужчину и расскажешь ему обо мне’.

3) Модель с адресованной информацией {N1 N дугайын N3 Vf}, имеющая типовое значение ‘сообщить кому о ком / чем’, наиболее употребительна: в нашем корпусе она встретилась в 249 примерах. В этой модели тема речи выражается актантом с послелогом в винительном или неопределённом падеже. В отличие от предыдущей модели эта конструкция предполагает, что ‘кто-то говорит о чем-то что-то конкретное’; однако этот смысл можно восстановить только из контекста.

В таких конструкциях речь идет об одном конкретном событии или об одном предмете, например: 1) *Ооң байының дугайын чугаалааш чоор* [КЭК, УХ, кт: 45] ‘О его богатстве нечего и говорить’; 2) *Бо үүлгедигниң дугайын чаңгыс-даа кижиге аас ашпас* (...) [КЭК, УХ, кт: 57] ‘Об этом происшествии никому не говорить’; 3) *Ачамның дугайын (чок апарганын) чугаалаар дээш* (...) [ШК, Б: 245] ‘Чтобы рассказать об отце (о том, что он умер)’ (...); 4) *Хоорайда бо ыттың ээзи Ондар дугайын, ооң-биле кады дишһнеп чораанымны чугаалап-ла бердим* [САС, АТ: 15] ‘Я рассказал об Ондаре, о хозяине той собаки, о том, как я с ним ходил на охоту за белками’.

Конструкция N дугайы=н — наиболее частая и стилистически нейтральная; в русском языке ее значение ближе всего передает конструкция про N4. В качестве объекта выступают собственные имена, существительные, называющие пол людей, профессию и т. д.: пол — *оол-дуң дугайы=н* ‘о мальчике’; профессия — *эмчи дугайы=н* ‘о враче’; родственные отношения — *акый-ның дугайы=н* ‘о брате’; имена людей — *Биче-кыс-тың дугайы=н* ‘о Биче-кыс’; указательные местоимения — *ол дугайын* ‘об этом’; личные местоимения — *мээң дугайымны* ‘обо мне’ и т. д. Например: *Ол дугайы=н* (Prop= + дугайы=н) *Ондар-оолга чугаалаан* [СС, ТК: 142] ‘Об этом Ондар-оолу сказали’; *Карак чырып, дыңзып алгыже кадайымга мээң дугайым=ны чугаалаваңар* [КЭК, ЧЧ: 100] ‘Не рассказывайте обо мне (про меня) моей жене, пока она не окрепнет’ (букв. ‘ее глаза прояснятся’).

Если же в конструкции имя существительное принимает аффикс принадлежности 3-го лица, то оно употребляется только в винительном падеже, например: *Бо шагда өлүм дугайы=н чугаалаан херээ чок* [СТ, ЧЧ: 175] ‘В это время о смерти не нужно говорить’. Аффикс принадлежности 3-го лица обязательно требует оформленного винительного падежа; когда же имя существительное принимает аффикс принадлежности 1-го или 2-го лица, оно может употребляться без аффикса оформленного винительного падежа: *Ол мээң дугайым= авамга чугаалай-дыр* ‘Он обо мне моей маме говорил’. В обеих конструкциях выражается только тема речи, а содержание речи не обозначено. Глагол в этих предложениях может иметь аффикс «совместно-взаимного» залага.

В этой модели встречаются две конструкции употребления словосочетания с делиберативным значением: 1) кимя существительное в неопределённом падеже + дугайы=н» (*орус-быраат= дугайын* ‘о русском’) и 2) кимя существительное в родительном падеже + дугайы=н» (*Коля=ның дугайын* ‘о Коле’).

Примеры на первую конструкцию (с существительным в неопределенном падеже): *Ачам, кырган-авам, Шевер акым, даайым олар база-ла, аанакайын, бо-ла орус-быраат дугайы=н* (N= + дугайы=н) *чугаалажы бээдилер оң* [САС, АТ: 244] ‘Отец, бабушка, брат Шевер, дядя опять-таки заговорили о русских’; *Ол оон эмчи-биле бир-ле чүве дугайы=н* (N= + дугайы=н) *дыка үр чугаалашкан* [ЭД, ЭХ: 40] ‘Он потом с врачом о чем-то очень долго говорил’; *Ол дугайы=н Ондар-оолга чугаалаан* [СС, ТК: 142] ‘Об этом Ондар-оолу сказали’.

Конструкция «имя существительное в родительном падеже + дугайы=н» (N=ның + дугайын) представлена многими примерами: *Коляның дугайын* ‘о Коле’; *Карак чырып, дыңзып алгыже кадайымга мээң дугайым=ны* (N=ның + дугайы=н) *чугаалаваңар* [КЭК, ЧЧ: 100] ‘Не рассказывайте обо мне (про меня) моей жене, пока она не окрепнет’ (букв. ‘ее глаза прояснятся’); *Тос-Таңма угбай төрөөн колхозу=нуң дугайы=н* (N=ның + дугайы=н) *сагыжы аарып чугаалап чораан* [КЭК, ЧЧ: 49] ‘Тетя Тос-Таңма, волнуясь, рассказывала о своем родном колхозе’. Форму родительного падежа обычно принимают местоимения (личные, определительные и указательные), иногда — имена существительные (собственные и нарицательные): *мээң дугайымны* ‘обо мне’, *Коляның дугайын* ‘о Коле’, *төрөөн колхозунуң дугайын* ‘о родном колхозе’. Постановка местоимений в родительный падеж при послелоге, видимо, обусловлена фокусной функцией, как уже упоминалось выше. Существительные принимают при послелогe форму родительного падежа чаще всего будучи именами собственными, или имея при себе указательные местоимения, или стоя в форме принадлежности (что указывает на конкретную референтность); всё это также, скорее всего, говорит о фокусной функции родительного падежа в послеложной конструкции.

Винительный падеж можно заменить местным: *Тос-Таңма угбай төрөөн колхозу=нуң дугайын=да* (N=ның + дугайын=да) *сагыжы аарып чугаалап чораан* ‘Тетя Тос-Таңма, волнуясь, рассказывала о своем родном колхозе’. Хотя в целом перевод тождественен, семантические различия все же чувствуются.

Структурно-семантические варианты этой модели представлены следующими конструкциями.

1. «Имя существительное + дугайы» (N= + дугайы) и «имя существительное + дугайты» (N=ның + дугайты): выявлено всего десять примеров с *дугайы* в неопределенном падеже — скорее всего, это архаизм, сохранившийся в языке у отдельных групп населения (однако он был зафиксирован в речи авторитетных носителей языка, и мы должны беречь его как свидетельство «языковой жизни»).

Примеры: *Че, дүне када өлгөн кижги дугайы* (N= + дугайы=) *чугаалашпас чоор* [САС, АТ: 93] ‘Ну ладно, в середине ночи об умершем (про умершего) не говорят’; *Бо кежээ бүгү суур чүгле мээң дугайы=м* (Pron=ның + дугайы=) *чугаалажып турар* [КЭК, ЧЧ: 46] ‘В этот вечер все село только обо мне (про меня) говорит’; *Оолдар одаг кыдыында аң-мең дугайы* (N= + дугайы=) *чугаалажып олурлар* [КЭК, Х: 7] ‘Парни около костра разговаривали об охоте’; *Сүүр-оол база сээң дугайың* (Pron=ның + дугайы=) *чугаалаваан* [КЭК, ЧЧ: 60] ‘Суур-оол тоже не говорил о тебе’.

2. «Местоимение + дугайты» (Pron + дугайты) ‘по поводу, относительно, о’ — в нашем корпусе встретилось четыре примера: *Барык унунуң чону бо дугайты* (Pron + дугайты) *чүүл-бүрү чугаалажып турган* [КЭК, УХ, кт: 15] ‘Народ долины реки Барык по этому поводу по-разному говорил’; *Бо дугайты* (Pron + дугайты) *Петренко-биле чугаалажып көргей мен аан* [КЭК, ЧЧ: 95] ‘По этому поводу я поговорю с Петренко’; *Бо дугайты* (Pron + дугайты) *сеңээ мынчаар сүмелээр-дир мен* (...) [КЭК, ЧЧ: 242] ‘По этому поводу я тебе вот так посоветую’ (...); *Эрес биле Долаана бо дугайты чүнү чугаалап турарыл?* [КЭК, ЧЧ: 45] ‘А Эрес и Долаана что говорят об этом?’.

Конструкции первого и второго типов редко употребляются в художественной литературе: конструкции второго типа относятся, скорее, к разговорной речи, в то время как конструкции первого типа являются литературными.

Анализ материала показал, что между моделями N= (N=ның) *дугайы=н*, N= (N=ның) *дугайы=н=да*, N= (N=ның) *дугайы* и Pron *дугайты* существуют семантические, стилистические и структурные различия. Если конструкция «имя существительное + дугайында» употребляется в начале предложения, то «имя существительное + дугайын» в большинстве случаев стоит не в начале предложения, например: *Эрес ам ынакшыл дугайын чугаалаваан* [КЭК, ЧЧ: 35] ‘Эрес не говорил о любви’.

4) Модель с адресованной информацией {N1 N7 Vf} имеет семантические варианты: а) с характеристикой звучания; б) со значением отрицательного эмоционального состояния. Глаголы речи с характеристикой звучания (сентенциальный акт — прямая речь) передают значение ‘звать, окликнуть’ (значение обращения), а адресат выражается направительным падежом (*Ол* (...) *өөрүнче алгырган: «Чүьктен дүжүржүптүңер!»*) [КЭК, ЧЧ: 65] ‘Он (...) крикнул своим друзьям: «Помогите выгрузить груз!»). Глаголы же со значением отрицательного эмоционального состояния употребляются без прямой речи (*Ол менче алгырган* ‘Он на меня накричал’).

4а. В модели {N1 N7 Vf} с характеристикой звучания содержание сообщения выражается прямой речью со словом *деп* ‘так’ и без него: «**предикативная единица — прямая речь — (деп)**»; типовое значение — ‘кто кому громко говорит’. Прямая речь может стоять в начале и в конце конструкции.

В модели {N1 N7 Vf} с характеристикой звучания выделяются следующие семантические роли: N1 — субъект-адресант (обычно одушевленное имя существительное или местоимение); N7 — адресат, получатель информации (одушевленное имя существительное или местоимение в форме направительного падежа); Vf — глагол. Вся эта конструкция передает значение ‘звать, окликнуть’, значение **обращения**.

Глаголы, имеющие сему **громкости** обращения: *алгыр* = ‘окликать; называть громко кого-либо по имени; кричать, крикнуть что-либо кому-либо с целью привлечь внимание, остановить’, *кускунна* = ‘громко кричать, кликать, орать (призывая кого-либо)’, *кышкыр* = ‘пронзительно кричать; вопить’ — требуют **направительного падежа** имени. Например: «*Хойну аалче киириңер!*» — *деп кадарчы уруг=же ол кукуннаан* [ЭД, ЭХ: 25] ‘Загоняйте овец в аал!» — так он крикнул девушке-пастушке; (Ол) ⟨...⟩ *ашаан=че алгырган*: «*Орта сен бе, чаи уруг ыглап турда, хову ортузунда даи көжээ дег туруп бердиң? Шымда дидир мен!*» [КЭК, ЧЧ: 9] ‘(Она) ⟨...⟩ крикнула мужу: «Ты в своем уме, почему стоишь, как стела в степи, когда ребенок плачет? Скорее!»’. Данные глаголы характеризуют внешние особенности произношения: тон, темп, четкость, окрашенность; в их семантике выражение характера протекания речи не вытесняет ее направленности.

Как было сказано выше, глаголы, имеющие сему громкости речи, требуют направительного падежа имени; поэтому, вопреки правилам управления, при глаголе *кыйгыр* = ‘звать’ косвенное дополнение употребляется в форме направительного, а не винительного падежа: (Ол) *аттарының аксын тыртып чоруй, тергезинден дүже халааш, уругларын=че кыйгырган*: «*Оожум, оожум, уругларым, аъттар хойзуптуңар!*» [КЭК, ЧЧ: 4] ‘(Он,) потянув коней за уздечку, соскочил с телеги, детям крикнул: «Тише, тише, дети, напугаете коней!»; *Аалдың каттаан уруглары чанып олура, хемден ол дагда угбалары, акыларын=че кыйгырып чугаалааннар*: «*Кайда силер?*» [САС, ЧЧ: 19] — ‘Дети аала (юрт), возвращаясь домой, звали сестер, братьев: «Где вы?»’.

Иногда и глагол *чугаала* = ‘говорить, сказать’ требует не дательного, а направительного падежа: *Николай солааннарже дидим болгаи чоргаар көргөш, туруп алган турган адашкылар=же өткүт үн-биле чугаалаан*: «*Кортпаңар!*» [КЭК, ЧЧ: 135] ‘Николай, посмотрев смело и гордо на солдат, сказал отцу и сыну громким голосом: «Не бойтесь!»’. Возможно, именно словосочетание *өткүт үн-биле* ‘громким голосом’ оказывает здесь влияние на управление глагола.

46. Модель {N1 N7 Vf} со значением **отрицательного эмоционального состояния** имеет два структурно-семантических варианта: 1) содержание сообщения выражается прямой речью со словом *деп* ‘так’ — «предикативная единица — прямая речь — *деп*» (типовое значение — ‘кто на кого повышает голос’); 2) содержание сообщения не выражено. Глаголы с данной семантикой имеют **возвратную форму**.

Предикатами со значением отрицательного эмоционального состояния выступают глаголы: *хөрөктөн* = ‘повышать голос на кого-либо’, *көксеттин* = ‘кричать на кого-либо’, *хыйлан* = ‘ворчать’, *хи-мирен* = ‘ворчать, бормотать’, *алгыр* = ‘накричать на кого-либо’; они употребляются без прямой речи и выражают значение агрессивности. Например: *Буура-Баштыг Биче-кыс=че хөрөктөнип кирип келген* [СТ, ЧЧ: 96] ‘Буура-Баштыг повышал голос на Биче-кыс’; *Ноян менче көксеттиниң үнүп келгеш* ⟨...⟩ [СТ, АС: 105] ‘Ноян кричал на меня’. Глаголы с данной семантикой имеют возвратную форму: «*Акша-төгөрик деп чүве бар-дыр ийин, ашак. Ону кым бээр чүвөл?*» — *деп, совхозумнуң экономизи мен=че хөрөктөнгөн* [ЭД, ХД: 24] ‘«Деньги же есть, старик. Кто их даст?» — так экономист совхоза повышал на меня голос’.

Модель предложений, выражающая неадресованную информацию

Неадресованная информация, представленная семантическим объектом (N4), обычно выражается двуместной моделью {N1 N4 Vf}. Эту модель представляют глаголы, которые не допускают выражения адресата речи. Считается, что неадресованная информация является выражением эмоционального состояния говорящего субъекта, однако наш материал показывает, скорее, что у рассматриваемых глаголов стандартно (во всяком случае, на обработанном корпусе примеров) тема сообщения совпадает с подразумеваемым (презуптивным) адресатом сообщения. Предложения типа *Ол меңээ сээң ажылыңны мактап турду* ‘Он очень хвалил мне твою работу’, которые можно построить для тувинского языка, ориентируясь на русский перевод, выглядят для носителя языка искусственно и не представлены в реальных текстах.

К глаголам, употребляющимся в предложениях с неадресованной информацией, относятся следующие: *бак сөгле* = ‘обзывать, ругать’; *мегеле* = ‘обманывать’; *шолала* = ‘давать прозвище’; *кончу* = ‘ругать, бранить, журить’; *ажын* = ‘ругать, бранить’; *кыжыр* = ‘высмеивать, вышучивать, подтрунивать, насмеяться; издеваться’; *кочула* = ‘высмеивать, насмеяться; иронизировать’; *макта* = ‘хвалить’; *сурга* = ‘наставлять, поучать, давать советы; инструктировать’, ‘инспектировать’, ‘агитировать, склонять к чему-

либо'; *чемеле*= 'упрекать, укорять; порицать'; *хөректе*= 'повышать голос на кого-либо'; *чаңча*= 'ругать'; *карарт*= 'очернить'.

Например: *Узун-Кулак оглу=н хөректей берген* [КЛ, ЧЧ, 2: 241] 'Узун-Кулак повысил голос на своего сына'; *Чемненген улус Лю биле мени мактап турлар* [КЭК, УХ, кт: 237] 'Те люди, которые пообедали, Лю и меня хвалили'; *Мен-не өске улус уруг-дарыын бактап, бодумнуун мактап шыдавас мен* [КЭК, УХ, кт: 187] 'Чернить (хулить) детей других людей и хвалить своих детей я не могу'; *Ам ону Чимит-оол чемелеп эгелээн* [ЭД, ЭХ: 137] 'Теперь Чимит-оол начал его упрекать'; *Кырган-ачам боларны кончуур чорду* [КЧ, ДА: 13] 'Дедушка ругал его'; *Кижиниң чаи оглун чоп мегелээр мен?* [САС, АТ: 291] 'Почему я буду обманывать человеческое дитя?'; *Хорадааш, сени бак сөглөп турдум* [КЭК, УХ, кт: 116] 'Рассердившись, я тебя обзывал'.

Из вышеперечисленных только глагол *макта*= 'хвалить' выражает **положительную оценку**, он частотен. К **глаголам порицания** относятся глаголы *чемеле*= 'упрекать, укорять; порицать', *ажын*= 'ругать, бранить', *кончу*= 'ругать, бранить, журить', *бак сөгле*= 'обзывать, ругать', *хөректе*= 'повышать голос на кого-либо', *көксе*= 'ругать'; например: *Хойлаар-оол=ду Кошкар-оол коргудуп-даа, хөректеп-даа чадап каан* [КЭК, УХ, кт: 271] 'Кошкар-оол Хойлаар-оола не мог ни напугать, ни повысить голос'. Перед данными глаголами могут выступать интенсификаторы *чула-ла* 'очень', *са* 'очень', *кайы-хамаанчок* 'беспорядочно': *Тарас Михайлович бистерни чула-ла кончуду* [КЛ, ЧЧ, 1: 117] 'Тарас Михайлович нас очень сильно отругал'; *Колхоз даргазы Баныжай бисти са кончаан* [ЭД, ЭХ: 110] 'Председатель колхоза сильно отругал нас'.

Так как в качестве объекта выступают одушевленные имена существительные (термины родства, собственные имена существительные) и личные местоимения, то они употребляются в форме **винительного падежа**: *Ол оглун кончупкан* 'Она поругала своего сына'; *Норбу-Хаа ону чемелей каапты* [КЧ, ДА: 94] 'Норбу-Хаа его упрекнул'; *Дарга Оолакайны ажынган* 'Начальник отругал Оолакай'.

Содержание речи в этой модели может выражаться следующими способами:

- 1) **имя существительное + дээш** — *Ол ону дидим чоруу дээш мактаан* 'Он его хвалил за храбрость';
- 2) **глагол + имя существительное + дээш** — *Ол ону эки кылган ажылы дээш мактап турган* 'Он его хвалил за то, что он хорошо работал';
- 3) **деепричастие** — *Ол хорадааш, ону кончуп турган* 'Он, рассердившись (на него), ругал его'.

Различные типы моделей управления

семантические роли	способы выражения	список моделей и их структурно-семантические варианты	список предикатов
N1 — субъект-адресант	одушевленное имя существительное (или местоимение)	{N1 N3 N4/6 Vf}	<i>чугаала</i> = 'сказать, говорить, повествовать', <i>сөгле</i> = 'сказать', <i>ытта</i> = 'говорить', <i>сумеле</i> = 'советовать', <i>төөгу</i> = 'рассказать', <i>дыңнат</i> = 'сообщать', <i>тоолда</i> = 'рассказывать; рассказывать сказку', <i>ыт</i> = 'рассказать сказку', <i>илетке</i> = 'докладывать, отчитывать, сообщать', <i>медээле</i> = 'сообщать, раскрывать, выявлять'
N4 — прямой объект	имя существительное или местоимение в форме винительного падежа	{N1 N дугайын=да N3 N4 Vf} <u>структурно-семантические варианты:</u> 1. {N1 N дугайын=да N4 Vf}; 2. {N1 N дугайын N3 N4 Vf}; 3. {N1 N дугайын=да N3 Vf}; 4. {N1 N дугайын=да Vf}	<i>чугаала</i> = 'сказать, говорить, повествовать', <i>сөгле</i> = 'сказать', <i>коптарла</i> = 'рассказывать все досконально', <i>ыттава</i> = 'не говорить', <i>тоолда</i> = 'рассказывать; рассказывать сказку', <i>тайылбырла</i> = 'объяснять', <i>илетке</i> = 'докладывать, отчитывать, сообщать', <i>сөс эдер</i> 'вымолвить слово'

семантические роли	способы выражения	список моделей и их структурно-семантические варианты	список предикатов
N дугайын=да — косвенный объект	имя существительное в форме неопределенного падежа со склоняемым послелогом в местном падеже	{N1 N дугайын N3 Vf} <u>структурно-семантические варианты:</u> 1. {N1 N дугайы N3 Vf} 2. {N1 N дугайты N3 Vf}	<i>чугаала</i> = 'сказать, говорить, повествовать', <i>сөглө</i> = 'сказать', <i>контарла</i> = 'рассказывать все досконально', <i>ыйттава</i> = 'не говорить', <i>тоолда</i> = 'рассказывать; рассказывать сказку', <i>тайылбырла</i> = 'объяснять', <i>илетке</i> = 'докладывать, отчитывать, сообщать', <i>сөс эдер</i> = 'вымолвить слово'
N дугайын — объект	имя существительное в форме неопределенного падежа со склоняемым послелогом в винительном падеже	1. {N1 N7 Vf} {предикативная единица — прямая речь} — <i>деп</i> 2. {N1 N7 Vf}	<i>алгыр</i> = 'окликать; называть громко кого-л. по имени; кричать, крикнуть что-л. кому-л. с целью привлечь внимание, остановить', <i>кускунна</i> = 'громко кричать, кликать, орать (призывая кого-л.)', <i>кышкыр</i> = 'пронзительно кричать; вопить' <i>хөректен</i> = 'повышать голос на кого-л.', <i>көксеттин</i> = 'кричать на кого-л.', <i>хыйлан</i> = 'ворчать', <i>химирен</i> = 'ворчать, бормотать', <i>алгыр</i> = 'накричать на кого-л.'
N3 — адресат	имя существительное или местоимение в форме дательного падежа	{N1 N4 Vf}	<i>бак сөглө</i> = 'обзывать, ругать', <i>мегеле</i> = 'обманывать', <i>шолала</i> = 'давать прозвище', <i>кончу</i> = 'ругать, бранить, журить', <i>ажын</i> = 'ругать, бранить', <i>кыжыр</i> = 'высмеивать, вышучивать, подтрунивать, насмехаться; издеваться', <i>кочула</i> = 'высмеивать, насмехаться; иронизировать', <i>макта</i> = 'хвалить', <i>сурга</i> = 'наставлять, поучать, давать советы, инструктировать; инспектировать; агитировать, склонять к чему-л.', <i>чемеле</i> = 'упрекать, укорять; порицать', <i>хөректе</i> = 'повышать голос на кого-л.', <i>кочула</i> = 'высмеивать, насмехаться', <i>чаңча</i> = 'ругать', <i>карарт</i> = 'очернить'
Vf — предикат	глагол в спрягаемой форме		

Сокращения

Источники

- АД, ЧЧ — Даржсай А. Четкер четкизи. Кызыл, 1991.
 КЛ, АЧ — Кенин-Лопсан М. Алдын чүрек. Кызыл, 1992.
 КЛ, ЧЧ, 1 — Кенин-Лопсан М. Чогаалдар чыындызы. Т. 1. Кызыл, 1975.
 КЛ, ЧЧ, 2 — Кенин-Лопсан М. Чогаалдар чыындызы. Т. 2. Кызыл, 1976.
 КЧ, ДА — Куулар Ч. Даглар аялгазы. Кызыл, 1991.

- КЭК, УХ, кт — *Кудажы К.-Э.* Уйгу чок Улуг-Хем. Кызыл том. Кызыл, 1973.
 КЭК, Х — *Кудажы К.-Э.* Хөнелер. Кызыл, 1982.
 КЭК, ЧЧ — *Кудажы К.-Э.* Чогаалдар чыындызы. Т. 1. Кызыл, 1995.
 САС, АТ — *Сарыг-оол С. А.* Аңгыр-оолдун тоожузу. Чогаалдар чыындызы. Т. 1. Кызыл, 1988.
 САС, ЧЧ — *Сарыг-оол С. А.* Чогаалдар чыындызы. Т. 2. Кызыл, 1974.
 СС, АД — *Сүрүң-оол С. С.* Авазынга даңгырак. Чогаалдар чыындызы. Т. 2. Кызыл, 1974.
 СС, ТК — *Сүрүң-оол С. С.* Тывалаар кускун. Кызыл, 1994.
 СТ, АС — *Салчак Т.* Араттың сөзү. Кызыл, 1967.
 СТ, ЧЧ — *Салчак Т.* Чогаалдар чыындызы. Т. 5. Кызыл, 1981.
 ШК, Б — *Куулар Ш.* Баглааш. Кызыл, 1989.
 ЭД, СЧ — *Донгак Э.* Сыын чады. Кызыл, 1986.
 ЭД, ХД — *Донгак Э.* Хөлегеден дескеш. Кызыл, 1987.
 ЭД, ЭХ — *Донгак Э.* Эрги хонаштар. Кызыл, 1983.

Общие

букв. — буквально	N4/6 — имя существительное в винительном
ЭПП — элементарное простое предложение	и исходном падежах
N1 — имя существительное в именительном падеже	N7 — имя существительное в направительном падеже
N2 — имя существительное в родительном падеже	Prop — местоимение
N3 — имя существительное в дательном падеже	Vf — спрягаемый глагол

Литература

- Алисова 1970 — *Алисова Т. Б.* Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений // Вопросы языкознания. 1970, 2. С. 91—98.
 Апресян 1967 — *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
 Богданов 1977 — *Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
 Гак 1969 — *Гак В. Г.* К проблеме синтаксической семантики // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969. С. 77—85.
 Касевич, Храковский 1983 — *Касевич В. Б., Храковский В. С.* Конструкция с предикатными актантами: Проблемы семантики // Категории глагола и структура предложения. Л., 1983. С. 5—27.
 Ломтев 1973 — *Ломтев Т. П.* Основные направления в развитии структуры предложения в славянских языках // Славянское языкознание. М., 1973. С. 196—210.
 Мартемьянов 1964 — *Мартемьянов Ю. И.* Заметки о строении ситуации в форме ее описания // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1964, 8. С. 31—59.
 Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
 Серээдар 2011 — *Серээдар Н. Ч.* Семантические варианты модели звучания простых предложений в тувинском языке // Вестник Университета Российской академии образования. 2011, 2. С. 43—46.
 ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь / Под ред. *Тенишева Э. Р. М.*, 1968.
 ТСТЯ — Толковый словарь тувинского языка. Т. 1—2 / Под ред. *Монгуша Д. А.* Новосибирск, 2003—2011.
 Тыбыкова 1991 — *Тыбыкова А. Т.* Исследования по синтаксису алтайского языка: Простое предложение. Новосибирск, 1991.
 Черемисина 1995 — *Черемисина М. И.* О системности в сфере моделей предложения // Языки коренных народов Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 1995. С. 54—66.
 Черемисина 1997 — *Черемисина М. И.* Исследование моделей элементарного простого предложения в тюркских языках народов Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1997, 4. С. 56—61.
 Черемисина, Скрибник 1996 — *Черемисина М. И., Скрибник Е. К.* О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1996, 4. С. 46—57.
 Berkeley Framenet Project — Berkeley Framenet Project // <http://framenet.icsi.berkeley.edu/framenet>, 2012.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются модели элементарных простых предложений с глаголами речи в тувинском языке. Главным критерием выделения этих моделей является отсутствие или наличие адресата речи. В статье выделено шесть моделей с глаголами речи в тувинском языке и приведен анализ материала, показывающий, что между моделями существуют семантические, стилистические и структурные различия.

SUMMARY

The article deals with the models of elementary simple sentences with the verbs of speech in the Tuvan language. The main criterion of model separation is presence or absence of a speech recipient. Six models with the speech verbs are found in the Tuvan language. Analysis of the material shows that there are semantic, stylistic and structural differences between the models.

Ключевые слова: тувинский язык, тюркские языки, модель предложения, глаголы речи, актанты, объект, адресат

Keywords: the Tuvan language, the Turkic languages, sentence model, verbs of speech, arguments, object, recipient

**Л. З. Будагов, Н. И. Ильминский
и вопросы несистемной преемственности в тюркологии**

В этом номере публикуется первая из двух юбилейных статей об отечественных учениках, первоходцах в своей тематике — Лазаре Захаровиче Будагове, составителе первого общетюркского сравнительного словаря, и Николае Ивановиче Ильминском, создавшем первую научную «Граматику алтайского языка». Мы позволили себе условно объединить обе статьи общей идеей преемственности¹, которая пронизывает их в разных своих проявлениях. Вторая юбилейная статья будет опубликована в следующем номере журнала «Урало-алтайские исследования».

Хотя в книге «История изучения тюркских языков в России (Дооктябрьский период)» А. Н. Кононову удалось наметить «главные линии развития тюркских грамматических штудий в течение названного периода времени» [Кононов 1982: 306], он все же «не брал на себя обязательств дать точную и полную оценку преемственного развития тюркского языкознания в дооктябрьской России» [там же: 3]. Дальнейшие разыскания в этой области знания — особенно при описании таких направлений исследовательской деятельности новой тюркологической школы, которые связаны со становлением теоретической грамматики, начатками тюркской лексикологии и составлением первого общетюркского словаря, — повели нас другим путем и позволили увидеть генетическое *разнообразие* изучаемой *преемственности* в тюркологической историографии.

В нашем случае речь идет о вычленении как системной, так и несистемной научной преемственности. Системная преемственность подразумевает дальнейшее развитие научного направления *внутри* тюркологии. Вычленению подвида несистемной преемственности способствовало тонкое наблюдение Н. К. Дмитриева, в соответствии с которым ученому рекомендуется «смотреть за ограду своей прямой специальности» [Дмитриев 2001: 106]; поэтому ее можно назвать «побочной преемственностью» — этим подчеркивается ее гетерогенный характер. Можно считать, что на подобного рода преемственность впервые обратил внимание Н. К. Дмитриев — благодаря своей широкой славистической и востоковедной образованности.

Идея «побочной преемственности» по-разному проявляется в каждой из двух объединенных статей — автор позволяет себе с известной долей осторожности сопоставлять «под одной крышей», казалось бы, несопоставимое. С одной стороны, это творческий поиск Л. З. Будаговым рационального построения для его первого в тюркологии сравнительного словаря, с выходом на «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (XIX в.). С другой стороны — это работа современного интерпретатора над феноменом «добровольно-вынужденной» анонимности «Граматики алтайского языка» Н. И. Ильминского, с дополнительным применением совокупности методик русиста-древника Д. С. Лихачева: в свое время Б. Л. Пастернак, огрубляя стиль, позволил себе назвать филологическую интерпретацию «плагиатом», однако Д. С. Лихачев в своем предисловии к «Текстологии» призывал, в частности востоковедов, к применению выводов, добытых на основе изучения текста произведения [Лихачев 1983: 3].

Часть I. Лазарь Захарович Будагов:

проблема преемственности в истории тюркской теоретической лексикографии

Лазарь Захарович Будагов (1812—1878), по происхождению азербайджанский армянин, родился в Астрахани — можно сказать, на пересечении путей из России в Азию.

Языковая полифония южного города его детства определила интерес к восточным языкам. В молодости, после окончания отделения восточных языков философского факультета Казанского университета, он преподавал азербайджанский и персидский языки в Тифлисе (в гимназии и женском институте). В 1844 г. Л. З. Будагов был зачислен преподавателем азербайджанского языка на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета (адъюнкт — с 1849 г., доцент — с 1864 г.) [Кононов 1989: 54].

Одновременно со службой в Санкт-Петербургском университете Лазарь Захарович преподавал «татарский» язык в училище правоведения и других учебных заведениях Санкт-Петербурга. С 1861 г.

¹ Проблема преемственности рассматривалась, к примеру, в коллективном труде [Грамматические концепции 1985]; в частности, в тюркологии этой проблеме посвящена статья Д. М. Насилова «Теоретические взгляды тюркологов О. Н. Бётлингга и В. В. Радлова» [Насилов 1985].

Л. З. Будагов совмещал преподавание в университете со службой в Азиатском департаменте МИД в должности драгомана «татарского» и армянского языков и занимал эту должность до своей кончины. Эта его дополнительная деятельность не могла не способствовать расширению собирательской работы для его будущего «общетурецкого» словаря. Л. З. Будагов вышел на пенсию 4 апреля 1870 г.

В бытность на преподавательской работе в Тифлисе Л. З. Будагов составил «Практическое руководство турецко-татарского азербиджанского наречия», которое А. Н. Кононов считал «одним из лучших для того времени описанием грамматического строя азербайджанского языка {...}, составленным по модному в ту пору методу Робертсона» [Кононов 1982: 220]; ср. иное мнение А. Н. Самойловича [Самойлович 2005: 120].

При скудных сохранившихся биографических сведениях о Л. З. Будагове можно предположить, что его поступление на преподавательскую службу на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета было связано с замыслом создания сравнительного словаря тюркских наречий, надобность которого остро ощущалась в учебных целях. Во второй половине XIX в. «тюркская лексикология в отличие от лексикографии тюркских языков {...} занимала в общем балансе тюркологических исследований в России весьма скромное место» [Кононов 1982: 317]; прежде всего это касалось первоначальных элементов тюркской теоретической лексикографии.

Главным творческим трудом Л. З. Будагова стал «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, с включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык»² (далее — Словарь) [ЛБ I—II], который в конце жизни составителя был выпущен в свет неодинаковыми по объему томами: первый том — в 1869 г., второй — в 1871 г.

Первый «сравнительный словарь турецко-татарских наречий», задуманный Л. З. Будаговым, был призван синкретически решать вопросы практической и проблемы теоретической лексикографии, которые вставали перед тюркологом при упорядочении собранного им большого фактического материала (выработка принципов построения словаря, объем и состав словаря, подача материала и т. д.). Что все задуманные планы автору удалось выполнить, видно из отзывов выдающихся тюркологов первой половины XX в. о Словаре Л. З. Будагова.

Важное значение Словаря Л. З. Будагова для тюркологии отмечалось многими учеными. О равно серьезном отношении П. М. Мелиоранского к Словарям Л. З. Будагова [ЛБ I—II] и В. В. Радлова [РСл. I—IV] говорит факт, зафиксированный в «Краткой описи бумаг, оставшихся после покойного П. М. Мелиоранского»: «{...} собранные П. М. Мелиоранским лексические материалы находятся главным образом на белых листах, вплетенных в словари Будагова и Радлова» [Самойлович 2005: 142] (курсив наш. — Г. Б.). А. Н. Самойлович в повседневной научной работе широко пользовался Словарем, называя его «общетурецким словарем Л. Будагова» [там же: 211].

В автографе одной из лекций курса «Введение в тюркологию» Н. К. Дмитриев писал о Словаре Л. З. Будагова следующее: «{...} в распоряжении автора не было ни Радлова (кроме первого тома “Образцов”), ни *orhonica*, *uigurica*, “C<odex> C<umanicus>”, ни работ Мелиоранского, Катанова, Смирнова, Ашмарина, Пекарского, Корша, ни поздних работ Вамбери (его *Etym(ologisches) Wb. (Wörterbuch der Turko-tatarischen Sprachen*³)), ни словарей и грамматик по отд(ельным тюркским) языкам. И тем не менее {...}» [Дмитриев 2001: 132]; последняя фраза осталась незаконченной. В том, что Н. К. Дмитриев высоко оценивал Словарь Л. З. Будагова, сомнений не возникает, и дополнительных комментариев здесь не требуется.

Отмечая в переводной части словарных статей Л. З. Будагова многочисленные элементы этимологизации, Э. В. Севортян с полным основанием называл Словарь «в ряду предшественников современных этимологических штудий в области тюркских языков», добавляя при этом, что «по обилию заключенных в нем этимологических разъяснений словарь Л. З. Будагова по праву должен быть отнесен к первым этимологическим опытам в тюркологии XIX в.» [ЭСТЯ 1974: 50].

Ценили Словарь Л. З. Будагова как достоверный источник сведений и этнографы. Выразительно характеризуются «первый сравнительный словарь тюркских языков» как «оставивший глубокий след в ис-

² Ниже применительно к материалам Словаря Л. З. Будагова сохранена та лингвоэтнонимическая терминология XIX в., которую употреблял сам автор, т. к. перевод ее на современную систему может внести ненужные различия, осложняющие восприятие текста читателем. Сохранено следующее словоупотребление: «турецко-татарские наречия» — вместо тюркские языки и диалекты, «ад.» — вместо азербайджанский, «джаг.» — вместо чагатайский, «кир.» (также «киргиз-кайсацкий», «кайсак-киргизский», «кайсацкий») — вместо казахский, «каз.» — вместо казанско-татарский, «среднеазиатско-турецкий» — вместо среднеазиатско-тюркский; остальные наименования получили объяснение в тексте статьи.

³ См. [Vámbéry 1878].

тории тюркской лексикографии и не потерявший и поныне своего научного значения» [Кононов 1989: 54].

Сам же Л. З. Будагов подчеркивал сугубо практическое предназначение своего Словаря, «а именно — соединение в один стройный свод материала научного с практическим, для доставления студентам Восточного факультета и лицам, изучающим азиатские наречия, такого руководства, которое могло бы служить пособием как при чтении литературных произведений, так и для разговора и письменных сношений с мусульманами» [ЛБ I: VI]. Выполнение этой нелегкой задачи и определило энциклопедичность Словаря, сделало необходимым снабдить издание краткими объяснениями мусульманских законов, народных обычаев, нравов и черт общественной жизни, т. е. всего того, что нередко служит основанием для употребления слова в том или ином значении. «Отступления эти казались мне нелишними, если принять в соображение недоступность для всякого и разбросанность тех источников, на которые здесь указывается», — скромно добавляет автор [ЛБ I: VI].

С позиций практического предназначения «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий» Л. З. Будагов объясняет и само его название: «Тут сравнительно представляется группа наречий самых употребительных как для обучающихся, так и чиновников, переводчиков и для торговых людей, входящих в сношение, каждый по своей части, с населением, говорящими на этих наречиях в пределах ли русского государства или за границею» [ЛБ I: V]. Добавим, что охват тюркских языков и их диалектов в Словаре очень широк (см. «Сокращенные названия наречий и источников» [ЛБ I: IX]⁴) — от достаточно изученного османско-турецкого до малоизученных тогда наречий сибирских татар или «татар Китайского Туркестана». Фактически Словарь построен на сравнении лексического материала двух классификационных групп тюркских языков, выделявшихся в то время еще чисто интуитивно, а именно: «турецкой» (в современной терминологии — огузской, или юго-западной) и «татарской» (кыпчакской, или восточной).

Л. З. Будагов, разумеется, не мог не осознавать научного значения своего Словаря, богатейшие материалы для которого с великим тщанием и добросовестностью по крупицам собирались им долгие годы. Вполне современно и актуально звучат ныне слова автора об изучении тюркской лексики с помощью сравнительных приемов: «Сравнительный метод толкования татарских наречий по многообразным производным формам, иногда и по корням слов, а также и по примерам резкого иногда различия в смысле одного и того же слова между наречиями, указывая на взаимное их отношение и дополнение служит верным путем к составлению полного, точного и сознательного понятия о самом языке» [ЛБ I: V].

Здесь же Л. З. Будагов добавляет: «Говоря это, я нисколько не думаю приписывать себе мысли о конечном достижении такой цели посредством предлагаемого Словаря. На толкование всех наречий тюркского корня потребовались бы совокупные и многолетние усилия нескольких ориенталистов»⁵ [ЛБ I: V].

⁴ Добавим к этому, что Л. З. Будагов предполагал расширить список сокращений источников в конце второго тома (о чем см. в его Предисловии). Замысел этот не был выполнен, скорее всего — по состоянию здоровья, на что может указывать дата его выхода на пенсию (4 апреля 1870 г.), надо думать, в разгар подготовительной работы над последним томом.

⁵ В. И. Даль, возглавляя Особенную канцелярию министра внутренних дел, умело использовал свое служебное положение и возможности, с ним связанные. У него было много знающих помощников, преданных делу. Один из них — В. М. Лазаревский — так писал о служебной обстановке в Особенной канцелярии министра внутренних дел: «В канцелярию собирались в 9 часов, расходились в 3 часа. Эти служебные часы Даль посвящал обыкновенно своим филологическим занятиям. Дома он больше стриг и низал словарный материал. В мое время он получал большие посылки местных слов, образчиков местного говора и т. п. по циркулярам разных управлений, преимущественно от директоров гимназий. Все это описывалось в канцелярии в азбучном порядке, на лентах, ленты нанизывались на нитки, укладывались в картонки по губерниям, по говорам. Были полосы, что все писцы занимались этим исключительно, да еще перепискою сказок, пословиц, поверий и т. п., которые доставлялись Далю во множестве отовсюду» [Лазаревский 1894: 13]. И далее: «Но самый воздух в канцелярии до того был пресыщен русской филологией, что я скоро серьезно втянулся в это дело... С отъездом Даля в Нижний (в июне 1849 г.) работа моя не прекращалась. От 22 августа пишет он между прочим: “Спасибо, В. М., за вести ваши, за работу, справку и пр. Прощайте, спасибо за прошедшее и будущее” (речь шла о занятиях по словарю)» [там же: 13—14]. Кроме того, работой для словаря В. И. Даля занимались и редакции журналов «Отечественные записки», «Москвитянин» и «Московские ведомости», а также «Общество любителей российской словесности» и «Российское географическое общество» (ответы информантов на специальный циркуляр Императорского РГО). И, тем не менее, про результаты своего полувекового самоотверженного труда В. И. Даль сказал: «Это не словарь, а запасы для словаря; скиньте мне 30 лет с костей, дайте 10 лет досугу и велите добрым людям пристать с добрым советом — мы бы всё переделали, и тогда бы вышел словарь» (цит. по [Грот 1873: 45]). Свой словарь В. И. Даль составлял уже после выхода на пенсию (октябрь 1859 г.). О деятельности В. И. Даля см. подробнее: [Канкава 1958].

В научном плане Л. З. Будагов смиренно оценивает свой вклад в сравнительное изучение тюркской лексики как «первый и слабый опыт, который мог бы послужить для других основанием или, пожалуй, материалом для более обширного и более ученого труда» [там же: VI]. Такое уничижительное отношение к своему нелегкому и в высшей степени кропотливому труду в одиночку («слабый опыт» и т. д.), как и упоминание о необходимости «совокупных и многолетних усилий нескольких ориенталистов», неслучайно появилось во вступлении Л. З. Будагова к его Словарю («От автора» [ЛБ I: VI]).

В тот период, когда тюркская практическая лексикография и начатки теоретической лексикографии развивались синкретично, все теоретические проблемы составления словарей решались авторами единолично — в собственной лексикографической практике. В этих условиях названные факты могут послужить свидетельством тому, что Л. З. Будагов внимательно, с большим интересом и пользой для себя следил за колоссальной работой своего старшего современника В. И. Даля, с 1859 г. приступившего к составлению четырехтомного «Толкового словаря живого великорусского языка» — «явления исключительного и, в некотором роде, единственного» [Бабкин 1955: III].

При этом необходимо иметь в виду, что двухтомный «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» — это труд жизни скромного доцента факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета и драгомана V класса при Азиатском департаменте Л. З. Будагова, который мог рассчитывать только на собственные силы и знания. К тому же, составитель этого Словаря стремился решить «двойственную задачу»: «Внимание мое и не могло быть обращено на исключительную разработку предмета с ученой стороны, так как в программу его входило удовлетворение, по возможности, современной и настоящей потребности, а именно — соединение в один стройный ряд материала научного с практическим» [ЛБ I: VI].

При упорядочении собранного им лексического материала Л. З. Будагов испытывал сильнейшее воздействие словаря В. И. Даля — этого «беспримерного в истории русской лексикографии плода героического труда великого этнографа» [Виноградов 1941: 376]. В данном случае можно говорить о новом виде преемственности — «побочной преемственности». Для Л. З. Будагова это были, во-первых, принципиальные схождения в структуре этих двух словарей, а во-вторых — схождения в заимствованиях (и расхождения в их подаче), прежде всего касающиеся тюркизмов и ориентализмов, иногда и русизмов. (Особо следует принять во внимание, что Лазарь Захарович имел известную склонность использовать при построении своих работ опубликованные «подсказки» современников: так, его «Практическое руководство турецко-татарского азербиджанского наречия» признается составленным «по модному в ту пору методу Робертсона» [Кононов 1982: 220].)

Весьма доказательным оказывается рассмотрение основных структурных параметров Словаря Л. З. Будагова в их схождениях и расхождениях с «Толковым словарем» В. И. Даля (расхождения отчасти объяснимы как спецификой тюркских языков и их лексики, так и разным состоянием развития лексикографии, русской и тюркской, начала второй половины XIX в.).

Построение Словаря Л. З. Будагова определяется тем, что его составитель вслед за В. И. Далем, будучи противником азбучного порядка размещения слов, «останавливается на принципе объединения родственных слов по морфологическим, словопроизводственным гнездам. (...) Ведь этот способ расположения слов (...) опирается на живые морфологические и семантические связи между родственными словами. Это собрание слов по гнездам и семьям чаще всего основано на сознании единства их происхождения и родства значения» [Виноградов 1941: 378]. Вслед за В. И. Далем Л. З. Будагов в своем Словаре группирует однокоренные слова в гнезда, а во главе каждой группы «одногнезdkов» ставит глагол или имя [Бабкин 1955: VIII]: «все производные формы слов, многообразные виды глаголов, составные выражения и пр. развиты в нем (в Словаре) при коренном, первообразном виде глагола в неокончателном наклонении» [ЛБ I: VI].

Приведем пример: чаг., тат. *ajlan-* (возвр. от *ajla-*) ‘оборачиваться, кружиться, вертеться, обойти кругом, своротить (с пути), колебаться в воздухе (птица)’; каз. *ajlanu*; тур. *ajlanma* ‘кружение, выворот, оборот’, *baş ajlanu* ‘кружение головы’; алт. *ajlaš* ‘объезд, крюк (о дороге)’, *ajlančak*, *ajlanak* ‘вертлявый’, *ajlana jaqu* ‘окрестность, окружность, округ’, *ajlanasin tut-* ‘оградить, сделать ограду’; башк. *jurak ajlandi* ‘тошнит’, *ajlandyr-* понуд. ‘заставить кружиться, обернуть, свернуть, ворочать, обвинять’, *baş ajlandyr-* ‘вскружить голову, соблазнять’, *ajlandyryb al-* ‘окружить’ [ЛБ I: 205].

Как показывает сопоставление Словаря Л. З. Будагова с «Толковым словарем» В. И. Даля, использование гнездового способа словорасположения, по всей видимости, предрасполагало к известной энциклопедичности в подаче лексического материала. Для подтверждения этого предположения привлечем к сравнению исторический «Восточнотюркский словарь» Паве де Куртейля [Pavet de Courteille 1870], в котором данные живых тюркских языков XIX в. не учитывались. Этот словарь создавался примерно в те же годы, что и Словарь Л. З. Будагова, а материал его, по крайней мере в части старописьменной, во

многим перекликался с собранным Л. З. Будаговым (иллюстративные примеры взяты из сочинений Навои, Бабур, Абул-Гази). В отличие от Л. З. Будагова, Паве де Куртейль строил словарь по принципу алфавитного словорасположения: варианты слова, как и его производные формы (например, глагол понудительного залога), подавались им отдельными словарными статьями, нередко с отсылкой к исходному слову. «Восточнотюркскому словарю» признаки энциклопедичности присущи лишь в малой степени⁶; в нем отсутствуют как семантическая, так и словообразовательная характеристика слова.

Показательно, например, что Л. З. Будагов счел нужным поставить вопрос о возможностях взаимозамены букв «сад» и «син» по материалам своего Словаря [ЛБ I: 659], где наряду с «син» слова на «сад» (в основном арабизмы) занимают 35 страниц текста [там же: 682—716]. Этот вопрос не ставился для словаря Паве де Куртейля, где фактически полностью отсутствуют слова, начинающиеся на «сад»⁷. Как видно, уже и в этом проявилось любовное отношение Л. З. Будагова к языковому факту — по возможности ничего не упустить, всякому своему наблюдению по части лексики найти свое место; см. также пример из другой области: в словарной статье *çaqyrmaq* ‘кричать, шуметь, звать’ в виде приложения перечислены звукоподражательные призывы у «киргизов» и кумыков [ЛБ I: 460].

Объем и состав Словаря Л. З. Будагова определяются тем, что он построен на сравнении лексического материала двух классификационных групп тюркских языков — «турецкой» (огузской, или юго-западной) и «татарской» (кыпчакской, или восточной). В Словаре отражена общетюркская и межтюркская лексика, представленная здесь наиболее обширными словарными статьями, например: *baş* ‘голова’ [ЛБ I: 225—228], *ajaq* ‘нога’ [ЛБ I: 174—175], *ajtmaq* ‘сказать, говорить’ [ЛБ I: 178—179].

Диалектные и разговорные слова Л. З. Будагов приводил как варианты к заглавной лексеме словарной статьи с пометами «провинц.» (провинциальное) или «простон.» (простонародное), например: «тур. *bisräk* (провинц.) одnogорбый верблюд» [ЛБ I: 258]; «тур. *böbrek, bögrek* (простон. *böwrek*) почка» [ЛБ I: 272]; «тат. *mant* пчельник (у приволжских татар селения Тархан; у других татар это слово неизвестно)» [ЛБ I: 673]. В отдельных случаях встречаются также слова и выражения из специфического «женского языка» тюрков (гендерная лексика): «кир. *köbögen* детки, ребяташки (старушечье слово)» [ЛБ I: 142]; *mança çirik* «бранное выражение кумыкских женщин» [ЛБ I: 198].

Объем и состав Словаря Л. З. Будагова в известной мере определены еще и двойственностью задачи, поставленной его составителем: создать научный словарь, являющийся одновременно и практическим пособием, например для студентов восточного факультета, «лиц, изучающих азиатские наречия, (...) как при чтении литературных произведений, так и для разговора и письменных сношений с мусульманами» [ЛБ I: VI]. В Словаре включены некоторые слова и выражения, встречающиеся преимущественно в литературных памятниках, например: джаг. *tildin kelgan* ‘высказываемое языком, все, что можно и сколько можно сказать’ [ЛБ I: 372], *tolyama* ‘нападение во фланг или тыл неприятеля’ [ЛБ I: 751]. Многие литературные ссылки и цитаты в Словаре Л. З. Будагова постранично перечислил Н. К. Дмитриев [Дмитриев 2001: 132]. Иллюстративные примеры Л. З. Будагов черпал также из фольклора (как и В. И. Даль), охотно привлекал пословицы и поговорки.

В. И. Даль исключал из групп «одногнезdkов» приставочные (производные) глаголы, вынося их как заглавные слова самостоятельных словарных статей. Л. З. Будагов был более непоследователен в отношении аффигованных (производных) глаголов: например, в группы «одногнезdkов» наряду с именем он включал и производные от него глаголы. Кстати, иногда так же поступал и В. И. Даль: в статье *сердце* приводятся семантически далекие глаголы *сердить* и *серчать* [Даль I: 175].

Л. З. Будагова заботила не только словообразовательная, но и шире — грамматическая характеристика тюркских языков в целом, именно этим можно объяснить обилие грамматических сведений в его Словаре. Отдельными словарными статьями (или же в составе других статей) Л. З. Будагов приводит целый ряд словообразовательных аффиксов и их алломорфов, например: аффиксы именного словообразования *-žaq / -čaq* [ЛБ I: 458], *-žyk / -čik* [ЛБ I: 478], *-čan / -čañ / -čil* [ЛБ I: 465]; аффиксы глаголообразования *-sin* [ЛБ I: 657—658], *-la, -laš* [ЛБ II: 182]. В Словаре также описывается образование залогов глагола [ЛБ II: 183, 275], имен действия и отглагольных имен [ЛБ I: 659; ЛБ II: 194, 245, 269, 300], причастий на *-žaq / -žek* [ЛБ I: 427] и на *-mys / -miš* [ЛБ II: 233] и многое другое.

⁶ Э. А. Умаров все же усмотрел в словаре Паве де Куртейля случаи применения энциклопедического способа толкования слов [Умаров 1981].

⁷ Паве де Куртейль занимался словарем по чагатайским памятникам, для орфографий которых употребление буквы «сад» в тюркских словах нехарактерно (она применяется практически только в арабских заимствованиях); а Лазарь Будагов ориентировался и на османскую традицию, в которой принято употреблять «сад» для обозначения «s» в тюркских словах с заднерядным вокализмом; это, по-видимому, и обусловило обсуждаемое автором различие. — *Редакция*.

Все это позволило Н. К. Дмитриеву говорить о наличии в Словаре Л. З. Будагова «грамматических экскурсов как материала для буд(ушей) сравн(ительной) гр(амматики)» [Дмитриев 2001: 132], а А. Н. Кононов причислил Словарь к тем немногим работам второй половины XIX в., которые, по его мнению, являют собой «важный этап в деле грамматической разработки тюркских языков» [Кононов 1982: 336]. Заметим, что по части представления грамматики в Словаре Л. З. Будагов расходится с В. И. Далем: тот в целом отказался от грамматических указаний, хотя ими сопровождалось объяснение слов в академических словарях [Виноградов 1941: 377, 378].

Л. З. Будагов, помимо перевода собранных им слов, вслед за В. И. Далем широко вводил элементы их толкования с использованием синонимов. При толковании слов Л. З. Будагов придерживался методики, именуемой “Wörter und Sachen”: он давал толкования слов, описывая обозначаемые ими предметы или понятия. Таким образом, Словарь превратился в своего рода энциклопедию старого быта, общественно-политической и культурной жизни тюркских народов, о чем Н. К. Дмитриев писал так: «Исторические, бытовые и культурные реалии. Терминология разного рода. Топонимия. Русская “Энциклопедия Ислама”» [Дмитриев 2001: 132].

Обращают на себя внимание собранные в Словаре Л. З. Будагова этнонимы, к которым в тюркологии издавна проявлялся повышенный интерес: см. статьи *başqurt* [ЛБ I: 228], *tatar* (черные татары, белые татары) [ЛБ I: 329], *ızbäk* [ЛБ I: 131—132], *şayataj / çayataj* [ЛБ I: 437], *barlas* [ЛБ I: 253] и др. [ЛБ I: 328, 405, 612; ЛБ II: 54]. Здесь же содержатся некоторые сведения о башкирах, их внутреннем управлении и языке [ЛБ I: 228], а также о летней и зимней одежде богатых и бедных башкир [ЛБ I: 482] — при том, что их этнографическое изучение еще только предстояло.

По поводу Словаря Л. З. Будагова Н. К. Дмитриев особо отметил следующее: «Фразеология (и семантика) богаты» [Дмитриев 2001: 131]. Фразеологический материал в изобилии приводится при таких опорных словах, как например: *aj* ‘луна, месяц’, *baş* ‘голова’, *at* ‘имя, слава’, *ata* ‘отец’ и т. д.; соответствующие словарные статьи очень велики по объему. Фразеологизмами оснащена и небольшая словарная статья «тат. *ajaz*, джаг. *ajas*» — «1) ведряный, ясный (погода): *ajazda jat*- спать под открытым небом; 2) хив., кир. мороз, ясная погода зимою: *ajas uryan*, хив. *ajas ötkän* он простудился» [ЛБ I: 173—174].

Как и труд В. И. Даля, Словарь Л. З. Будагова богат этнографическими и историко-этнографическими сведениями. Во все времена специалисты (не только лингвисты, но и этнографы, историки) высоко ценили собранные Л. З. Будаговым материалы: о янычарском корпусе и его эволюции (1362—1826 гг.), о военно-административном устройстве старой Турции, о школах и специальных училищах в старину, о названиях турецких газет, а также об обрядах, народных поверьях и приметах, подробнейшие нумизматические данные (названия, описания и стоимостные эквиваленты монет, чеканившихся в Турции, Крыму, Азербайджане, Персии, Монголии и Венгрии). См. также сведения по народной медицине [ЛБ I: 373] и народной астрономии [ЛБ II: 363], заклинание от падежа скота [ЛБ I: 248], народные поверья и приметы [ЛБ I: 275; ЛБ II: 202], описание свадебного обряда [ЛБ I: 110].

Н. К. Дмитриев первым обратил внимание на новацию Словаря Л. З. Будагова по части как восточных слов, вошедших в русский язык, так и русизмов в тюркских языках (важно подчеркнуть также, что оба рода заимствований имели источником диалектную или живую разговорную речь). Н. К. Дмитриев в свое время указал, что подобные фиксации Л. З. Будагова открывают путь к исследованию проблемы «связь русской и тюркской культур» [Дмитриев 2001: 132].

Привлечение к сравнению соответствующего материала из словаря В. И. Даля представляет особый интерес. Оказалось, что не только в Словаре Л. З. Будагова, но и у В. И. Даля зафиксировано большое количество тюркизмов и ориентализмов, причем многие из них совпадают в том и другом словарях. Разница в подаче: у В. И. Даля они чаще всего приведены без указания на заимствованный характер, между тем как в Словаре Л. З. Будагова можно найти словно бы отклик на фиксацию В. И. Даля — эти слова Л. З. Будагов снабдил надлежащей пометой.

Например, В. И. Даль приводит без пометы: «*ажлибать* что ол. елозить, есть, хлебать. *Ажлибанье* еда ложкою, хлебание» [Даль I: 7]. Л. З. Будагов же делает попытку этимологизации этих диалектных слов: «от слова *aş* (из перс. ‘пища, еда’) происходят русские слова, употребляемые в Орл. и Олон. *ажлабанье*, *ажлибать*, вероятно, от формы тат. *aşlab...*» [ЛБ I: 49]. Эту попытку Л. З. Будагова этимологизировать областное слово, зафиксированное В. И. Далем, позволительно трактовать как указание, насколько внимательно и заинтересованно читался тюркологом, по крайней мере, первый том «Толкового словаря живого великорусского языка».

Эту гипотезу поддерживает и составленный нами перечень словарных статей, в которых Л. З. Будаговым приведены соответствующие ориентализмы и тюркизмы в русском языке, между тем как те же слова у В. И. Даля не снабжены надлежащими пометами (т. е. без *тат.* или *вост.*): *булгачить* [ЛБ I: 275; Даль I: 140]; *буран*, *буранить* [ЛБ I: 274; Даль I: 142]; *балдан* и *балдашка* ‘большой стакан’ (‘деревянная

чашка») [ЛБ I: 252] (но *балдань* ‘дерево <...> крушина’ [Даль I: 43]); *базанить* ‘кричать’, *базун* ‘крикун’, *базланить* ‘громко кричать’ [ЛБ I: 280; Даль I: 37] и т. д., в том числе слова, принадлежащие к различным социальным жаргонам.

Видимо, под влиянием «Толкового словаря живого великорусского языка» Л. З. Будагов уделял небольшое внимание взаимодействию русского и тюркских языков. Он отыскал диалектизмы, восходящие к ориентализмам, причем в числе таковых оказались и претерпевшие переосмысление, например: «слово *аман* во Влад(имирской) и Костр(омской) губер(ниях) употребляется в значении скряги» [ЛБ I: 91]; В. И. Даль же локализует это слово в обычном значении ‘пошада’, ‘помилование’ в областях, пограничных с Турцией, с Азией [Даль I: 14].

Словарь Л. З. Будагова дает представление и о русизмах, проникших в различные тюркские языки и особенно в язык казанских татар (в [ЛБ I—II] принято сокращение «каз.») преимущественно устным путем⁸, как это можно видеть, во-первых, из принадлежности приводимых ниже слов к разряду бытовой лексики, а во-вторых — из характера адаптации заимствуемых слов; каждое из приводимых ниже слов снабжено пометой «русское (слово)». См., например: каз. *čerkaw* ‘церковь’ [ЛБ I: 474]; каз. *apara* ‘раствор теста, опара, закваска’ [ЛБ I: 6]; каз. *ulawka* (из рус. *лавка*) ‘пóлок в банях’ [ЛБ I: 79]; каз. *baraza* и *borozna* ‘борозда’ [ЛБ I: 221, 274]; каз. *borana*, *barana* ‘бревно’ [ЛБ I: 274]; башк., каз. *par*, *bar* ‘пара’ [ЛБ I: 308]; тат. *lafka* (с рус.), алт. *lakna* ‘лавка, лавочка (торговая)’ [ЛБ II: 186]; каз. *talinka* (рус.) ‘тарелка’; тат. *bidra* ‘ведро’ [ЛБ I: 300]; *moskow* (рус.) ‘Москва, Россия’, *moskowlu* ‘москвич, русский’ [ЛБ II: 231].

Иногда семантическая специфичность таких русизмов становится понятной при учете сведений, которые сообщаются для соответствующего диалектного русского слова в словаре В. И. Даля. Так, приводя синоним к «*byjul* скирд (называемый также русским словом *кладь*)» [ЛБ I: 261], Л. З. Будагов, видимо, имел в виду рус. диал. «*кладь* стог (сена), скирд, скирда, особ. хлебная» [Даль II: 114]. Для «каз. *praska* (рус.) пряжка, станция (пространство от одной станции до другой)» [ЛБ I: 313] указанное значение также можно найти в русских диалектах: «*пряжка* <...> упряжка, переезд на одних лошадях не кормя» [Даль III: 531]. В «тат. *pirikāznaj* (русское) кляузник, ябедник» [ЛБ I: 316] это значение возникло из русских бранных выражений «*приказный крючок*, *приказная строка* бранн. взяточник» [Даль III: 415]. Приведенные выше материалы позволяют утверждать, что в словарях В. И. Даля и Л. З. Будагова представлены первые словарные описания тюркизмов и ориентализмов в живом разговорном русском языке и его диалектах; то же можно сказать и о русизмах в тюркских языках по Словарю Л. З. Будагова.

Сделанные наблюдения показывают: именно в подаче и толковании одних и тех же тюркизмов и ориентализмов у В. И. Даля и Л. З. Будагова особенно бросаются в глаза случаи расширительного подхода в Словаре Л. З. Будагова. Это позволяет утверждать, что тюрколог профессионально продолжил работу над ориентализмами, внося соответствующие добавления к материалу, имеющемуся в словаре В. И. Даля.

Фрагментарное сопоставление тюркизмов (ориентализмов) в словарях В. И. Даля и Л. З. Будагова позволяет поставить вопрос о формировании и развитии лексикографической традиции их описания. Сравнить их подачу в том и другом словарях полезно уже и потому, что Словарь Л. З. Будагова для изучения этой группы лексики если и используется, то обычно далеко не систематически. При конкордирующей работе с тюркизмами по двум словарям можно получить ряд уточнений для этимологизации того или иного слова.

В Словаре Л. З. Будагова широко представлены традиционные заимствования — арабизмы и фарсизмы. Сам Лазарь Захарович объяснял это тем, что его труд ориентирован на книжную лексику, а, как известно, литературный тюркский язык без участия ресурсов арабского и персидского языков не обходится [ЛБ I: VI]. Интерес представляют наблюдения Л. З. Будагова над тем, как фонетически, а иногда и семантически осваивалось арабское или персидское заимствование в живых тюркских языках. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что внимание исследователя привлекали заимствования из арабского и персидского языков не только книжного характера, но и проникающие в тюркские языки устным путем.

По способу подачи заимствований особое место в Словаре занимают монголизмы, чаще всего приводимые не в самостоятельных статьях, а внутри статей с тюркским заглавным словом. Известная часть тюркских слов имеет помету о заимствовании их из монгольского («с монг.»), например: тат. *noqta* ‘недоуздок’ [ЛБ II: 295], уйг., алт. *nom* ‘священные книги, закон’ [ЛБ II: 296], алт. *mürgü* ‘молитва’ [ЛБ II: 263], тат. *mahan* ‘конина (маханина)’ [ЛБ II: 218]. Также в Словаре приведены заимствования из кавказских языков (возможно, в кумыкский), они выделены пометой «дагест.».

⁸ По этому пути позднее пошел также В. В. Радлов. См. фиксации русизмов в его «Опыте словаря тюркских наречий» [РСл. III]: «*лахан* (каз., из рус.) лоханка, умывальный таз» [РСл. III: стлб. 731], «*ланна* (каз., из рус.) лампа» [РСл. III: стлб. 733], «*лапас* (каз., из рус.) лабаз, подвал, каретник, крытый загон для скота» [РСл. III: стлб. 738], «*лин* (шор., из рус.) лен (немятый)» [РСл. III: стлб. 757], «*ликар* (каз., из рус.) лекарь, врач» [РСл. III: стлб. 759].

«Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова явился выдающимся достижением складывающейся тюркской лексикографии, определившим ее дальнейший прогресс. Словарь этот, безусловно, оказал впоследствии большую помощь В. В. Радлову при составлении его четырехтомного «Опыта словаря тюркских наречий»: В. В. Радлов в значительной мере опирался на словник Л. З. Будагова; показательно, например, что такого специфического выражения, как *baş almaq*, нет ни у Л. З. Будагова, ни у В. В. Радлова.

Словарь Л. З. Будагова, в котором можно усмотреть начальные подходы к теоретическим вопросам тюркской лексикографии, во многом опередил практику составления словарей в тюркологии первых десятилетий второй половины XIX в. Не притязая на развитие общей теории, стремясь в принципах построения Словаря следовать В. И. Далю и находя собственные решения в подаче тюркского материала, Л. З. Будагов проявил себя как пионер в тюркской лексикографической практике: он предложил новый тип словаря («общетурецкий словарь»), открыл (еще до В. В. Радлова) подступы к новому, исследовательскому, направлению в составлении словарей — сравнительному и даже компаративистскому.

В практике своей работы Л. З. Будагов фактически ставил совершенно новые для тогдашнего тюркского языкознания проблемы. В числе них — такие, например, как собирание тюркской идиоматики с подбором синонимичных фразеологизмов, изучение разноязычных заимствований (в том числе русизмов) в тюркских языках и, наоборот, тюркизов и других ориентализмов (проникших через посредство тюркских языков) в русском языке. Особо следует отметить начатое Л. З. Будаговым исследование истории тюркских слов и выражений в тесной связи с историей обозначаемых ими реалий, а также попытки этимологизации отдельных слов.

Л. З. Будагов был вполне вознагражден за то, что, как говаривал позже Н. К. Дмитриев, умел «смотреть за ограду своей прямой специальности» [Дмитриев 2001: 106]. Многое почерпнув из опыта В. И. Даля (в отношении объема и построения словаря, способов разъяснения в нем слов и фразеологизмов и т. д.), Л. З. Будагов проявил себя в тюркологии как новатор: своим Словарем он фактически заложил в тюркской лексикографии комплексный подход — объединение принципов сравнительного, толкового и переводного двуязычного словарей (к тому же, с начатками исторического словаря).

Своей глубокой и органичной проработкой новых для него лексикографических принципов Л. З. Будагов подвел нас к необходимости вычленения «побочной преемственности» в науке — с учетом тех важных наблюдений, которые были произведены до нас в разное время Н. К. Дмитриевым, М. З. Закиевым, А. Н. Кононовым и которые до сих пор оставались невостребованными в тюркологии.

Справедливости ради, в дополнение к процитированному высказыванию Н. К. Дмитриева считаем полезным привести фрагмент из публикации А. Н. Кононова: «По точному определению М. З. Закиева⁹, грамматики И. Гиганова, Ибр. С. Хальфина (1809), А. Троянского (1814 (...)), М. Иванова (1842 (...)) как в части структуры самих трудов, так и в части определения основных понятий и категорий *восходят к Грамматике М. В. Ломоносова (...). К иной линии развития тюркских грамматических изысканий в России прошлого (XIX) века относится книга О. И. Сенковского (...)* “Основные правила турецкого языка” (СПб., 1829), которая (...) представляет собою “образцовое сокращение богатой содержанием, но растянутой донельзя и запутанной грамматики Вигье” (...). Эта книга не оказала сколько-нибудь существенного влияния на развитие грамматической мысли в России» [Кононов 1982: 300]. Можно сказать, что «побочная преемственность» представляет интерес как способ приобщения развивавшейся тюркологии к достижениям отечественной лингвистики и общего языкознания.

Замечательно, что комплексный подход, предложенный в тюркской лексикографии Л. З. Будаговым, жив до сих пор: он воплотился в богатейшем «Киргизско-русском словаре», составленном К. К. Юдахиным [Юдахин 1965] — «лучшим лексикографом в области национально-русских словарей», как назвал его А. А. Реформатский. В свое время аналитическое исследование Словаря Л. З. Будагова (см. статьи [Благова 1985, 1986, 1988, 2001] и др.) открыло доступ к его сокровищам, прежде сокрытым арабицей.

Сокращения

Языки

ад. — «адербиджанский» (совр. азербайджанский)	каз. — казанско-татарский
алт. — алтайский	кир. — «киргиз-кайсацкий» (совр. казахский)
башк. — башкирский	монг. — монгольский
джаг. — «джагатайский» (совр. чагатайский)	перс. — персидский

⁹ См. [Закиев 1970: 17].

рус. — русский	тур. — турецкий
ол., Олон. — олонекский говор	уйг. — уйгурский
(по [Даль I—IV] и [ЛБ I—II] соответственно)	хив. — «хивинский» (по [ЛБ I—II])
Орл. — орловский говор	чаг. — чагатайский
тат. — татарский	шор. — шорский

Общие

бранн. — бранное	понуд. — понудительный залог
возвр. — возвратный глагол	провинц. — провинциальное
вост. — восточное	простон. — простонародное
диал. — диалектное	совр. — современное
особ. — особенно	

Литература

- Бабкин 1955 — *Бабкин А. М.* Толковый словарь В. И. Даля // *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955. С. III—X.
- Благова 1985 — *Благова Г. Ф.* Лазарь Будагов — лексикограф-энциклопедист // *Советская тюркология.* 1985, 6. С. 42—56.
- Благова 1986 — *Благова Г. Ф.* Словари Л. Будагова и Паве де Куртейля как источники этимологического словаря // *Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка.* Чебоксары, 1986. С. 30—39.
- Благова 1988 — *Благова Г. Ф.* Л. З. Будагов и тюркская историческая лексикология (К постановке проблемы) // *Теория и практика этимологических исследований. Материалы к «Этимологическому словарю тюркских языков».* М., 1988. С. 55—61.
- Благова 2001 — *Благова Г. Ф.* Владимир Даль и его последователь в тюркологии Лазарь Будагов // *Вопросы языкознания.* 2001, 3. С. 22—39.
- Виноградов 1941 — *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка // *Язык газеты.* М.—Л., 1941. С. 369—371.
- Грамматические концепции 1985 — *Грамматические концепции в языкознании XIX века / Отв. ред. Кацнельсон С. Д.* Л., 1985.
- Грот 1873 — *Грот Я. К.* Воспоминание о В. И. Дале // *Записки Императорской Академии наук.* Т. XXII. СПб., 1873. С. 257—266.
- Даль 1955 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955.
- Дмитриев 2001 — *Дмитриев Н. К.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий Л. Будагова / Публ., комм. и примеч. *Благовой Г. Ф.* // *Н. К. Дмитриев: К 100-летию.* М., 2001. С. 129—134.
- Закиев 1970 — *Закиев М. В.* Роль идей М. В. Ломоносова в становлении лингвистических взглядов представителей Казанской школы тюркологов // *Вопросы тюркологии.* Казань, 1970. С. 15—20.
- Канкава 1958 — *Канкава М. В.* В. И. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958.
- Кононов 1982 — *Кононов А. Н.* История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Л., 1982.
- Кононов 1989 — *Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период.* 2-ое изд. / *Перераб., подгот. Кононов А. Н.* М., 1989.
- Лазаревский 1894 — *Лазаревский В. М.* Из бумаг В. М. Лазаревского: 1. Биографический очерк. 2. Знакомство с Далем. 3. Переписка с Далем. М., 1894.
- ЛБ — *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий / Сост. Будагов Л. З.* Т. I—II. СПб., 1869—1871.
- Лихачев 1983 — *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. Л., 1983.
- Насилов 1985 — *Насилов Д. М.* Теоретические взгляды тюркологов О. Н. Бётлингга и В. В. Радлова // *Грамматические концепции в языкознании XIX века / Отв. ред. Кацнельсон С. Д.* Л., 1985.
- Рсл. — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I—IV. СПб., 1888—1911.
- Самойлович 2005 — *Самойлович А. Н.* Обзор русских грамматик (XIX в.) различных тюркских языков // *Самойлович А. Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника / Сост. и отв. ред. *Благова Г. Ф., Насилов Д. М.* М., 2005. С. 116—125.
- Умаров 1981 — *Умаров Э. А.* Паве де Куртей — лексикограф // *Советская тюркология.* 1981, 6.
- ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
- Юдахин 1965 — *Киргизско-русский словарь / Сост. Юдахин К. К.* М., 1965.
- Pavet de Courteille 1870 — *P. de Courteille.* Dictionnaire turc-oriental. Paris, 1870.
- Vámbéry 1878 — *Vámbéry A.* Etymologisches Wörterbuch der Turko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878.

Жанровое разнообразие фольклорных произведений в записях Л. А. Варковицкой на фоне обыденной лексики и паремий (К 100-летию со дня рождения)

О селькупках писали многие исследователи, однако целенаправленное изучение селькупского языка в XX в. связано, прежде всего, с именами Георгия Николаевича Прокофьева (1897—1942) и его жены Екатерины Дмитриевны Прокофьевой (урожденная Боровкова; 1902—1987), автобиографии которых см. в [Казакевич 2008/2009: 258—262]. В 1925—1928 гг. Г. Н. Прокофьев, работавший заведующим школой-интернатом в поселке туруханских селькупов Янов Стан (Туруханский район Красноярского края), занимался изучением языка северных селькупов. Название «селькупы» (вместо «остяко-самоеды») было введено в 1930-х гг. Г. Н. Прокофьевым.

В 1934 г. в Ленинграде вышла книга для чтения в первом классе на селькупском языке П. Н. Жулева — “Тоqьлтъртæt сãть тоqьлтърсãтьl' пãкьгьl laka (posukol' pelæktь)” (76 с.) [Жулев 1934]. В составлении книги приняли участие Г. Д. Вербов и Т. С. Карпова, а на селькупский язык ее перевела Е. Д. Прокофьева. Вслед за этой книгой в 1935 г. вышла книга для чтения во втором классе Е. Д. Прокофьевой — “Тоqьлтъртæt сãть tantaltърсãтьl laka (II pelæktь)” (104 с.) [Прокофьева 1935]; эта книга была составлена на основе стабильного учебника Е. Я. Фортунатовой.

В 1937 г. в первой части труда «Языки и письменность народов Севера» были опубликованы четыре статьи Г. Н. Прокофьева о ненецком, нганасанском, энецком и селькупском языках, а в 1938 г. термины «самоеды» и «самоедский» были заменены на «самодийцы» и «самодийский» соответственно.

Едва ли не единственным учеником, напрямую продолжившим дело своего учителя, была аспирантка Г. Н. Прокофьева — Людмила Александровна Варковицкая (11.04.1913—07.05.1987), в 1930—1935 гг. учившаяся в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (в дальнейшем — филологический факультет ЛГУ). Ее записи будут рассмотрены в следующих разделах.

1. Специфика записи полевых материалов в тетрадях Л. А. Варковицкой. Самооценка и комментарии к текстам

В районе, где в 1925—1928 гг. работал Г. Н. Прокофьев (в поселениях Монастырское, Янов Стан, Верхняя и Нижняя Баиха, Турухан), спустя 16 лет его ученица Л. А. Варковицкая собирала материалы для своей кандидатской диссертации по глагольному словообразованию в селькупском языке (в поселках Турухан, Верхняя и Нижняя Баиха).

Время начала этой работы совпало с годом и месяцем начала Великой Отечественной войны; о начале войны Л. А. Варковицкая узнала только тогда, когда через с. Фарково пошли новобранцы на фронт. От этого времени (осень 1941 г.) сохранился документ — справка из Красноярска, по которой Людмила Александровна возвращалась домой (текст приводится без поправок). «Мною сотрудником (аспирантом) Института народов Севера Л. А. Варковицкой сдано на хранение в Красноярский краевой музей рукописный материал: Словарь селькупского языка, девять тетрадей с записями селькупского фольклора с подстрочным переводом и две школьных тетради по селькупскому языку. Всего 12 тетрадей. 18/X — 41г. г. Красноярск. Варковицкая». Можно представить себе, с каким трудом, в связи с началом войны, исследовательнице удалось добраться до Москвы вместо Ленинграда (Институт народов Севера, где она в то время училась в аспирантуре, был закрыт).

В 1944—1947 гг. Л. А. Варковицкая состояла аспирантом Института языка и мышления им. Н. Я. Марра в Москве, а в дальнейшем стала работать в Институте национальных школ Академии педагогических наук РСФСР (современный ИНПО — Институт национальных проблем образования). Людмиле Александровне удалось сохранить свой архив, используемый в данной статье; после ее смерти он был передан родственниками нам с Е. А. Хелимским.

В 1947 г. в Институте языка и мышления АН СССР Л. А. Варковицкая защитила диссертацию на тему «Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора)» [Варковицкая 1947]; помимо основного текста диссертация включает в себя три приложения.

Нетривиально Приложение № 1, содержащее три текста на селькупском языке с переводами: сказку Гани Мантакова о лесной чертовке (*Macil' losьl' imal' captæ*), сказку И. В. Безруких о двух девушках

(*Šitty natenkal' captæ*) и текст С. П. Кусамина «Шаманская дорога» (*Tətəpyl' mətty*). В двух первых сказках (одна из них с реалистическим содержанием, другая — с фантастическим) язык типичен для баишенского диалекта того времени, а третий текст (шаманский) отличается от первых своим архаическим языком. Ко всем трем текстам даются грамматические комментарии, представленные в алфавитном порядке.

Интересно, что в годы написания диссертации Л. А. Варковицкая не использовала кириллицу, объясняя это тем, «что перевод селькупской письменности на русскую систему графики был очень несовершенен» [Варковицкая 1947: 266], с чем трудно не согласиться. Отмечая ряд особенностей фонетики баишенских селькупов (по сравнению с тазовским диалектом), Л. А. Варковицкая подчеркивала, что «баишенский говор не знает трех степеней озвончения согласных» [там же: 267]; в тазовском диалекте звонкость также не фонематична и обусловлена комбинаторно. Более того, «в баишенском говоре вообще нет звонких согласных (кроме сонорных)», а глухие *p*, *t* и *k* являются регулярными, как и в тымском диалекте [там же: 267]. Также Л. А. Варковицкая упомянула о частой замене *w* звуком *m* в начале слова (например, *wəty* — *məty*); звук *w* в начале слова вообще редко употребляется [там же: 268].

Обращает на себя внимание также использованная Л. А. Варковицкой библиография: семь работ на немецком языке (две — М. А. Кастрена, четыре — К. Доннера, одна — Г. Н. Прокофьева), остальные семь — на русском. Среди них представлены труды о глагольных категориях в башкирском, финно-угорских и самодийских языках, а также в палеоазиатских, кумыкском, дунганском и русском. Соотношение узкоспециальных работ и работ, упоминаемых для сравнения, говорит в пользу автора: 70 лет назад Людмила Александровна шла по «целине», прокладывая дорогу той сотне (?) людей, которые изучают селькупский язык сейчас, и (возможно) уже сотням лингвистов, использующим селькупский для сравнения с другими языками при типологических исследованиях, широко распространенных в настоящее время.

В 1950-е годы, в период работы в Институте национальных проблем образования (ИНПО), Л. А. Варковицкая посетила места прежних сборов селькупских полевых материалов. В 1951 г. она работала с Афанасием Григорьевичем Сайготиным (1913 г. р.), который, по словам А. И. Кузьминой, встречавшейся с ним в конце 1960-х гг., учился в Ленинграде. По собственным его словам, сообщенным А. И. Кузьминой, он пытался «написать по-селькупски грамматику селькупского языка, используя в качестве основы теоретические разделы одной из школьных или вузовских грамматик (текст начинается с определения предложения как законченной мысли, выраженной цепочкой слов)» [Тучкова, Хелимский 2010: 19]. Как пишет Н. А. Тучкова, А. Г. Сайготин «создает неологизмы (напр., *томтармо* ‘предложение, высказывание’ от *tomtə-* ‘сообщать, высказывать’, названия падежей и других словоизменительных категорий), снабжает текст примерами из живой селькупской речи и составленными им самим таблицами парадигм» [там же: 19]. Грамматика, которую пытался создать А. Г. Сайготин, возможно, была сделана другими людьми, зато, судя по всему, по его инициативе. В ней также был дан перевод фрагмента «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина на селькупский язык [там же: 20].

В отличие от А. И. Кузьминой, работавшей с А. Г. Сайготиным в 1960-е гг., Л. А. Варковицкая, как уже было сказано, познакомилась с ним значительно раньше и записала от него материал для «Русско-селькупского словаря» [Варковицкая 1951]. Это был, судя по записи в блокноте, «Примерный словарь русских слов для подготовительного класса». Блокнот имеет 26 листов, которые с двух сторон исписаны словами, расположенными в алфавитном порядке; было собрано около 900 слов. Следует отметить, что во всех предыдущих экспедициях записи велись на латинице, в 50-е и последующие годы стала использоваться кириллица, а со временем и все записи испытали значительные изменения. Переход с латиницы на кириллицу вызвал появление ошибок в записях, которые не сразу были замечены и исправлены Л. А. Варковицкой (в данной статье запись приводится без изменений).

Первым словом в [Варковицкая 1951] стоит слово ‘август’ *вэ́нты ир́ат*, а последнее слово на 26 листе — ‘чайка’ *жалик*. В словаре встречаются все части речи, причем **глаголы** нередко даются не в форме инфинитива, а в форме произвольно выбранной глагольной категории (например, в форме первого или третьего лица единственного лица или в повелительном наклонении): *жамнынпаты* ‘наливает’, *жаттаты* ‘налей!’, *рисоваинжо* ‘(на)рисовать’, *илак* ‘живу’ и т. д. Встречаются **числительные**: 11 — *уккыр коль кот*, 20 — *щиты сар* (правильное написание должно быть *šittysar / šitsar*, где *-sar* — это суффикс; ср. *šitty tesar* < *tetty* + *-sar*, т. е. 2 x 40 = 80). Также приведены **прилагательные** (например, *минынтыль* ‘острый’, *тамтырыль* ‘народный’) и **местоимения** (*тэп* ‘он, она, оно’, *тэпыт* ‘они’ и т. д.). **Существительные** часто состоят из нескольких слов: ‘кухня’ — *апсыл учинтыль мот* (букв. ‘продуктовый / пищевой мастерящий дом’), ‘лапа’ — *уты* и *топы* (т. е. ‘рука / передняя лапа животного’ и ‘нога’), ‘кузнец’ — *кэзыль учинтыль бун* (букв. ‘железное мастерящий человек’), ‘кнут’ — *чунтып нырбаптымытыль тэмы* (букв. ‘лошадь пугающая веревка’), ‘больница’ — *лечитынталь мот* (букв. ‘дом, где лечат’), ‘бедняк’ — *жоцицик жалык илынтыль бун* (букв. ‘плохо оставшийся одинокий человек’), ‘волк’ — *оталь амырыль сурьп* (букв. ‘оленья пожирающий зверь’) и т. д. Следует оговорить, что в приводимых записях

встречается много неточностей: например, в последнем примере надо было бы писать *ṣtäl' amyryl' sūryp* 'волк'. Судя по всему, при записи текстов Л. А. Варковицкой было трудно «переключаться» с привычной для нее латиницы на кириллицу и подбирать диакритики для отдельных букв.

Вместе с тем, сделанные в разных местах и в разные десятилетия записи могут отражать значительные изменения в языке. Так, в словаре [Казакевич, Будянская 2010: 150] приведенное выше слово *учин-тыль* (от *учинџо / учынџо*) означает 'обучающий' и рассматривается как заимствованное из русского языка, а в записях Л. А. Варковицкой имеет также значение 'мастерящий' (см. выше примеры на существительные 'кухня' и 'кузнец'); значение 'работать, мастерить' в [Казакевич, Будянская 2010: 151] отмечено у глагола *џчыџо*.

Особое место в [Варковицкая 1951] занимают записанные вразброс **наименования месяцев**: 'январь' — *чиџыраль кониль ир́аты*, 'февраль' — *џыра́ ир́аты*, 'март' — *лимпы ират*, 'апрель' — *то'каль ир́ат*, 'май' — *нич́ат тырыль*, 'июль' — *вэ'рџы кэты ир́ат*, 'сентябрь' — *чопыкытыль ираты*, 'декабрь' — *копты чельль ир́ат*. Названия для июня, августа, октября и ноября не включены в данный блокнот, однако их можно встретить в других записях.

В разных селькупских селах месяцы нередко имеют разные наименования, хотя почти все из них мотивированы природными явлениями или хозяйственной деятельностью: например, апрель называют не только *tökal' iräty* 'гусиный месяц' (ср. запись в предыдущем абзаце), но и *šepä iräty* 'бурундучий месяц'. Наибольшее разнообразие (при расширении круга опрашиваемых, в том числе из разных мест) отмечено в названиях июля и ноября: июль называют *wərgy kəty iräty* 'месяц больших заготовок', *n'imyräl' iräty* 'месяц мошки', *wərgy iräty* 'большой месяц', *tanjyt čontyl' iräty* 'месяц середины лета'; ноябрь — *qoryn ɔmtyl' ɔl'čypyl' iräty* 'месяц отпадения рогов оленей самцов', *täpăččyl iräty* 'белкования месяц', *šoka iräty* 'сучий месяц'. Нередко мнения самих носителей языка расходятся в отношении наименований месяцев: так, по одной версии, *qəpty čely iräty* 'олений-самцов месяц' — это ноябрь, а по другой — декабрь [Кузнецова 1976: 45—49].

В селькупском языке все чаще появляются **неологизмы**, что видно по приводимым ниже примерам. При этом они нередко представляют собой сочетания слов, из которых одно является исконным (селькупским), а другое — лексемой с русским корнем и селькупскими суффиксами и / или окончаниями: *лечитынталь мот* 'больница', *окощкат по* 'рама', *чернилаль торџы* 'чернильница', *яблокат по* 'яблоня'. Рассмотрение хотя бы нескольких лексем и словосочетаний, соответствующих одному слову в русском языке, наводит на мысль, что перед нами, скорее всего, слова-«однодневки». Действительно, несмотря на то, что к концу прошлого века число подобных словосочетаний заметно возросло, вскоре они стали вытесняться русскими словами. Случается, что заимствованное из русского языка слово получает в селькупском новое значение, например: *патарка* — это и 'подарок', и 'награда'. Все возрастающий рост заимствований из русского языка привел к тому, что уже в конце прошлого столетия молодые селькупы отказывались говорить на родном языке, запрещая это делать и своим родителям [Кузнецова 2007: 15—19]. Языковая ситуация обстоит лучше среди представителей старшего поколения, живущих в лесу, изолированно от поселковых родственников, не только внуки, но и дети которых часто не говорят на родном языке и не позволяют делать это старшим.

Среди многочисленных учебников и текстов на селькупском языке в русской графике наибольшей известностью пользовались неоднократно переиздававшиеся словари (например, «Словарь селькупско-русский и русско-селькупский» С. И. Ирикова [Ириков 1988]) и книги для чтения школьникам младших классов. В 1980 г. в Москве вышли «Очерки по селькупскому языку (Газовский диалект)» [ОчСЯ 1980], издание книг по этому диалекту селькупского языка было продолжено в 1993 г. [ОчСЯ 1993] и 2002 г. [ОчСЯ 2002]. В 2007 г. в Воронеже вышла в свет монография о селькупах Туруханского района Красноярского края [Кузнецова 2007]. Последним из изданных словарей селькупского языка (после некоторого перерыва) стал уже упомянутый нами словарь северных говоров селькупского языка О. А. Казакевич и Е. М. Будянской [Казакевич, Будянская 2010].

В послевоенное время работа с северными селькупками шла в разных населенных пунктах, с разными интервалами и разными задачами, стоящими перед исследователями; она продолжалась в общей сложности в течение 40 лет (начиная с 1970 г.). За это время были осуществлены десятки экспедиций (в Сидоровск, находящийся поблизости от древней Мангазеи, Красноселькуп, Фарково, Туруханск, Горошиху, Ратту и т. д.), велась переписка с некоторыми информантами. Иногда в Москву приезжали селькупы из с. Красноселькуп (ЯНАО), от которых были записаны новые варианты старых селькупских сказок, реже — новые сказки или рассказы о современной жизни селькупов (например, о праздновании 60-летия Красноселькупа). По социолингвистическим анкетам было опрошено около 100 человек, многие из которых уже умерли.

О замечательном архиве Л. А. Варковицкой и его содержании писалось не единожды. В 1989 г. было сообщено о селькупских материалах в рукописном наследии Л. А. Варковицкой, а также приведена

классификация фольклорных произведений, записанных собирательницей (с учетом их жанрового разнообразия) [Кузнецова, Хелимский 1989]. В 2004 г. было опубликовано полное содержание девяти тетрадей из архива Л. А. Варковицкой, а также тексты Г. Н. Прокофьева и выдержки из его дневника, переписанные в свое время Л. А. Варковицкой [Мифология селькупов 2004: 337—340] (см. также [Selkup Mythology 2010: 277—280]). Статья о маргиналиях в полевых тетрадах Л. А. Варковицкой была напечатана в 2009 г. [Кузнецова 2008/2009].

Архивные материалы Л. А. Варковицкой представляют огромную ценность, они могут быть рассмотрены со многих точек зрения. В частности, обращают на себя особое внимание следующие два момента.

1) Записи воссоздают разговорный язык северных селькупов более чем полувековой давности (1941 и 1951 гг.).

2) Сравнение материалов, собранных в 1941 г. и 1951 г., с записями 1970-х гг. (полученных в ходе пяти экспедиций) и записями конца XX — начала XXI в. выявляет постепенные изменения, происходившие в северных диалектах селькупского языка с разной скоростью и в силу различных причин. К таким причинам относятся война и запрет на обучение на родном языке в школах-интернатах, а как следствие этого — отказ молодого поколения от родного языка и требование к старшим не говорить на нем.

Следует также сказать, что в 2008 г. Государственная Дума Ямало-Ненецкого автономного округа издала Федеральные законы и законы ЯНАО, в числе которых на селькупском языке представлены Конституция РФ, Земельный кодекс РФ, три Федеральных закона и три закона ЯНАО, а также Постановление о Концепции развития коренных малочисленных народов Севера ЯНАО.

В следующем разделе речь пойдет не только о содержании архивных материалов Л. А. Варковицкой, их возможной классификации и селькупском малом фольклоре (поговорок, поговорках и т. д.), но и о манере работы исследовательницы и специфике записей в ее полевых тетрадах.

2. Классификация маргиналий в тетрадах Л. А. Варковицкой

Маргиналии в рабочих тетрадах Л. А. Варковицкой, о которых уже шла речь в [Кузнецова 2008/2009], представляют собой не только фонетические и лексико-грамматические комментарии к текстам; они содержат также многочисленные дополнительные сведения о быте, нравах, верованиях селькупов и о многом другом. Так, при записи одного из текстов в с. Красноселькуп (сентябрь 1951 г.) появилась маргиналия с оценкой рассказчика: «Старик прямо актер, он жестикулирует, поет, говорит разными голосами» [Варковицкая Красноселькуп 1951: 4].

В 1941 г., занимаясь фольклором туруханско-баишенских селькупов, Л. А. Варковицкая составила классифицирующую аннотацию к 79 текстам из собранной коллекции, насчитывающей всего 95 текстов. Исследовательница выделила восемь групп текстов, которые были проанализированы ею в отчетном году.

1. **Героический эпос** (сказания о богатырях и войнах): 24 текста, в которых рассказывается о войнах селькупов с ненцами и тунгусами, реже — с русскими. Войны с ненцами отличаются наибольшей жестокостью. Эти тексты дают также сведения о военной организации (сотни, тридцатки и т. д.) и о вооружении (например, амбары для оружия) селькупов.

2. **Сказки** (24 текста) подразделяются на пять разновидностей.

а) **Волшебные сказки**: действующие лица — черти (*losy*), покойники, Бог-небо, животные (наряду с обычными людьми); доброе начало обычно побеждает злое.

б) **Бытовые сказки** с некоторым фантастическим элементом (6 текстов): типичные действующие лица — мать и мачеха, вздорные старик и старуха.

в) **Сказки русского происхождения** (4 текста) поражают изменениями в русском сюжете и северным колоритом (что может быть интересно и для исследователя русского фольклора).

г) **Детская сказка** встретилась едва ли не в единственном числе (о детях, брошенных родителями, но вернувшихся к ним с мешком золота).

д) **Плутовские сказки** об Иче и его бабушке (9 текстов); по мнению Л. А. Варковицкой, «это комические сказки о плуте Иче, который хитростью всегда выходит победителем из борьбы с чертями и людьми. Обычно все свои козни он проводит с помощью своей бабушки. В ряде деталей Ича неожиданно напоминает восточного Хаджи Насредина». Интересно, что в год 60-тилетнего юбилея Красноселькупского района ЯНАО (2004 г.) Ича был признан героем селькупского народа и в его честь были поставлены памятники «Ича-рыбак», «Ича-охотник» и «Ича-оленеvod», так за полвека изменилась интерпретация данного фольклорного персонажа. Более того, существует много вариантов мифов об Иче, которого часто называют Ий (обычно у южных селькупов).

В 1940-е гг. не только взрослые селькупы, но и дети знали и рассказывали сказки, однако после 50-х гг. знание фольклора пошло на убыль. Уже в последней трети XX в. (1970-е гг.) далеко не все ста-

рые люди помнили родной язык настолько, чтобы рассказывать сказки, а старики, еще помнящие свой язык, забыли фольклор (а кому они могли рассказывать сказки, если детям в школе не разрешали говорить на родном языке?). На грани тысячелетий оказалось, что люди старшего поколения не могут говорить с молодыми на родном языке, поскольку те не знают его и не хотят на нем говорить; при этом старики не имеют возможности общаться с молодыми и на русском, т. к. знают его плохо.

3. **Бытовые рассказы** в тетрадах Л. А. Варковицкой встречаются редко.

4. **Шаманские рассказы** (8 текстов), по мнению Л. А. Варковицкой, «резко разграничиваются на тексты сугубо фантастического плана (три — распространенные у селькупов описания “шаманской дороги”) и на собственно рассказы о жизни шаманов (шаманы лечат, гадают — пять текстов)» [Кузнецова, Хелимский 1989: 52]. Именно в силу этого разграничения в данной аннотации к текстам используются только те тексты о жизни шаманов, которые можно отнести к числу фольклорных.

Скорость изменений в жизни страны в целом сказывается и на жизни селькупов, описываемой здесь с позиций начала XXI в., хотя первые экспедиции к тазовским селькупам проводились в 1970—73 гг. и 1977 г. Приводимые в дальнейшем примеры по большей части соответствуют состоянию и образу жизни селькупов в последних десятилетиях XX — начале XXI в.

Затухание сказочной традиции в селькупском фольклоре напрямую связано с разрушением селькупского языка, которым молодое поколение владеет очень плохо. И то, и другое (затухание сказочной традиции и забвение селькупского языка) происходит под сильным влиянием русского языка и русской сказочной традиции, которой подражают селькупские сказочники. В результате появляются **гибридные сказки** — русские по содержанию и отдельным заимствованным деталям, но селькупские по форме изложения и исполнению.

Постепенно происходит разрушение сказочной традиции, что отчетливо видно по записям одной и той же сказки, сделанным в близлежащих районах проживания селькупов с интервалом в 30 лет. Сказка о Томнэнке и Нэтэнке (*tōmnāŋka* < *tōmtä* ‘лягушка’; *nätāŋka* < *nätäk* ‘девочка, девушка’) была записана Л. А. Варковицкой 14 июля 1941 г. на р. Баиха от 14-тилетнего Гани Мантакова, отец и мать которого — баишенские селькупы. Как и для многих селькупских текстов, для этой сказки характерна рекурсивная (повторяющаяся) структура [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 31—48]; в ней много сюжетных линий и захватывающих эпизодов, богатая лексика и яркий образ Томнэнки-ведьмы. Ср. ту же сказку в [ОчСЯ 1993: 12—13, текст № 3; 49—52, перевод]: этот вариант был записан в 1973 г. в с. Красноселькуп от Ивана Алексеевича Калина (пастух-оленеvod 1936 г. р., начальное образование). В этом варианте сказка имеет более простой сюжет и содержит меньше эпизодов, а ведьма-оборотень Томнэнка менее коварна. В этом тексте сказки много лакун (по сравнению со сказкой 1941 г.), не позволяющих четко понять ход событий. Мотивы второй половины сказки, связанные с кражей ребенка и опознанием его с помощью струи молока, попавшей прямо в рот ребенку из груди матери, встречаются и в кетских сказках. Сравнение двух вариантов одной и той же сказки, один из которых был записан от 14-тилетнего подростка в 1941 г., а другой — от взрослого мужчины-сказочника 37 лет в 1973 г., свидетельствует о процессе забвения селькупского фольклора (чему способствовали запрет говорить детям на родном языке в школе и война 1941—1945 гг., усилившая русификацию селькупов).

Отличительной чертой каждого поколения (в меньшей мере — полупоколения) является тематика рассказов, характерная для той или иной возрастной когорты, связанная с повседневностью и обычно далекая от тем, навеянных идущим от древних времен мировосприятием (или иначе, как писал Г. Н. Прокофьев, «чувственной стадией мышления»). Человек часто рассказывает не о каких-либо определенных событиях в своей жизни, не обо всей своей жизни, а вспоминает лишь (без всяких наводящих вопросов и просьб) врезавшиеся в память отдельные истории, делится своими размышлениями о жизни молодых и старых людей и т. д. Записей такого типа едва ли не больше всего; они, будучи скомпонованы в произвольном порядке, создают мозаичную картину жизни самого рассказчика.

Однако в дальнейшем речь пойдет не о записях событий из повседневной жизни селькупов, а о произведениях т. н. малого вида фольклора — о синтетических паремиях, многие из которых встречались и в материалах Л. А. Варковицкой (в виде устойчивых словосочетаний, статус которых бывает трудно определить). Например, в [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 46—46а] приводится слово *sel'čimənt'ə* ‘туда и сюда, взад и вперед’: *Sel'čimənt'ə qumət qasətət* ‘В разные стороны люди уехали (по семи сторонам)’.

3. Синтетические паремии (приметы, загадки, пословицы, поговорки и т. д.)

Синтетические паремии, о составе которых среди лингвистов и фольклористов ведутся непрекращающиеся споры, сохранились едва ли не в большей степени, чем сказки и, тем более, чем шаманские тексты или героический эпос. К паремиям (от др.-греч. *παροιμία* ‘притча’) относят несколько десятков

мелких жанров: приметы, загадки, пословицы, поговорки, прибаутки, магические речения, поверья, вещие сны, мининарративы (велеризмы), головоломки, присловья, афоризмы, сравнительные обороты и т. д. [Крикман 1995]. Нравоучительные поговорки, пословицы, приметы и загадки оказались наиболее жизнеспособны, примеры чему приводятся в данном разделе ниже.

В древне- и среднерусском языке слово паремия, в соответствии со значением среднегреческого источника заимствования, обозначала «притчи», небольшие сюжетные фрагменты Священного Писания поучительного содержания. В литургической терминологии паремии это отрывки из книг Священного Писания, которые читаются за богослужебным чинопоследованиям Вечерни, Всенощного бдения и молебнов. Паремии содержат в себе пророчества о празднуемом событии или хвалу святому, память которого совершается. Жанр церковнославянской литературы, называемый "паремейник" - это сборник для богослужения и домашнего чтения, соответственно, содержащий как литургические паремии, так и собственно упомянутые выше "притчи". В современной филологической терминологии к синтетическим паремиям относятся не только приметы, побасенки и перечисленные выше слова, но нередко даже фразеологизмы и другие типы сочетаний, называемые паремиологическими (или фольклорными).

В начале нового тысячелетия в с. Красноселькуп еще были знатоки селькупского фольклора, от которых удалось записать немало текстов и множество синтетических паремий. Среди селькупских синтетических паремий распространены **предсказания**, причем чаще — чего-либо плохого, реже — хорошего. Иногда одна и та же ситуация воспринимается как энантиосемичная, т. е. может быть истолкована и в хорошем, и в плохом смысле. По словам Г. Л. Пермякова, «подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов» [Пермяков 1978: 105]. Можно привести примеры разных типов селькупских паремий, записанных в разные годы (в том числе и Л. А. Варковицкой) в с. Фарково (Туруханский район Красноярского края) и с. Красноселькуп (ЯНАО).

Kötyrapok 'к беде': *Tap qumyt tata qajqyt tama omtysy — na kötyrapok, torä esente* 'Этот человек где-то (в доме) полевою мышью (лемминга) увидел — к беде (например, к смерти, к покойнику); беда будет'. В диалектологическом словаре селькупского языка [Казакевич, Будянская 2010: 44] зафиксирована форма *kötyra-nõžy* 'не к добру' (в отличие от приведенной выше формы, зафиксированной в 2003 г. в с. Фарково). Встречается также **нравоучительная поговорка**: *Košqoly yky orysšäšik! Ilyptäränty nammy tatqenty koškenta*. 'Не делай плохо! В жизни тебе будет плохо'.

При воспитании детей, установлении норм поведения в быту и на природе, их знакомили с различными запретами: нельзя обращаться к огню с плохими словами, играть с зажженной лучиной, втыкать в землю нож или топор, свистеть в чуме и т. д. При этом говорилось, что именно может произойти с девочкой или мальчиком в случае нарушения запрета: если девочка убьет паука — у нее будут теряться иглы, наперсток; если мальчик — лук и стрелы. В некоторых случаях **предостережение** может спасти от каких-либо неудач: *Poqqyła kytap qatqa aša nōtna — tap qalyр koččik tattäntyт* 'Рыбача, паука убивать не надо — он рыбы много доставит'. Нередко предостережение близко к предсказанию: *Söncipyл čopsy tettonDy yky loqyrypät* (или *loqyrät*) *söränta* 'Пустой (без мяса) рожень в землю не втыкай — будет дождь'.

Некоторые **ситуации** всегда истолковываются как **опасные**, например, когда речь идет о тени (*tīqä / tikä* 'тень', *ilyл tīqä* 'отражение человека'): *Iränty tikäl pīt qälympa qur, a ilyл tīqä aj tepsä qälympa. OnDy ilyл tīqäsä yky sontyrygo. OnDoqyndy košyq enta*. 'По отражающей свет дорожке идет человек, а живая тень тоже с ним идет. Со своей тенью (нельзя) играть! Самому плохо будет'. Так говорят детям, которые прыгают и смотрят, как их тень делает то же самое: ребенок ночью либо не уснет, либо заболит (или кто-то умрет). Может быть другой вариант: *t/qiqänty yky čelčänty — qunnanty!* 'тень свою не топчи — умрешь!'; или еще короче (хотя не так страшно): *tatqänty koški enta!* 'тебе плохо будет!'

Провидческие (вещие) сны предсказывают смерть человеку, во сне увидевшему покойника живым [Кузнецова 2007: 101]. Менее страшная (но часто произносимая) **примета**: станешь худым, если ешь остаток пищи. *Čəpsəqyt qalympyл əpsyt tuka yk(y) amty — čəpsəл čarä tyšänenty* 'На рожне (вертеле) оставшиеся крошки пищи не ешь — как рожень похудеешь'.

Встречаются у селькупов **пословицы** и **поговорки** нравоучительного характера, например: *soma nušinty nōny kanak ašša paktenta* 'от хорошего хозяина собака не убежит'; *utantysa ütə(y)p ašša orqylenta* 'рукой воду не схватишь'.

Приметы складывались веками и стали результатом острой наблюдательности селькупов. Так, все селькупы знают, что *täl'tipa kuttar wəšienta, žiät muntyk karrä naronty panišqčyt* 'овод как поднимется, олени все сразу на тундру выходят'. Зафиксирована и такая примета: *Poqqyła kytap yky qätty — mykal iirända* 'Рыбача, паука не убивай — иголка потеряется'. Последняя примета свидетельствует о большой

ценности иголки и других швейных принадлежностей (например, наперстка) в таежной и тундровой жизни селькупов [Кузнецова 2007: 42].

Если долго нет зимы, селькупы совершают обряд: *Čanyqyl' soma čelyty eqänto syryl' kūmyl' nómar mēkkōt i mōtqōtyt nómot melsa* 'Светлый, хороший день чтобы был, снежного кровавого зайца делают (т. е. красят красной краской) и бьют зайца прутиком'. Часто можно было услышать примету: *Šōncīpyl' čōpsy tettonDy uky loqyrympät (loqyrät) — sōrenta* 'Пустой (без мяса) рожень в землю не втыкай — будет дождь'.

В разных говорах и записях, сделанных разными лингвистами (часто в разные годы), легко натолкнуться на расхождения в фиксации ряда слов: например, слово со значением 'пустой' может быть записано как *сўньчытыль*, *шўньчытыль* и даже как *сōньчипыль*. При этом далеко не всегда указывается, в каком говоре или населенном пункте и от человека какого возраста была сделана запись.

4. Сомнения, предположения, рассуждения и примечания Л. А. Варковицкой

Тетрадь, первоначально значавшаяся под № 2 (позже зачеркнуто и заменено на № 4), содержит девять текстов, записанных Л. А. Варковицкой в период с 13 по 27 июля 1941 г. Три из этих текстов (три сказки) были записаны от 14-летнего Гани Мантакова, отец и мать которого — баишенские селькупы. Селькупский текст записывается на левой стороне, а на правой даются переводы отдельных слов (при этом возможен комментарий, как например: «перевод сомнительный»).

Последняя (третья) сказка, записанная от Гани Мантакова, — широко известная «детская сказка о хитром малыше, побеждающем черта-старика. Есть бытовые подробности жизни селькупов» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 49—55]. Именно эта сказка — *Pučika čurikal' čaptæ* («Пучика-Чурика сказка») — была опубликована.

Вторая сказка — *Tānpenka aj nātenka* («Томненка и Нэтэнка») — была определена Л. А. Варковицкой как «фантастическая»: «Действующие лица — люди (мать, ребенок), животные, но не реальные, покойники; превращения; в конце концов победа людей над злыми чарами» [Варковицкая Архив, тетрадь 4].

Первая сказка, по рекомендации ее рассказчика Гани («так предложил диктор Ганя Мантыков»), называется *Муть ильтрыя* (в переводе Л. А. Варковицкой — 'Война жила будто'). Сказка *Муть ильтрыя* 'Война жила будто', записанная на русском языке 24 августа 1941 г., была названа «О войне с духами В. С.» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 27—30]. В этой сказке помещена фраза, для которой Л. А. Варковицкая предложила нетривиальный перевод и сопутствующее ему сложное слово. «*Nъnъ na търът qumъt nil'cik lanъkъsqolamnātъt: "Sърът tetil' mъ čunъlъt!"* Потом эти чертовы люди так кричать стали: "Белоподбородочные (т. е. те, у кого белое место между кадычком и подбородком), стреляйте!"» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 28—28а].

В этой сказке есть еще одна фраза, обратившая на себя внимание Л. А. Варковицкой: «*Nātenka tānpenkat oloqъt šittъ čър qatolnъt qomъlqо lakat kal'tælimpat*. Девка лягушки в голове дважды лишь чеснула, жуков кучки ходят. Перевод сомнительный» (о подчеркнутых словах) [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 31]. В [ОчСЯ 1993: 164] слово *qōmylqо* имеет значение 'водяное насекомое, в которое, по поверьям, превращается душа покойника'. В тетради Л. А. Варковицкой встречается написание данного слова как *qо-molko* 'жук' [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 31а]. Остается неясным, изменилось ли произношение данного слова за (почти) полвека или недостаточно аккуратно были сделаны записи (в том или ином случае); не исключено также, что за истекшее время могли произойти изменения и в самом языке. В [Казакевич, Будянская 2010: 59—60] данное слово с пометой «среднетазовский говор» зафиксировано как *жомыльцо* — с тем же значением 'водяное насекомое, в которое превращается душа покойника'. Обилие и разнообразие шрифтов затрудняет распознавание произношения и его возможного изменения за 70-летний период (текст Л. А. Варковицкой — 1941 г., шрифт [ОчСЯ 1993] и шрифт [Казакевич, Будянская 2010], ориентированный на [Селькупский язык 2002]).

Л. А. Варковицкая поражает критичностью к себе и аккуратностью в записях. Так, иногда на правой странице приводятся разные формы встретившегося в тексте глагола: в самом тексте слева дан перевод глагола *qatolnъt* «чеснула, дернула», а на правой странице записаны три глагола — *qatolqо* «чеснуть», *qatolalqо* «чеснуть» и *qatъtqо* «чесать» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 31а].

Особенно внимательно относится Л. А. Варковицкая к грамматическим ошибкам. В [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 37] она обращает внимание на фразу: «*Nъnъ na čātъ nannъ qantātъt. Čър qoňātъt šittъ qumoqъj pačitātъt (pačitātъt)*. Потом того ради (к тому месту) идут. Лишь увидела 2 людей рубят». Перевод этой фразы вызвал у Л. А. Варковицкой не только удивление, но и затруднение в переводе: «ни какого <sic!> тебе двойственного числа!» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 37а]. Трактовка последней фразы неоднозначна (в силу записи количества людей цифрой): то ли два человека что-то рубят, что наиболее вероятно; то ли двоих человек (людей) рубят другие люди.

Л. А. Варковицкая легко замечает не только лексическую омонимию, но и случаи **омонимии** слов и их суффиксов: «*Nьнь natenkat ira tokkaltəlx səttə qənnəttət*. Потом девки муж, надев (видимо, *tol'čimty* 'свои лыжи') в тайгу пошли» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 39]. Эта фраза показалась странной Л. А. Варковицкой, и она написала вопрос (сокращенные слова расшифрованы): «К чему множ(ественное) число (?), наверно, пропущено про мужа лягушки. *Nьнь... ontə tol'čimty nьk əttet*. Потом... свои лыжи туда спрятала» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 39a]. И далее: «*nьk* — туда. А также это суфф(икс) дат(ельного) напр(авительного) падежа — очень забавно! Сначала опред(еленные) глаг(олы) могли быть лишь в одном виде или врем(ени), т. е. вида не было, а была лексема. Затем сочет(ания) букв(ально) вход(или) в тот или иной глаг(ол) с опред(еленным) действ(ием) грамMAT(ическим) и были уже видов(ые) суфф(иксы)» [там же].

Фраза «*Natenkat ira tāmnenkal'mьsə qənnəttət aj natenkap sokal' ijanьsə mättə koptoqyt to (čattəny) čattəttət*. Девки муж с лягушками пошли, снова девку с “сучкиным сыном” чума на месте бросил» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 41] прокомментирована Л. А. Варковицкой [там же: 41a]. На полях тетради она обращает внимание на «множественное число после совместного»: *tāmnenkal'mьsə qənnəttət*; здесь же указывается на возможное смешение одушевленного существительного с неодушевленным [там же: 41a].

При переводе предложений на русский язык у Л. А. Варковицкой нередко возникают сомнения и другого рода: так, фраза *Soka ija nil'čik kəttəny* переводится как «Сучкин сын так сказал» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 42], однако, по словам исследовательницы, «*soka* — в именительном падеже и не оформлено как прилагательное» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 42a]. Сомнения подобного рода встречаются часто.

Для селькупского языка (как и других самодийских) характерно употребление **предикативной формы существительного**, о чем можно судить и по следующему примеру: «*Tat iral' qumənty (quməntəntə), atol kətət*. Ты старый человек есть (буквально “ты человекаешь”), слово твое скажи» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 47]. Выделенное слово представляет собой предикативную форму существительного *qum* ‘человек’ (во втором лице единственного числа), что нечасто встречается в настоящее время [ОчСЯ 1980: 189—190].

Л. А. Варковицкая обращает внимание и на **глагольные категории**. В частности, она нередко указывает на проблемы, связанные с видом, и приводит много примеров с глаголами совершенного вида: *nьleqo* ‘встать’, *čelčelolko* ‘затоптать’, *čəqolqo* ‘воткнуть’, *riqo* ‘переплыть’ и т. д. [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 43—44]; в связи с этим отмечается, что «информанты упорно не дают инфинитива несов(ершенного) вида, определенно становится временем» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 44a]. Впрочем, на других страницах находится немало примеров, опровергающих это замечание: *tiqutruqo* ‘скрипеть’, *tutəqo* ‘жевать’, *lapьtrəqo* ‘трепетать, биться’.

Синтаксис селькупской устной речи с фиксированным **порядком слов** во времена Г. Н. Прокофьева претерпел значительные изменения к периоду работы Л. А. Варковицкой. Это хорошо заметно по многим текстам в полевых тетрадях Л. А. Варковицкой, где то и дело встречаются примеры с перестановкой слов, затрудняющей перевод и понимание фраз. «*Nьнь ija nil'čik kəttəny*: “Mat kuššat čelьntəqək tāmnenka mašip kuraltəlxossarə'l pərentə čattəsa, xəxəp nьнь konnə šip isa”. Потом парень так сказал: “Моего когда рождения во время лягушка меня, унеся в мамонтов плес, бросила, мать моя потом на берег меня взяла» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 47—48]. В маргиналии Л. А. Варковицкая дает примечание к подчеркнутой фразе: «Интересно это разделение *mat* и *čelьntə* словом *kuššat*» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 47a].

Л. А. Варковицкая также отмечает на полях тетради, что нередко носители языка передают лишь смысл фразы, «отдельные же слова (подчеркнутые) объяснить не могут»: «*Mat tāmnenkal' xəttəntə nunit nāšša pal'qasə šьp apьtəka. Ontə nunit čəntoqəl qəl lakap amqəlel'čəmpat*. Моя лягушечья невестка-моя налимым тогда хвостом меня кормила. Сама налима на середине находящийся рыбы кусок кушает». Построение фраз и порядок слов здесь нетривиальны. Перевод на русский язык был бы более понятным при слегка измененном порядке слов: «сама же (невестка) находящийся на середине рыбы кусок кушает» / «сама же... кушает кусок, находящийся на середине»... Или предшествующая фраза: «тогда налимым хвостом меня кормила». Однако в большинстве приводимых примеров зафиксирован принципиально иной порядок слов, чем в русском языке, что свидетельствует о хорошей сохранности родного языка информантов-селькупов в период работы Л. А. Варковицкой.

Наибольшую ценность в маргиналиях рассматриваемых архивных материалов представляют собой лексические и грамматические (в том числе синтаксические) примеры. Часто Л. А. Варковицкая отмечает и особенности фонетического характера; нередко именно фонетические разночтения вызывают сильное желание понять, чем их можно объяснить.

Фонетические маргиналии не сразу бросаются в глаза человеку, читающему записи Л. А. Варковицкой. Редко обращает на них внимание и сам автор; например, в «Русской сказке» (такое название да-

но тексту, записанному от С. П. Кусамина) наблюдаются сомнения самой исследовательницы по поводу того, как записать услышанное: «*Ira nil'čik kətt̄t̄t̄: "Mat qata qumt̄æk t̄ maiḡæk (mat niq̄æk) šəq̄əŋ̄əlyt̄!"* Старик так сказал: "Я если умру, вы на мне заночуйте!"» [Варковицкая Архив, тетрадь 6: 8]. На полях тетради появляется запись: «*mat (n)iq̄æk* — на мне, интересно это второе п, очень часто говорят» [там же: 8]. Внизу той же страницы встречается фраза *Mat ašša (Mat našša) k̄kak* «Я не хочу», а вслед за ней: «*Mat našša* и подобные штучки довольно часты, я до сих пор не отмечала» [там же: 8].

«Подобных штучек», как их назвала Л. А. Варковицкая, при внимательном чтении обнаруживается немало, причем нередко они остаются без ответа. Так, в той же шестой тетради встречается фраза: «Моей груди конец (сосок) вытерев, сына кормила (я)», где слову *сына* соответствует *ijamk̄æ* [Варковицкая Архив, тетрадь 6: 6]. На полях тетради появляется вопрос автора: «Что это за *k̄æ*?»; рядом дано задание самой себе: «Сочетание *k̄æ* и видов(ых) показат(елей) посм(отреть) в тетр(ади) № 6» [там же: 6]. Ответ можно найти в [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 86а]: «*ke* — частица ведь». Иными словами, в записях Л. А. Варковицкой возможны (и достаточно часты) изменения в написании и значении одного и того же слова, что можно объяснять по-разному. В любом языке существуют фонетические разночтения, что может зависеть как от особенностей говора или возраста говорящего, так и от диалекта (см. выше примеры в разделе 3). Изменения в написании и значении одного и того же слова можно видеть на примере упоминаемых слов *k̄æ / ke* или глагола *k̄əmyl̄bo*.

Как было показано на ряде примеров, для имен характерно смешение форм существительных и прилагательных, а также одушевленных и неодушевленных существительных. Нередки случаи отсутствия форм двойственного числа. Иногда перестановки слов и их произвольный порядок, часто встречающиеся в текстах информантов, затрудняют понимание смысла. Обращает на себя внимание наличие предикативных форм существительных, а также омонимия слов и суффиксов. Несколько в меньшей мере фиксируются синтаксические изменения. При этом следует помнить, что в последнее время количество говорящих на селькупском языке все уменьшается.

Частые сравнения, предположения и сомнения, высказываемые Л. А. Варковицкой, свидетельствуют об огромной ответственности, которую она ощущала за проделанную работу, сохранившую свою значимость до настоящего времени.

Сокращения

букв. — буквально

др.-греч. — древнегреческий язык

ср. — сравните

Литература

Варковицкая 1947 — Варковицкая Л. А. Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1947 (рукопись).

Варковицкая 1951 — Варковицкая Л. А. Русско-селькупский словарь Афанасия Григорьевича Сайготина: Более 900 слов. Фарково, 1951 (рукопись, 26 л.).

Варковицкая Архив — Варковицкая Л. А. Архивные рукописи (11 тетрадей): Полевые материалы 1940—1941 гг.

Варковицкая Красноселькуп 1951 — Варковицкая Л. А. Селькупский фольклор. Красноселькуп, сентябрь 1951 г. (рукопись).

Жулев 1934 — Жулев П. Н. Тоq̄l̄t̄p̄t̄æt̄ c̄ā̄t̄ toq̄l̄t̄p̄t̄s̄ā̄t̄ȳl' n̄ə̄k̄ȳl̄ laka (posukol' pelækt̄ȳ). Книга для чтения на селькупском языке: первый год обучения / Пер. на сельк. Прокофьева Е. Д. Л., 1934.

Ириков 1988 — Ириков С. И. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский: Около 4000 слов. Пособие для учащихся начальной школы. Л., 1988.

Казакевич 2008/2009 — Казакевич О. А. Архив Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых: Самодийские языковые материалы // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Bd. 32/33. Hamburg, 2008/2009. S. 256—278.

Казакевич, Будянская 2010 — Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / Под ред. Казакевич О. А. Екатеринбург, 2010.

Крикман 1995 — Крикман А. Паремииологические эксперименты Г. Л. Пермякова // Малые формы фольклора. Сборник памяти Г. Л. Пермякова. М., 1995. С. 338—382.

Кузнецова 1976 — Кузнецова А. И. Календарные названия в самодийских языках // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 45—49.

Кузнецова 2007 — Кузнецова А. И. Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий: Социолингвистическая ситуация и языковые изменения. Воронеж, 2007.

- Кузнецова 2008/2009 — *Кузнецова А. И.* О чем могут рассказать маргиналии в полевых тетрадах Л. А. Варковицкой // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Bd. 32/33. Hamburg, 2008/2009. S. 363—373.
- Кузнецова, Хелимский 1989 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А.* Селькупские материалы в рукописном наследии Л. А. Варковицкой // *Советское финно-угроведение*, XXV. № 1. Таллинн, 1989. С. 51—53.
- Мифология селькупов 2004 — *Энциклопедия уральских мифологий*. Т. 4. Мифология селькупов / Сост. *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Тучкова Н. А., Ким-Мелони А. А., Глушков С. В., Байдак А. В.* Томск, 2004.
- ОчСЯ 1980 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Казакевич О. А., Грушикина Е. В.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980.
- ОчСЯ 1993 — *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 2. Учебное пособие. М., 1993.
- ОчСЯ 2002 — *Казакевич О. А., Кузнецова А. И., Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 3. Русско-селькупский словарь. М., 2002.
- Пермяков 1978 — *Пермяков Г. Л.* О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений // *Паремиологический сборник: Пословица, загадка (структура, смысл, текст)*. М., 1978. С. 105—135.
- Прокофьева 1935 — *Прокофьева Е. Д.* Тоq̄l̄t̄p̄t̄æt̄ c̄ā̄t̄ tantalt̄p̄s̄ā̄t̄l̄ laka (П релæкть). Учебник для второго класса начальной школы на селькупском языке. М.—Л., 1935.
- Селькупский язык 2002 — *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Грушикина Е. В., Хелимский Е. А.* Селькупский язык. Учебное пособие для педагогических колледжей и высших учебных заведений. СПб., 2002.
- Тучкова, Хелимский 2010 — *Тучкова Н. А., Хелимский Е. А.* О материалах А. И. Кузьминой по селькупскому языку. Hamburg, 2010.
- Selkup Mythology 2010 — *Encyclopaedia of Uralic Mythologies*. Vol. 4. Selkup Mythology / *Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Tuchkova N. A., Kim-Malony A. A., Glushkov S. V., Bajdak A. V.* Budapest—Helsinki, 2010.

Исторический казус: сколько Григоровских — один или два?

Изучение любого языка позволяет не только проследить его изменения в истории, но и выработать новые методы лингвистического анализа. Изменения в селькупском языке и методах его изучения можно наблюдать в течение нескольких веков. По словам Е. А. Хелимского, «диалектная дифференциация внутри селькупского языка имеет многовековую давность: так, отличительные признаки центрального диалекта четко прослеживаются уже в первом памятнике селькупского языка — переводе “Отче наш”, записанном около середины XVII в. и опубликованном Н. Витсенем (1641—1717)» [Helimski 1983: 357]. Книга Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария» и составленная им карта Тартарии (Сибири) впервые в Западной Европе смогла «дать достаточно достоверное представление об огромном Российском государстве XVII в.» [Витсен 1996: 8].

В полной мере язык северных селькупов попал в поле зрения исследователей лишь в XVIII в., когда на селькупов обратили внимание Герард Фридрих Миллер, Петер Симон Паллас, Филипп Иоганн фон Страленберг, Даниэль Готлиб Мессершмидт и др. В 1736—1742 гг. Г. Ф. Миллер предпринял две экспедиции на Камчатку, результатом которых стали «Известия о Якутах и их Шаманях; о Юкагирах, Остяках, Тунгузах, Самоедах, Камасинцах, Тайгинцах, Татарях и обь обычаях разных сих народов» [Helimski, Katz 2003: 11]. Среди перечисленных народов под «самоедами» имеются в виду селькупы, называвшиеся ранее «остяками-самоедами».

М. А. Кастрен, предприняв свое «Путешествие в Сибирь» (1845—1849 гг.), подробно описал среди других «самоедских языков» язык «остяко-самоедов» (селькупов) [Кастрен 1999]. А в начале XX в. (1911—1913, 1914 гг.) экспедицию к «самоедам Сибири» осуществил финн Кай Доннер, он побывал у селькупов Туруханска и Таза [Доннер 2008].

Селькупским языком интересовались не только иностранцы, но и русские исследователи. Уже в конце XIX в. предпринимались первые попытки создать письменный селькупский язык на основе южного диалекта. В 1879 г. миссионер **Николай Петрович Григоровский** (1830—1883/4), ориентируясь на тазовский диалект селькупского языка, начал выпускать учебную литературу для остяко-самоедов: им была составлена «Азбука сюссогой гулани» (50 л.) для инородцев Нарымского края [Азбука 1879] (см. также ее переиздание в [Најдú 1973]). В этой книге было помещено несколько «брошюр» (как называет тексты сам автор) на русском языке, представляющих собой почти буквальный инородческий («остяко-самоедский», по словам Н. П. Григоровского) перевод, что очень важно «для понимания инородцев». Примечание автора кончается словами: «...при чтении русского текста прошу от читателя снисхождения к неровности языка, так как она вполне окупается инородческим текстом, для которых собственно и написаны и издаются книги» [Азбука 1879: 50]. Среди напечатанных текстов (молитвы; десять заповедей, которые Бог дал Моисею на горе Синай; счет; текст о том, «как надобно жить по-христиански» и т. д.) представлены и «остяцкие сказки» с переводом на русский язык: «Итя», «Золотой бобер», «Лисица и журавль» и др. (см. переиздание сказок в [Katz 1987]). В том же году Н. П. Григоровский написал «Объяснение праздников Св. Церкви для инородцев Нарымского Края» (34 с.) [Григоровский 1879].

В 1983 г., спустя сто лет после смерти Н. П. Григоровского, Е. А. Хелимский опубликовал книгу «The Language of the first Selkup books» [Helimski 1983], посвященную жизни и деятельности этого миссионера и исследователя. Именно в Нарымском крае произошло первое знакомство Н. П. Григоровского с селькупским языком: в 1868 г. (по другой версии — в 1867 г.) он приехал туда в ссылку (по иной формулировке, «ссылным лесничим Воткинского завода»), а в 1873 г. стал домашним учителем в селькупской семье, жившей в Костенкиных юртах. При составлении словаря селькупского языка Н. П. Григоровскому пришлось выучить этот язык, который пригодился ему и после переезда в с. Новоильинское в 1874 г. Словарь был издан ¹.

¹ К числу ранних северно-селькупских словарей относится также словарь Федора Гавриловича Мальцева (1903 г.) [Helimski, Kahrs 2001]. В нем содержится 1693 слова, сгруппированных тематически: названия деревьев, металлов, рыб, птиц, зверей. Также рядом могут помещаться названия разных предметов: так, соседствуют ‘котел’, ‘чайник’, ‘мухомор’, ‘грибы’, ‘веревка’ и т. д., а после следует раздел «Принадлежности к оленьей санке, или упряжь для оленя». Кроме того, выделены разделы «Члены человека» (№ 354—597) и «Принадлежности шамана» (№ 598—1693), однако в них приводятся слова различных смысловых групп и частей речи.

В предисловии Е. А. Хелимского к изданному в 2007 г. «Южноселькупскому словарю Н. П. Григоровского» говорится, что из источников (к сожалению, не ясно каких) известно следующее: «Григоровский (...) в 1879 г. передал в Западно-Сибирский отдел Русского географического общества (Омск) предназначенный для публикации “Остяцко-самоедский словарь”. Однако его издание осуществлено не было, а поиски рукописи или ее следов (...) результатов не дали — этот источник казался безнадежно утраченным» [Хелимский 2007: 3]. Далее сообщается, что рукопись словаря была найдена в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского при Казанском государственном университете; данный источник отличался (к счастью, в лучшую сторону) от омских рукописей, которые тогда так и не удалось найти. Впрочем, после смерти Н. П. Григоровского рукопись словаря оказалась в Сибирском университете в Томске (возможно, вместе с переданной в Томск библиотекой В. М. Флоринского). Казалось бы, все ясно: в руках лингвистов — рукопись Николая Петровича Григоровского на селькупском языке.

Однако в энциклопедическом словаре [Брокгауз, Ефрон 1894] находим статью: «**Григоровский П. Г.** — миссионер среди остяковъ. Братство св. Гурія вызвало Г. (Григоровского) въ Казань и поручило ему переводъ св. Писанія на остяцкій язык, которымъ он занимался до 1882 г., когда зап.-сиб. отд. Импер. геогр. общ. (Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества²) командировалъ его в Васьюганскій край. Ум. (умер) в 1884 г. в Томской губ. Кроме переводовъ духовного содержания на остяцкій яз. (язык), напеч. (напечатал) “Крестьяне-старожилы Нарымского края” и “Очерки Нарымского края” (“Зап. сиб. отд. Импер. геогр. общ.” “Записки Западно-Сибирского отдела Императорского РГО”), кн. I и IV» [Брокгауз, Ефрон 1894, 18: 720].

В предисловии к «Южноселькупскому словарю Н. П. Григоровского» Е. А. Хелимский пишет, что «словарь под шифром 6.413 стоял в разделе материалов по “хантайскому” (т. е. хантыйскому) языку» [Хелимский 2007: 3]. Вместе с тем, дело не только и не столько в данной ошибке, сравнительно быстро обнаруженной и благополучно разрешенной, сколько в большом количестве разных сведений об авторе словаря.

К сожалению, Е. А. Хелимский, видимо, не заглядывал в словарь [Брокгауз, Ефрон 1894], и его не могли удивить совпадения: во-первых, оба Григоровских (П. Г. и Н. П.) жили практически в одно и то же время (даты их жизни и смерти различаются на один год); во-вторых, оба занимались переводом Писания на остяцкий язык в Томской губернии; в-третьих, и тот, и другой интересовались не только духовными текстами, но и словарными материалами, сказками и другими письменными источниками.

В [Брокгауз, Ефрон 1894, 18: 720] говорится, что в «Записках» Западно-Сибирского отдела Императорского РГО [Записки 1882] опубликованы работы «Крестьяне-старожилы Нарымского края» и «Очерки Нарымского края», куда входит и очерк Н. П. Григоровского «Ворожба», повторно вышедший в 1996 г. в сборнике «Земля Каргасокская» [Григоровский 1996]. В комментариях к этому очерку В. М. Кулемзин сообщает, что Н. П. Григоровский был нарымским священником, проявлявшим «здоровый интерес к различным способам ворожбы остяков (хантов) и остяко-самоедов (селькупов)» [Кулемзин 1996: 48]. В. М. Кулемзин также обратил внимание на более быстрое исчезновение многих способов ворожбы в селькупской среде по сравнению с хантыйской и объяснил это «более интенсивным процессом обрусения селькупов, хозяйственного, а затем и промышленного освоения их территории» [Кулемзин 1996: 49].

Таким образом, не исключено, что Н. П. Григоровский и П. Г. Григоровский — одно и то же лицо, а в словаре [Брокгауз, Ефрон 1894] допущена опечатка; тем не менее, сомнения и неуверенность остаются. В «Записках» Западно-Сибирского отдела Императорского РГО (1879—1884 гг.) Н. П. Григоровский упоминается как член и активный участник многих этнологических проектов. Его статья о русском крестьянстве в Нарымском регионе получила Серебряную медаль РГО [Helimski 1983: 10—11]. В 1882 г. была организована экспедиция в Васюганскую тундру, отчет о которой был опубликован лишь в 1884 г.; в нем была сообщена и дата смерти Н. П. Григоровского (25 апреля 1883 г.). Данные сведения плохо соотносятся с версией о «ссылном лесничем Воткинского завода» и (или) человеке, исполняющем (одновременно) обязанности нарымского священника.

Несмотря на существование приведенных выше противоречивых сведений о Н. П. Григоровском, стало возможным добраться до истинного (или, по крайней мере, понятного) положения вещей благодаря публикации архимандрита Мелетия в «Прибавлениях к Иркутским епархиальным ведомостям» (в № 3 от 1 января 1876 г.), где речь идет о предполагаемых переводах Св. Писания на «остяцкий язык», под которым имеется в виду селькупский [Helimski 1983: 253—255]. Оказалось, что Григоровский был «бывшим чиновником (ср. версию о ссылном лесничем или о нарымском священнике), пересланным из Воткинского завода (Вятской губернии) в бедный Нарымский край» [Helimski 1983: 253], куда он при-

² Далее — РГО.

был в 1868 г., а в 1873 г. начал изучать и преподавать селькупский язык «в остяцких юртах Костенкины Чаинской инородной волости». В 1874 г. Григоровский переехал в с. Новоильинское, откуда, по словам архимандрита Мелетия (8 января 1876 г.), собирался «отправиться в г. Томск, дабы ходатайствовать у епархиального и светского начальства о напечатании его переводов, на первый раз до 300 экземпляров» [Helimski 1983: 255].

О перипетиях, связанных с утратой и нахождением рукописи, а также сомнениями в ее подлинности и, наконец, с ее публикацией, можно еще спорить и выдвигать новые версии. Однако, в целом, история публикации и идентификации ее автора, имеющая более чем 110-летнюю давность, может, видимо, считаться завершенной. Впрочем, в указателе *Bibliographia Selkupica*, составленном Н. А. Тучковой [Тучкова 2006], можно найти еще несколько работ Н. П. Григоровского, которые не были упомянуты в данной статье.

Литература

- Азбука 1879 — Григоровский Н. П. Азбука сюссогой гулани для инородцев Нарымского края. Казань, 1879.
 Брокгауз, Ефрон 1894 — Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 18. СПб., 1894.
 Витсен 1996 — Витсен Н. Путешествие в Московию (1664—1665): Дневник. СПб., 1996.
 Григоровский 1879 — Григоровский Н. П. Объяснение праздников Св. Церкви для инородцев Нарымского Края. Казань, 1879.
 Григоровский 1996 — Григоровский Н. П. Ворожба // Земля Каргасокская. Сборник научно-популярных очерков / Отв. ред. Яковлев Я. А. Томск, 1996. С. 40—48.
 Доннер 2008 — Доннер К. У самоедов в Сибири / Пер. с нем. Байдак А. В. Томск, 2008.
 Записки 1882 — Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 4. Омск, 1882.
 Кастрен 1999 — Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь. Т. 2. 1845—1849. Тюмень, 1999.
 Кулемзин 1996 — Кулемзин В. М. Комментарий к очерку Н. П. Григоровского «Ворожба» // Земля Каргасокская. Сборник научно-популярных очерков / Отв. ред. Яковлев Я. А. Томск, 1996. С. 48—49.
 Тучкова 2006 — Тучкова Н. А. *Bibliographia Selkupica*: Библиографический указатель по истории, культуре и языку селькупов. Томск, 2006.
 Хелимский 2007 — Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского / Обработ. и изд. Хелимский Е. А. Hamburg, 2007. (HSFUM. 2007, 4.)
 Hajdú 1973 — Hajdú P. Die erste sölkupische Fibel aus dem Jahre 1879. Szeged, 1973. (Studia Uralo-Altaica. 1973, 2.)
 Helimski 1983 — Helimski E. The Language of the First Selkup Books. Szeged, 1983. (Studia Uralo-altaica. 1983, 22.)
 Helimski, Kahrs 2001 — Helimski E., Kahrs U. Nordselkupisches Wörterbuch von F. G. Mal'cev (1903). Hamburg, 2001.
 Helimski, Katz 2003 — Helimski E., Katz H. Mueller G. F. Nachrichten über Völker Sibiriens (1736—1742). Hamburg, 2003. (HSFM. Bd. 2.)
 Katz 1987 — Katz H. Selcupica IV. Die Märchen in Grigorovskis Azbuka: Transkription, Übersetzung, Kommentar. München, 1987. (Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München. Serie C. München. Bd. 20. München, 1987.)

Галине Федоровне Благовой — 85 лет

В одном из определений научная школа называется «воспитательным органом» для входящих в нее молодых ученых, при этом старшие опытные сотрудники выступают в роли учителей. Такой «воспитательный орган» в российской тюркологии сложился в 40-е гг. прошлого века и в Московском государственном университете, и в Институте языкознания АН. Основателем и главным идеологом московской тюркологической научной школы стал выдающийся тюрколог Н. К. Дмитриев, разносторонний ученый и талантливый организатор науки. Научную и не менее важную — человеческую школу у Н. К. Дмитриева прошли десятки тюркологов, составивших цвет отечественной тюркологии, костяк академических научных кадров и профессоров ведущих вузов страны.

Галина Федоровна Благова, будучи одним из представителей этой школы, до сих пор безмерно благодарна своему учителю, который «щедро дарил своим ученикам Восток». Выпускница кафедры тюркской филологии восточного отделения филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (1950 года выпуска), Г. Ф. Благова вот уже более 60 лет верно служит тюркологии, обогащая ее своими научными трудами самой разнообразной тематики. Однако нельзя не заметить, что каждая ее новая работа проникнута идеями, истоки которых восходят к замыслам ее ближайшего учителя — Н. К. Дмитриева — и его последователей.

Галина Федоровна Благова (Данько) родилась в Москве 31 августа 1927 г. в семье рабочего («производственника-рационализатора», как говорит сама Г. Ф. Благова). В 1942 г. она экстерном закончила неполную среднюю школу, а в 1945 г. завершила среднее образование в Московском авиамоторостроительном техникуме и стала студенткой восточного отделения филфака МГУ по специальности «Тюркская филология».

Поначалу Г. Ф. Благова колебалась в своем решении, куда поступать: на филологический или на исторический факультет. Сомнения прекратились после того, как она побывала, будучи абитуриенткой, на выступлении преподавателя филфака Николая Ивановича Либана — известного литературоведа, специалиста по русской литературе. Тогда было решено поступать на филологический. Встал вопрос, на какое отделение пойти, какую специальность выбрать. Встреча с Алексеем Аркадьевичем Стариковым, заведующим восточным отделением филологического факультета МГУ, не оставила никаких сомнений: «В русистике все изучено. В этой области столько блестящих умов трудилось, столько работ написано,

что перечитать их все — студенческих лет не хватит. В тюркологии же огромное поле деятельности открывается перед молодым исследователем». Так определился выбор специальности.

Уже в студенческие (а потом и аспирантские) годы Г. Ф. Благова проявляла особый интерес к истории тюркских литературных языков Центральной и Средней Азии и исторической грамматике тюркских языков. Преданность идеям востоковедения и основы научного подхода к изучению тюркских и других восточных языков закладывали преподаватели кафедры тюркской филологии — известные тюркологи Н. К. Дмитриев, В. М. Насилов, Э. Н. Наджип и Э. В. Севортян, иранист А. А. Стариков и арабист Б. М. Гранде. На филологическом факультете МГУ, где тогда были сосредоточены ярчайшие умы отечественной филологии, царил особая научная атмосфера.

Возникший в студенческие годы интерес Г. Ф. Благовой к изучению тюркских языков усиливался не только благодаря лекциям и семинарам. В 1948 г., после окончания второго курса, Галина Федоровна стала участницей студенческой экспедиции в Ташкент и Самарканд, организованной Э. Н. Наджипом (денежные средства на проезд студентов предоставил Н. К. Дмитриев). В этой поездке Г. Ф. Благова познакомилась с Эльвирой Александровной Груниной.

Позже, уже будучи аспиранткой, Галина Федоровна еще раз побывала в Ташкенте — она отправилась туда для работы с памятниками, находящимися в хранилище рукописей при Институте востоковедения. Там ей посчастливилось встретиться с учеником В. В. Радлова — известным тюркологом Сергеем Ефимовичем Маловым.

В университете под научным руководством В. М. Насилова Г. Ф. Благова написала курсовую работу «Стилистические особенности романа Айбека “Навои”». Он же предложил и тему дипломной работы с названием, открывающим широкие перспективы для исследования, — «Язык “Бабур-наме”». Сам Н. К. Дмитриев выразил желание быть оппонентом на защите дипломной работы; это была большая честь для дипломницы, и ее надо было оправдать.

В 1950 г. Г. Ф. Благова стала аспирантом филологического факультета МГУ и, следуя совету В. М. Насилова, продолжила изучение главнейшего труда императора Бабур, классика средневековой тюркской литературы, — его мемуаров «Бабур-наме». Работа над этим произведением ознаменовала возврат к надолго прерванной традиции изучения этого памятника (восходящей к публикации Н. И. Ильминским текста «Бабур-наме» по Керовскому списку в 1857 г., к сверке последнего А. Н. Самойловичем и факсимильного издания А. С. Беверидж).

В 1954 г. Галина Федоровна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Характеристика грамматического строя (морфологии) староузбекского литературного языка конца XV в. по “Бабур-наме”» [Благова 1954]. Оппонентами были Н. К. Дмитриев и Э. В. Севортян, в дискуссии участвовал член университетского спецсовета Н. И. Конрад. Н. К. Дмитриев дал работе положительную оценку, сказав, что тема одной только вступительной главы, посвященной истории изучения памятника, могла бы стать темой кандидатской диссертации.

Любовь к замечательному памятнику языка и литературы «Бабур-наме» проходит через всю научную жизнь Г. Ф. Благовой, не раз обращавшейся к описанию разных аспектов этого уникального тюркского текста [Благова 1966, 1989]. В 1994 г. вышла ее книга «“Бабур-наме”: Язык. Прагматика текста. Стилль» [Благова 1994], подводящая итоги 40-летнего изучения памятника и демонстрирующая возможность и продуктивность приложения к средневековому тексту новейших достижений современного языкознания и лингвистилистики.

Методологическую основу целостного описания языка памятника составили подход к литературному тексту как к речевому произведению и привлечение комплекса приемов для изучения внутриязыковой и внеязыковой специфики средневекового текста. Император Бабур точно уловил социо-историческую ситуацию в регионе, где он формировался как правитель и основатель новой державы (т. е. правильно наметил «социальный заказ» своего произведения), и, что самое главное, нашел адекватные изобразительные средства для его воплощения, в чем ему, безусловно, помог талант поэта-лирика, писателя и ученого-историка.

В исследовании [Благова 1994] автором также были реализованы многие идеи акад. В. В. Виноградова относительно изучения истории литературного языка, в частности учет многоступенчатости в корреляции «язык литературно-художественного произведения — язык писателя — язык художественной литературы». Используя эффективную методику работы с текстом памятника, Г. Ф. Благова представила в своем исследовании развернутую картину лингвистилистического и формально-грамматического состояния чагатайского литературного языка рубежа XV—XVI вв. и очертила место создателя «Бабур-наме» как отдельной языковой личности во всех ее проявлениях в рамках существовавшей в то время языковой системы. И в таком смысле этот труд Галины Федоровны может быть назван «филологической энциклопедией “Бабур-наме”».

Более 20 лет Г. Ф. Благова отдала редакторской деятельности, работая заведующей Отделом языков и письменности народов СССР в академическом журнале «Вопросы языкознания» (1955—74 гг.), из них почти 14 лет — под руководством главного редактора акад. В. В. Виноградова и ответственного секретаря редколлегии Н. И. Толстого. Казалось бы, столько лет рутинных занятий в журнале могли погасить все порывы начинающего ученого, но только не у тюрколога-выпускника Дмитриевской кафедры. Наоборот, работа в ведущем филологическом журнале приучила Г. Ф. Благову быть в курсе актуальных лингвистических идей и творчески их воспринимать. Стоит посмотреть на списки используемой научной литературы в трудах Галины Федоровны или вчитаться в тексты ее работ, которые насыщены цитатами из статей современных языковедов или отсылками на их работы, как понимаешь, какой объем научной литературы был предварительно осмыслен исследователем и как критически эта литература используется в творческой палитре ученого.

В конце 1974 г. Г. Ф. Благова перешла в Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН и включилась в работу над фундаментальными научными темами — «Сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков» [СИГТЯ] и «Этимологическим словарем тюркских языков» [ЭСТЯ]. Она приняла участие в четырех томах [СИГТЯ], в каждом из которых ей принадлежат значительные разделы.

В морфологическом томе [СИГТЯ 1988] Г. Ф. Благова написала разделы «Категория падежа» [СИГТЯ 1988: 28—136] и «Склонение личных и указательных местоимений» [СИГТЯ 1988: 210—255]. В первом из них она выдвинула нашедший в дальнейшем свое подтверждение в исторической морфологии тюркских языков важный тезис о том, что в судьбе тюркского склонения сыграло исключительную роль взаимодействие категорий принадлежности и падежа, определившее сложение трех типов тюркского склонения. Причем в ходе преобразований межпарадигменных соотношений местоименная парадигма представляла как важнейшая, ключевая область тюркского склонения: именно из местоименной парадигмы чаще всего исходили импульсы, в конечном счете преобразовывавшие именную и посессивно-именную парадигмы по образцу местоименной. На большом репрезентативном материале Г. Ф. Благова показала пути исторической дифференциации именной и посессивно-именной парадигм в системе тюркского склонения и динамику соответствующих морфонологических процессов; соотношение этих парадигм склонения исследовательница положила в основу классификации типов тюркского склонения.

В томе «Региональные реконструкции» [СИГТЯ 2002] Галина Федоровна разработала раздел, который посвящен реконструкции именной морфологической системы карлукско-уйгурской группы языков и охватывает имена существительные, прилагательные, числительные и местоимения, а также служебные части речи [СИГТЯ 2002: 419—475].

В лексическом томе [СИГТЯ 1997] перу Г. Ф. Благовой принадлежит глава «Антропонимия» [СИГТЯ 1997: 419—475], включающая в себя существительные, прилагательные, числительные и глаголы. К этой теме исследовательница двигалась постепенно, дав сначала подробный обзор изучения тюркских имен в России [Благова 1998а] и создав типологию раннетюркских антропонимов [Благова 1998б]. Верная системному подходу к анализу языкового материала, Галина Федоровна стремилась показать, что реконструируемая пратюркская антропонимия предстает не как некое мозаичное собрание разрозненных личных имен, но как строго структурированная система с «отлаженным» семантическим «костяком» — семантической подсистемой, в которой нет места так называемым «случайным» именованиям и в которой даже кажущимся «случайными» именованиям находится место. Именно в таком ракурсе антропонимическая система представляет интерес для изучения истории общественного строя тюрков — как культурологическое наследие, в котором закрепляются в отдельных личных именах обычаи, поверья и привычки народа, вследствие чего семантическая подсистема пратюркского антропонимикона и сохраняется до наших дней.

Дальнейшее развитие антропонимической темы нашло свое отражение в следующем томе [СИГТЯ 2006] — «Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка», где Г. Ф. Благова предложила реконструкцию пратюркской антропонимической системы, в которой сохранились космологические и социальные представления пратюрков, для чего широко привлекла фольклорные, мифологические и другие культурные контексты в соединении с лингвистическим комментарием. Одной из задач предпринятого исследования явилось также проведение типологических сопоставлений древнего тюркского антропонимикона с материалами не только алтайских, но уральских и палеоазиатских языков [СИГТЯ 1997: 702—723], даже шире — с моделями номинации в индоевропейских языках [СИГТЯ 1997: 751—765]. Цель таких сопоставлений — продемонстрировать специфику картины мира пратюркского этноса, в антропонимии, обрядах и обычаях имянаречения которого ярко проявляются этнические стереотипы мышления и поведения. Так, Галине Федоровне удалось выявить, например, мифолого-ассоциативный блок непогоды и показать репрезентативное отражение металлов (железа, золота, серебра) в пратюркской системе имен, а также возрастного символизма и стадий («младенчество — молодость») — в переходной обрядности тюрков.

Г. Ф. Благова и М. А. Бородина.

Таким образом, в этом разделе коллективной монографии Г. Ф. Благова доказательно восстановила определенные фрагменты пратюркской мифологической картины мира, питающей систему архаических ценностных ориентаций, которые проецируются и на поведение современных представителей этноса. В своем становлении большое число тюркских личных имен связано с метафоризацией, причем разного уровня; с точки зрения автора, их три: первичная, вторичная и двухступенчатая метафоризация. Избранные Галиной Федоровной методы комплексного этнолингвистического и типолого-сопоставительного подхода позволили ей эффективно решить поставленные задачи.

Вообще, работа с разными аспектами изучения фольклорных текстов занимает в творческой биографии Г. Ф. Благовой особое место. Здесь нельзя не вспомнить ее книгу «Пословица и жизнь» [Благова 2000a], в которой исследовательница обнародовала и описала личный пословичный фонд своей матери — Антонины Семеновны Данько-Самойловой (1905—1978). По словам В. А. Виноградова, «тем ценнее представленные в книге наблюдения автора над тем, как живут в *живом речевом времени* сменяющихся поколений известные, зафиксированные в словарях и сборниках русские пословицы» (из письменного отзыва).

Г. Ф. Благова активно участвовала и в другой фундаментальной коллективной работе — «Этимологическом словаре тюркских языков»: и как собиратель словарного материала, и как автор-составитель, и как редактор двух полутомов — [ЭСТЯ 1997] и [ЭСТЯ 2000]. В томе [ЭСТЯ 2003] ею разработано около 30 словарных статей на букву «С».

Упомянем также об участии Г. Ф. Благовой в коллективной институтской работе «Языки мира: Тюркские языки» [Языки мира 1997]; в разделе «Древние и старые письменные языки» ею написана статья «Чагатайский язык» [Языки мира 1997: 148—159] и в соавторстве с Э. Н. Наджипом — «Мамлюкско-кыпчакский язык» [Языки мира 1997: 75—81] и «Тюрки язык» [Языки мира 1997: 126—138].

В 1982 г. вышла в свет основополагающая монография Г. Ф. Благовой «Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион)» [Благова 1982], которая в том же году была представлена как докторская диссертация. Появление этого труда ознаменовало утверждение нового направления в системном изучении конкретных категорий языка (включая диалекты) в их исторической (на материале письменных памятников) и пространственной интерпретации.

В центре работы оказалась тюркская падежная система, которая рассмотрена с позиций системного и ареального подходов, что обеспечило многоаспектность проведенного исследования. Системный подход позволил автору выделить внутриязыковые и межъязыковые классифицирующие признаки тюркского склонения, характеризующие структурные разновидности падежных парадигм, члены которых связаны между собой индивидуализированной сетью соотношений, специфичных для каждого тюркского языка на определенном этапе его исторического развития. Ареальное исследование тюркского склонения не только помогло автору решить собственно лингвистические проблемы исторического взаимодействия тюркских языков и диалектов юго-восточного региона, но и позволило уточнить закономерности пространственного распределения падежных форм и более четко определить границы ареалов.

В разработке этого направления тюркологии неоценимую помощь в теоретическом и методологическом плане Г. Ф. Благовой оказала Мелитина Александровна Бородина, широко практиковавшая картографирование языковых явлений ретороманских диалектов Швейцарии и на этом материале успешно

разрабатывавшая теоретические положения и понятийный аппарат ареальной лингвистики; по настоянию А. Н. Кононова она была утверждена консультантом по картографированию составлявшегося в те годы «Диалектологического атласа тюркских языков СССР». Именно под влиянием слов М. А. Бородиной, что без картографирования не существует ареального изучения языков, Галина Федоровна стала внедрять в свое исследование новые методы лингвистической картографии — ездила в картографическое бюро, наносила на карты изоглоссы синхронных диалектных явлений в тюркских языках, составляла картосхемы к диахронному материалу. Картографические материалы Г. Ф. Благовой, как и многочисленные таблицы разных типов склонения, привлекли внимание оппонента ее докторской диссертации Э. А. Груниной. Работу Галины Федоровны поддержала также Нинель Зейналовна Гаджиева, занимавшаяся проблемами ареальной лингвистики на материале тюркских языков Кавказа.

Задачи пространственно-исторической интерпретации фактов тюркского склонения по материалам средневековых текстов непосредственным образом связаны с исторической диалектологией тюркских языков (см. также: [Благова 1968, 1970, 1976а, 1976б, 1977]). На исторической карте распространения типов тюркского склонения в юго-восточном регионе Г. Ф. Благова показала центральные и маргинальные зоны распределения типов склонения, а также возможные пути иррадиации и характер того или иного типа склонения. Тем самым было выявлено отражение диалектного членения тюркских языков юго-восточного региона в средневековых письменных текстах в соответствующие исторические периоды. Автору также удалось выявить контактные зоны, в которых происходила интерференция (или контаминация) систем склонения близкородственных тюркских языков и диалектов юго-восточного региона.

В целом, в своей работе Г. Ф. Благова стремилась современными методами решить задачу раскрытия внутренних закономерностей (тенденций) развития тюркских языковых подсистем, проявляющихся в исторически обусловленных сходствах и различиях между близкородственными языками и диалектами. В результате ею была предложена одна из возможных частных классификаций тюркских языков на основе авторской классификации типов тюркского склонения. Своей монографией Галина Федоровна продолжила редкие для тюркологической науки конкретные разработки в области исторической диалектологии тюркских языков. Вместе с тем, разработанная автором методология изучения языка памятников способствует прояснению принципиально важного вопроса, имеем ли мы в конкретном случае дело с хронологическими и территориальными разновидностями одного письменного языка или же с различными письменными языками.

Последнее десятилетие Г. Ф. Благова обратилась к изучению истории отечественной тюркологии и выявлению тенденций ее исторического формирования, к поиску тех оригинальных теоретических идей и разработок, которые могли бы оказаться востребованными современной наукой. И многолетняя практика вдумчивого системного подхода к изучению любого предмета, в том числе и научного наследства, помогла Галине Федоровне увидеть в трудах наших предшественников и старших современников много интересного и поучительного.

В 2005 г. по инициативе издательства «Восточная литература» в серии «Классики отечественного востоковедения» был опубликован однотомник избранных сочинений Александра Николаевича Самойловича [Самойлович 2005], где собран большой массив как уже печатавшихся, так и архивных работ. Составителем этого тома выступила Г. Ф. Благова (при участии Д. М. Насилова). В этом труде было впервые предпринято совокупное издание (в столь внушительном объеме) ныне раритетных прижизненных публикаций, архивных (рукописных) лингвистических и историко-литературоведческих работ А. Н. Самойловича (законченных и незаконченных), что позволило показать масштабность его исследовательских разработок и творческих замыслов. В книге [Самойлович 2005] российский читатель впервые смог ознакомиться с крупным исследованием А. Н. Самойловича «К какой из турецких литератур относить роман XIII века “Иосиф и Зулейха”» [Самойлович 2005: 789—829], прежде считавшимся «безвозвратно потерянным для науки» [Ашнин 1978].

Издание [Самойлович 2005] состоит из двух частей: «Тюркское языкознание», «История тюркских литератур и история литературных языков»; каждая из частей включает несколько разделов, в которых труды академика, написанные в разные годы, сгруппированы по тематическому принципу. Представленные в этом однотомнике труды А. Н. Самойловича позволяют восстановить научные замыслы ученого, попутно обрисовывая обширное полотно его историко-литературных и лингвистических изысканий, которые связаны между собой как объектом исследования, так и выработанной автором единой методикой.

Однако изданный однотомник [Самойлович 2005], в котором в научный оборот было введено большое количество крупных и заметных, но ранее не публиковавшихся работ ученого, не мог исчерпать обширного архива его законченных и незаконченных рукописей, т. к. после 1938 г. возможность публикаций для А. Н. Самойловича фактически была сведена на нет. Научный интерес представляло также значительное эпистолярное наследие ученого, разбросанное по разным архивам.

Стремясь создать полное представление об Александре Николаевиче как ярчайшем представителе нового («послерадловского») направления в российской тюркологии и о его научном вкладе в развитие последнего, Г. Ф. Благова скрупулезно собирала переписку ученого, комментировала содержание писем, опубликовала их и на основе изучения всего творчества А. Н. Самойловича написала его научную биографию, мастерски встроив деятельность ученого в тюркологическую историографию. Итоги многолетних усилий Галины Федоровны (см., например, [Благова 1993, 2000б]) нашли отражение в книге «Александр Николаевич Самойлович: Научная переписка. Биография» [Самойлович 2008].

В этой книге впервые в практике отечественного востоковедения публикуется корпус эпистолярного наследия ученого (250 писем), созданный на основе не только его архивов, но и фондов целого ряда востоковедов, с которыми он переписывался. Письма первой трети XX в. многое проясняют в научной биографии А. Н. Самойловича, в частности его приверженность (с молодых лет) новейшей лингвистической теории и передовым методикам. Для ученого научная переписка с коллегами была также средством достижения важной цели — объединения отечественных тюркологов и координации их исследований.

Анализ переписки и широкое привлечение других архивных материалов позволили Г. Ф. Благовой осветить два аспекта, одинаково важных для науковедения и одинаково малоизученных в системном отношении. С одной стороны, это феномен противостояния между группами отечественных востоковедов на рубеже XIX—XX вв.; с другой стороны, это не только деловые, но и истинно дружеские взаимоотношения представителей новой научной школы, стремление к консолидации творческих усилий, направленных на ее укрепление и дальнейшее развитие. Все это находило отражение и в реальной жизни факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета на рубеже XIX—XX вв.

При подготовке книги [Самойлович 2008] Г. Ф. Благова творчески освоила огромный фактический материал, о чем говорит хотя бы список использованных источников, включающий около 700 названий.

Галина Федоровна не остановилась на создании творческой биографии А. Н. Самойловича, она поставила перед собой цель восполнить существующий в историографии серьезный пробел — отсутствие истории отечественной тюркологии XIX в., в недрах которой вызревала новая тюркологическая научная парадигма, представленная в трудах А. Н. Самойловича, В. А. Гордлевского, В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского и их учеников. Разыскания Г. Ф. Благовой в этой области нашли отражение в новом выпуске «Очерков по истории тюркского языкознания в России» — в ее книге «История тюркологии в России (вторая половина XIX — начало XX века)» [Благова 2012 в печати]. Эта работа подводит итог многолетним архивным поискам и предшествующим публикациям Г. Ф. Благовой о многих представителях отечественной тюркологии (Н. И. Ильминском, Л. З. Будагове, Н. К. Дмитриеве [Дмитриев 2001: 25—46, 104—111, 227—254], К. К. Юдахине, В. А. Богородицком, А. П. Поцелуевском, Э. А. Груниной и т. д.), о преемственности научных идей в востоковедении, о нереализованных научных планах и забытых замыслах.

Выучка редактора, полученная Г. Ф. Благовой в журнале «Вопросы языкознания», не прошла бесследно — умение добросовестно работать и «инициативное редактирование» Галины Федоровны были замечены председателем (1973—1986 гг.) Советского комитета тюркологов А. Н. Кононовым. Он предложил Г. Ф. Благовой место ученого секретаря Комитета тюркологов, и в 1975 г. она заступила на эту должность. «Все валилось на меня одну: организация и проведение конференций (часто с редактированием соответствующих тезисов), пленарных заседаний (с приездом и выступлениями большинства членов Комитета), рассылка писем, оформление приглашений, заказ гостиниц для иногородних тюркологов, отчеты о событиях, сбор материалов для составления планов, библиография выходящих книг, хроники пленарных заседаний, сведения о конференциях. Работы (особенно рутинной) было колоссально много», — вспоминает Галина Федоровна. Вплоть до 1986 г. она несла на своих плечах этот огромный груз, совмещая с плановой и внеплановой научной работой в Институте языкознания АН. К тому же, с середины 80-х до начала 90-х гг. (одновременно с Э. А. Груниной) Г. Ф. Благова состояла членом редколлегии журнала «Советская тюркология», а бессменным членом Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН остается и по сей день.

В настоящее время Г. Ф. Благова — ведущий научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, член двух диссертационных советов (ИЯз РАН и ИСАА МГУ), член редколлегии журналов «Урало-алтайские исследования» и «Российская тюркология».

В творческой биографии Галины Федоровны поражает ее беззаветная преданность тюркологии, огромная работоспособность и удивительное умение видеть за незначительным научным или биографическим фактом явление большого порядка, которое может помочь при решении серьезных научных проблем.

Г. Ф. Благова выполнила завет своего мужа, известного пушкиниста Николая Яковлевича Соловья, который почти 44 года был рядом с ней и дружески поддерживал ее во всех научных начинаниях. Па-

мать о своем умном и добром соратнике Галина Федоровна запечатлела составлением и посмертным изданием его книги «О творчестве А. С. Пушкина. Очерки» [Соловей 2010].

Друзья, коллеги и ученики ценят в Галине Федоровне ее интеллигентность, доброжелательность и отзывчивость, добросовестность и обязательность, трудолюбие и даже педантичность в научной работе («ни дня без строчки», по словам Юрия Олеси). Пожелаем юбиляру по мере ее сил и возможностей продолжать свою тюркологическую деятельность и оставаться полезной для тех, с кем работает, для тех, кого любит.

Л и т е р а т у р а

Ашнин 1978 — *Ашнин Ф. Д.* Александр Николаевич Самойлович (1880—1938) // Тюркологический сборник — 1974. М., 1978. С. 8—27.

Благова 1954 — *Благова Г. Ф.* Характеристика грамматического строя (морфологии) староузбекского литературного языка конца XV в. по «Бабур-наме». Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1954.

Благова 1966 — *Благова Г. Ф.* К истории изучения «Бабур-наме» в России // Тюркологический сборник к 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966. С. 168—176.

Благова 1968 — *Благова Г. Ф.* Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении // Вопросы языкознания. 1968, 6. С. 81—98.

Благова 1970 — *Благова Г. Ф.* Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения (Опыт сравнительно-типологического изучения) // Вопросы языкознания. 1970, 1. С. 60—81.

Благова 1976а — *Благова Г. Ф.* Имена действия в тюркских языках среднеазиатского региона (Опыт ареально-типологического сравнительного изучения) // Тюркологические исследования. М., 1976. С. 51—76.

Благова 1976б — *Благова Г. Ф.* О соотношениях прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка XV — начала XVI в. // *Turcologica*. К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976. С. 27—36.

Благова 1977 — *Благова Г. Ф.* О методике изучения морфологии средневековых тюркских поэтических текстов // Вопросы языкознания. 1977, 3. С. 86—100.

Благова 1982 — *Благова Г. Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион). М., 1982.

Благова 1989 — *Благова Г. Ф.* Языковое выражение отношения «автор — адресат» в «Бабур-наме» // Советская тюркология. 1989, 1. С. 16—27.

Благова 1993 — *Благова Г. Ф.* Из истории тюркской текстологии: Александр Самойлович — исследователь «Бабур-наме». М., 1993.

Благова 1994 — *Благова Г. Ф.* «Бабур-наме»: Язык. Прагматика текста. Стиль (К истории чагатайского литературного языка). М., 1994.

Благова 1998а — *Благова Г. Ф.* Сравнительно-историческое изучение тюркской антропонимии в современной России: Реальность и перспективы // *Rocznik Orientalistyczny*. T. LI. Warszawa, 1998.

Благова 1998б — *Благова Г. Ф.* К характеристике типов раннетюркских антропонимов // Вопросы языкознания. 1998, 4. С. 180—191.

Благова 2000а — *Благова Г. Ф.* Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М., 2000.

Благова 2000б — *Благова Г. Ф.* Эдиционно-исследовательская методика в трудах академика А. Н. Самойловича // *Rocznik Orientalistyczny*. Z. I. Warszawa, 2000. S. 79—96.

Благова 2012 в печати — *Благова Г. Ф.* Очерки по истории тюркского языкознания в России: История тюркологии в России (вторая половина XIX — начало XX века) / Отв. ред. *Насилов Д. М. М.*, 2012 (в печати).

Дмитриев 2001 — Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию со дня рождения / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 2001. (Сост. *Благова Г. Ф.*: Неопубликованные статьи и тексты Н. К. Дмитриева. С. 99—226. Авт. *Благова Г. Ф.*: Предисловие. С. 3—4; Добавления к научной биографии Н. К. Дмитриева (по архивным материалам). С. 25—46; От составителя. С. 101—103; Н. К. Дмитриев как историк науки. С. 104—111; Научное наследие Н. К. Дмитриева в Архиве РАН (обзор). С. 227—254; Публикация, комментарии и примечания (к архивным текстам Н. К. Дмитриева). С. 124—226.)

Самойлович 2005 — *Самойлович А. Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника / Сост. и отв. ред. *Благова Г. Ф.*, *Насилов Д. М. М.*, 2005.

Самойлович 2008 — Александр Николаевич Самойлович: Научная переписка. Биография / Сост., авт. статей и библиогр. *Благова Г. Ф. М.*, 2008.

СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1988.

СИГТЯ 1997 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1997.

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 2002.

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. *Тенишев Э. Р., Дыбо А. В.* М., 2006.

Соловей 2010 — *Соловей Н. Я.* О творчестве А. С. Пушкина: Очерки. М., 2010.

ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ» / Ред. *Левитская Л. С. М.*, 1997.

ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «Қ» / Ред. *Левитская Л. С. М.*, 2000.

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Ред. *Левитская Л. С. М.*, 2003.

Языки мира 1997 — Языки мира: Тюркские языки / Отв. ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 1997.

Нинель Зейналовна Гаджиева (декабрь 1926 — октябрь 1991)

Прошло более двух десятилетий после кончины Нинели Зейналовны Гаджиевой. Она прожила совсем недолгую жизнь, внешне небогатую событиями, но внутренне — предельно насыщенную напряженной исследовательской работой, целеустремленным творческим поиском.

Н. З. Гаджиева родилась 4 декабря 1926 г. в Баку. В 1935 г. вместе с семьей она переехала в Ленинград, а с 1939 г. постоянно жила в Москве; переезды, видимо, были связаны с изломами тяжелой судьбы отца Нинели Зейналовны — видного общественно-политического деятеля Азербайджана Зейнала Гаджиева.

В 1941 г. Н. З. Гаджиева обучалась на курсах военных переводчиков (немецкий язык), а в 1943 г., окончив экстерном десятилетку, поступила в Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. На восточном отделении филологического факультета МГУ она изучала тюркскую филологию под руководством чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева. В 1948 г., после окончания университета, Н. З. Гаджиева поступила в аспирантуру Института языка и мышления (ныне — Институт языкознания РАН), и с этого времени в течение более чем четырех десятилетий (до конца жизни) ее научная деятельность была связана с этим ведущим языковедческим учреждением страны.

В 1952 г. Нинель Зейналовна защитила кандидатскую диссертацию «Типология придаточных предложений в современном азербайджанском литературном языке», а в 1961 г. это диссертационное исследование (под тем же заглавием) удостоилось чести быть опубликованным в новаторском по тем временам академическом многотомном издании «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» [ИСГТЯ 1961: 164—223; Гаджиева 1961]. Издание было подготовлено по инициативе Н. К. Дмитриева, под его руководством и редактированием; к работе над синтаксическим томом он привлек двух выдающихся выпускниц кафедры тюркской филологии восточного отделения МГУ — Н. З. Гаджиеву и Э. А. Грунину (их кандидатские защиты состоялись в 1952 и 1953 гг.).

В 1963 г. вышло из печати крупное исследование Н. З. Гаджиевой «Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке (в историческом освещении)» [Гаджиева 1963а]. Теоретические положения синхронного и исторического синтаксиса, на которых базировались первые монографические исследования Нинели Зейналовны, были развиты ею в защищенной в 1970 г. докторской диссертации «Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков» [Гаджиева 1973а].

Работы Н. З. Гаджиевой прежде всего посвящены вопросу о возможности синтаксической реконструкции, которую она видела в соединении и взаимном учете семантической реконструкции и морфологической опоры для той или иной синтаксической конструкции (см., например, [Гаджиева 1963б, 1964, 1968, 1969, 1971б, 1972б, 1976]). В области синтаксиса сложного предложения Н. З. Гаджиева ввела в научный обиход понятие «трансформа»: она считала, что своеобразие придаточных предложений со сказуемым в неличной форме в тюркских языках сложилось исторически — как результат трансформации некогда самостоятельных, синтаксически соположенных простых предложений. По мнению исследовательницы, процесс становления оригинальной тюркской синтаксической конструкции был сложным и противоречивым: изначально образование трансформы шло под знаком преодоления первичного примыкания и сложения подобия одного предложения; далее трансформированные конструкции обособлялись, превращаясь в абсолютные обороты; в дальнейшем возникла тенденция выхода предложения за рамки простого посредством образования на базе трансформ конструкций союзного типа.

Теоретическая концепция Н. З. Гаджиевой, в частности выработанное ею понятие «синтаксический архетип», подход к словосочетанию как объекту сравнительно-исторической грамматики тюркских языков [Гаджиева 1971а: 209]¹ (см. также [Гаджиева 1972а]) и собранный ею значительный исторический материал легли в основу двух книг, написанных в соавторстве с Б. А. Серебренниковым: «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» [СИГТЯ 1979]² (второе издание, исправленное и дополненное, вышло в Москве в 1986 г.) и обобщающий труд «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис» [СИГТЯ Синтаксис 1986]. Свой вклад в коллективное создание шеститомной

¹ В этой статье 1971 г., суммируя свои наблюдения, Н. З. Гаджиева высказала мысль: «реконструируемые нами синтаксические типы словосочетаний тюркских языков могут находить параллели в разносистемных языках» [Гаджиева 1971а: 222]. В последнее десятилетие жизни Нинели Зейналовны сравнительно-историческое изучение языков разных семей стало одной из ведущих тем ее исследовательской деятельности (см. об этом ниже).

² См. [Гаджиева 1979б].

«Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» Н. З. Гаджиева внесла еще в томах «Фонетика» (раздел «Смычные согласные и спиранты»³) [СИГТЯ 1984: 171—212] и «Морфология» (разделы «Причастие» и «Деепричастие»⁴) [СИГТЯ 1986: 444—471, 471—483]⁵.

Творческий союз Н. З. Гаджиевой и Б. А. Серебренникова был плодотворен не только для тюркского, но и для общего языкознания: неуклонно расширялась и углублялась исследовательская тематика, совершенствовалась методика научного исследования. В конце 50-х и в 60-е гг. Нинель Зейналовна много внимания уделяла истории изучения таких тюркских языков, как азербайджанский, кумыкский, карачаево-балкарский и ногайский (см. ее очерки об этих языках в книге [Младописьменные языки 1959]), участвовала в составлении предварительного словника «Этимологического словаря тюркских языков» (буквы «Д», «Т», «Б»).

Впоследствии Н. З. Гаджиева все более сосредотачивалась на разработке соотношений различных исследовательских приемов: сравнительно-исторических, ареально-лингвистических, типологических, филологических и т. д. Работы Нинели Зейналовны способствовали становлению и формированию нового научного направления в тюркологии — тюркской ареальной лингвистики. В работе [Гаджиева 1975] на основе анализа обширного диалектного материала она теоретически обобщила эвристические возможности ареальной лингвистики (в сравнении с лингвистической географией и диалектологией), распространяющиеся как на синхронию, так и на диахронию. В ее книге «Тюркоязычные ареалы Кавказа» [Гаджиева 1979а] высказывались смелые гипотезы, связанные с попыткой реконструировать хазарский язык, в том числе его грамматические черты (см. также [Гаджиева 1991б, 1997]).

На подступах к своей последней большой работе «Опыт исторической грамматики азербайджанского языка»⁶, завершенной перед самой кончиной и оставшейся неопубликованной, Н. З. Гаджиева предложила критерии определения кыпчакских элементов в огузских языках; с помощью таких критериев становится виден неоднородный характер кыпчакизмов в современных огузских языках. При опоре на концептуальные положения исследовательница делает вывод: эпохе сформировавшихся огузских и кыпчакских языков предшествовало общетюркское доогузско-кыпчакское состояние; кыпчакские и огузские языки образовались путем «отстаивания» тех или иных черт, преобладавших на определенных территориях (о критериях вычленения кыпчакских элементов в огузских языках см. также [Гаджиева 1985: 45—50])⁷. Позднее обзор литературы о «смешанном» характере языка письменных памятников был приведен в [Грунина 1997: 12—21]; Э. А. Грунина предлагает различать ««смешанность» как типологическую черту межплеменного общения» и ««смешанность» как влияние речевой среды автора или как стилистическое средство в организации текста» [там же: 19].

Широкое использование материала староазербайджанских литературных памятников, аналитическая выборка диалектных данных в целях уточнения истории развития азербайджанского языка, а также опора на тщательно продуманную и отработанную комплексную методику позволили Н. З. Гаджиевой вычленить раннее и более позднее состояния азербайджанского праязыка. Благодаря этому достигается

³ В качестве подготовительных разработок по фонетическим темам можно назвать, к примеру, статью Н. З. Гаджиевой «Глухое начало слова в тюркском праязыке» [Гаджиева 1973б].

⁴ Т. е. та часть морфологии глагола, средствами которой обеспечивается синтаксис тюркского сложноподчиненного предложения. См. также: [Гаджиева 1980].

⁵ См. [Гаджиева 1986].

⁶ В 1988 г. на страницах журнала «Советская тюркология» (далее — СТ) интенсивно обсуждались принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков, соотношения «истории литературного языка» и «исторической грамматики» в исследовании средневекового памятника [СТ 1988, 1: 67—78, 79—85], привлекались проблемы истории тюркских литературных языков [СТ 1988, 3: 58—95] и рассматривались методы составления истории литературного языка [СТ 1988, 3: 86—91] и т. д. Однако делом — составлением исторических грамматик отдельных языков — на это обсуждение в тот момент фактически удалось откликнуться только двум выдающимся ученицам Н. К. Дмитриева. «Историческая грамматика турецкого языка» Э. А. Груниной [Грунина 1991] вышла в свет в 1991 г. (подписана к печати 28.12.1990 г.); по странным обстоятельствам большая часть 500-экземплярного тиража до сих пор хранится в архиве ныне покойного автора. Трагична и судьба «Опыта исторической грамматики азербайджанского языка (морфология, синтаксис)» Н. З. Гаджиевой. Эта, последняя в ее жизни, монография, плановая, была досрочно закончена в авторском исполнении, первый экземпляр машинописной копии был считан автором, отрецензирован и утвержден к печати Ученым советом Института языкознания АН СССР в середине октября 1991 г. В силу целой цепочки трагически сложившихся обстоятельств подготовленная к печати монография была утрачена.

⁷ Ср. иной, более согласованный с аксиоматикой сравнительно-исторического языкознания, взгляд на кыпчакские черты в огузском в [СИГТЯ 2006: 149].

цель — установить, какое отражение черты тюркского праязыка (огузской и кыпчакской языковых общностей) получили в азербайджанском языке. Любое изменение в азербайджанском языке рассматривается Н. З. Гаджиевой в контексте сопряженных с ним, системно связанных явлений этого языка (и шире — тюркских языков), чем обеспечивается системный подход в исследовании исторической грамматики.

Параллельно с «Опытом исторической грамматики азербайджанского языка» Нинель Зейналовна продолжала уделять внимание сравнительно-историческому изучению языков разных семей. Ей удалось объединить языковедов разных специализаций и выпустить четыре сборника под общим названием «Сравнительно-историческое изучение языков разных семей» (с четко формулируемой тематикой каждого тома). Н. З. Гаджиева выступила при этом и как один из авторов, и как ответственный редактор первых четырех томов, написанных на материале неиндоевропейских языков: «Современное состояние и проблемы» [СИИЯРС 1981] (см. [Гаджиева и др. 1981]), «Задачи и перспективы» [СИИЯРС 1982] (см. [Гаджиева 1982]), «Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры» [СИИЯРС 1989] (см. [Гаджиева 1989а, 1989б]), «Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков» [СИИЯРС 1991] (см. [Гаджиева 1991а, 1991б]).

В Институте языкознания АН при активном участии и под руководством Н. З. Гаджиевой было создано новое научное подразделение — Группа сравнительно-исторических исследований, преобразованная в 1986 г. в Лабораторию лингвистической компаративистики, где были объединены специалисты по языковым семьям различной генетической принадлежности. Лаборатория работала над созданием серии коллективных трудов с привлечением ведущих отечественных и некоторых зарубежных ученых.

Нинель Зейналовна принимала участие во многих международных форумах: XXV Международном конгрессе востоковедов (Москва, 1960), Всесоюзных конференциях по теории реконструкции (Львов, 1985; Москва, 1987), Международных конгрессах (Бухарест, 1967; Сегед, 1971; Хельсинки, 1975; Вена, 1977; Венеция, 1985; Берлин, 1987), XXX ПИАК (Москва, 1988) и т. д. Более 200 научных трудов (из них 7 книг) принадлежат перу Н. З. Гаджиевой.

Память тюркологов сохраняет образ Нинели Зейналовны в вечном поиске, преданности однажды избранной профессии, требовательности к себе и к ученикам. Она воспитала множество аспирантов из разных тюркоязычных регионов страны, под ее научным руководством и консультированием была защищена не одна докторская диссертация.

Нинель Зейналовна страдала тяжелым хроническим заболеванием; по словам лечащего врача, поддерживали ее врожденный оптимизм и жизнелюбие. Первый же год безвременья и вседозволенности с жестоким лозунгом «Обогащайтесь!» отнял у нее оптимистический взгляд на жизнь, а с ним ушла и ее жизнь.

Благодарные ученики и коллеги Нинели Зейналовны Гаджиевой бережно хранят в своей памяти образ заботливого наставника, вдумчивого исследователя, отзывчивого и доброжелательного человека.

Литература

Гаджиева 1961 — *Гаджиева Н. З.* Типология придаточных предложений в современном азербайджанском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 3. Синтаксис. М., 1961. С. 164—221.

Гаджиева 1963а — *Гаджиева Н. З.* Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке (в историческом освещении). М., 1963.

Гаджиева 1963б — *Гаджиева Н. З.* К вопросу о методах изучения истории тюркских языков (на материале синтаксических конструкций) // Тюркологические исследования. М., 1963. С. 124—135.

Гаджиева 1964 — *Гаджиева Н. З.* Соотношение категорий времени и склонения в тюркских языках // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. Т. 83. Монголоведение и тюркология. М., 1964. С. 72—80.

Гаджиева 1968 — *Гаджиева Н. З.* О методах сравнительно-исторического анализа синтаксиса (на материале тюркских языков) // Вопросы языкознания. 1968, 3. С. 19—30.

Гаджиева 1969 — *Гаджиева Н. З.* Сравнительно-исторический метод и типологическое изучение синтаксиса тюркских языков // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969. С. 71—76.

Гаджиева 1971а — *Гаджиева Н. З.* Словосочетание как объект сравнительно-исторической грамматики тюркских языков // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 209—222.

Гаджиева 1971б — *Гаджиева Н. З.* Методы построения сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков // Советская тюркология. 1971, 2. С. 26—38.

Гаджиева 1972а — *Гаджиева Н. З.* Понятие синтаксического архетипа // Материалы XI Международного конгресса. Болонья, 1972.

Гаджиева 1972б — *Гаджиева Н. З.* О роли некоторых внутренних и внешних факторов в изменениях структуры тюркских языков // Советская тюркология. 1972, 3. С. 3—5.

- Гаджиева 1973а — *Гаджиева Н. З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.
- Гаджиева 1973б — *Гаджиева Н. З.* Глухое начало слова в тюркском языке // Советская тюркология. 1973, 4. С. 3—10.
- Гаджиева 1975 — *Гаджиева Н. З.* Проблемы тюркской ареальной лингвистики: Среднеазиатский ареал. М., 1975.
- Гаджиева 1976 — *Гаджиева Н. З.* О тенденциях в развитии морфологического строя тюркских языков // Советская тюркология. 1976, 5. С. 3—5.
- Гаджиева 1979а — *Гаджиева Н. З.* Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.
- Гаджиева 1979б — *Гаджиева Н. З.* Синтаксис // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Ред. *Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. З.* Баку, 1979. С. 254—302.
- Гаджиева 1980 — *Гаджиева Н. З.* О морфологической реконструкции тюркских языков // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980. С. 154—157.
- Гаджиева 1982 — *Гаджиева Н. З.* Послесловие // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Т. 2. Задачи и перспективы / Отв. ред. *Гаджиева Н. З.* М., 1982. С. 291—299.
- Гаджиева 1985 — *Гаджиева Н. З.* Критерии выделения кыпчакских элементов в огузских языках // Тюркское языкознание. Ташкент, 1985. С. 45—50.
- Гаджиева 1986 — *Гаджиева Н. З.* Причастие. Деепричастие // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1986. С. 444—471, 471—483.
- Гаджиева 1989а — *Гаджиева Н. З.* Предисловие // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Т. 3. Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры / Отв. ред. *Гаджиева Н. З.* М., 1989. С. 3—4.
- Гаджиева 1989б — *Гаджиева Н. З.* Приемы синтаксической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Т. 3. Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры / Отв. ред. *Гаджиева Н. З.* М., 1989. С. 124—135.
- Гаджиева 1991а — *Гаджиева Н. З.* Предисловие // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Т. 4. Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков / Отв. ред. *Гаджиева Н. З.* М., 1991. С. 3—4.
- Гаджиева 1991б — *Гаджиева Н. З.* Проблемы реконструкции грамматических черт хазарского языка // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Т. 4. Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков / Отв. ред. *Гаджиева Н. З.* М., 1991. С. 76—85.
- Гаджиева 1997 — *Гаджиева Н. З.* Хазарский язык // Языки мира: Тюркские языки / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1997. С. 138—139.
- Гаджиева и др. 1981 — *Гаджиева Н. З., Левитская Л. С., Тенишев Э. Р.* Тюркские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Т. 1. Современное состояние и проблемы / Отв. ред. *Гаджиева Н. З.* М., 1981. С. 206—234.
- Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.
- Грунина 1997 — *Грунина Э. А.* О «смешанном» характере языка письменных памятников, или проблема *olga — bolga* // Вопросы тюркской филологии. Вып. 3. Материалы Дмитриевских чтений. М., 1997. С. 12—21.
- ИСГТЯ 1961 — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 3. Синтаксис / Ред. *Дмитриев Н. К.* М., 1961.
- Младописьменные языки 1959 — Младописьменные языки народов СССР. М.—Л., 1959.
- СИГТЯ 1979 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Ред. *Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. З.* Баку, 1979.
- СИГТЯ 1984 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1984.
- СИГТЯ 1986 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1986.
- СИГТЯ Синтаксис 1986 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис / Ред. *Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. З.* М., 1986.
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. *Тенишев Э. Р., Дыбо А. В.* М., 2006.
- СИИЯРС 1981 — Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Т. 1. Современное состояние и проблемы / Отв. ред. *Гаджиева Н. З.* М., 1981.
- СИИЯРС 1982 — Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Т. 2. Задачи и перспективы / Отв. ред. *Гаджиева Н. З.* М., 1982.
- СИИЯРС 1989 — Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Т. 3. Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры / Отв. ред. *Гаджиева Н. З.* М., 1989.
- СИИЯРС 1991 — Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Т. 4. Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков / Отв. ред. *Гаджиева Н. З.* М., 1991.

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf либо распечатку!

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указывается фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (напр. [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Приводимый на с. 122—123 список сокращений относится **ко всему журналу** (соответственно, эти сокращения не нужно расшифровывать в отдельных статьях).

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text!

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

The list of abbreviations on p. 122—123 is valid **for the entire volume** (so they have not to be itemised in the reference lists of the individual articles).

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gesamplemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.*. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 23—45.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала

по СНГ:

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 900 руб
 - годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб
 - стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 580 руб
 - стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 390 руб
- Агентствам предоставляется скидка 20%

Для частных лиц

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 700 руб.
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 400 руб.
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 450 руб.
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 300 руб.

не в странах СНГ:

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €
 - годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €
 - стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €
 - стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €
- Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно в:

- ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

Journal Price:**for CIS countries:**

For organizations

- annual subscription for the printed copy of the journal is 900 RUB.
 - annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB.

 - price for a single printed issue without subscription is 580 RUB.
 - price for a single electronic issue without subscription is 390 RUB.
- Discount for agencies is 20%.

For individuals

- annual subscription for the printed copy of the journal is 700 RUB.
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 400 RUB.

- price for a single printed issue without subscription is 450 RUB.
- price for a single electronic issue without subscription is 300 RUB.

outside CIS countries:

For organizations

- annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €
 - annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €

 - price for a single printed issue without subscription is 49 €
 - Price for a single electronic issue without subscription is 29 €
- Discount for agencies is 20%.

For individuals

- annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €.
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €.

- price for a single printed issue without subscription is 39 €.
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer:**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Send us, please, an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you're going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Send us, please, a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price include postage expenses and does not include banking fees.

Извещение

Форма № ПД-4

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКБ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в _____ ОАО «АКБ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)
к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:
«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКБ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в _____ ОАО «АКБ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)
к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:
«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Квитанция

Кассир

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)		
(ИНН налогоплательщика)		
№ (номер лицевого счета (код) плательщика)		
Журнал «Урало-алтайские исследования»		
год\№	1	2
2010		

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)		
(ИНН налогоплательщика)		
№ (номер лицевого счета (код) плательщика)		
Журнал «Урало-алтайские исследования»		
год\№	1	2
2010		

Редактор
М. К. Амелина

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, комн. 44

Т е л е ф о н
+7 (495) 691-63-06

Editorial staff
Maria Amelina

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editors' address
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, off. 44

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

